

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 19, 2025

Электронный научный рецензируемый журнал

Основан в 2021 году

Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)

Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)

Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам

в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание

в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2025

Главный редактор

Сарапулов кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
Алексей Николаевич государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

Шмуратко кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Дмитрий Владимирович Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Подюков доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Иван Алексеевич Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

Аверина доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Анна Викторовна Московский городской педагогический университет)

Абашева доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Марина Петровна Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

Абдуллина доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Амина Шакирьяновна Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

Андросова доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Светлана Викторовна Амурский государственный университет)

Балакин доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Сергей Владимирович Уральский государственный университет путей сообщения)

Бакиш доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Наталья Александровна Российский государственный гуманитарный университет)

Данилевская доктор филологических наук, профессор
Наталья Васильевна (Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

Забияко доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Анна Анатольевна Амурский государственный университет)

Егоров кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
Константин Борисович государственный гуманитарно-педагогический университет)

<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Меҳриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 19, 2025

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

© Perm State Humanitarian
Pedagogical University, 2025

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birk, Birk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Aknulla)

Ivashkevich Ph.D. (Philology), Associate Professor
Irina Nikolaevna (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

<i>Krylasova Natalya Borisovna</i>	Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher (Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
<i>Kosteva Viktoria Mikhailovna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
<i>Maroshi Valerii Vladimirovitch</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
<i>Stepanov Valery Leonidovich</i>	Grand Ph.D. (History), Professor (Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
<i>Türk Attila</i>	Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic University named after Peter Pazman)
<i>Shipova Irina Alekseevna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
<i>Nagzibekova Mehrinnisso Bozorovna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
<i>Yushkova Lyudmila Anatolyevna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 7–14.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 7-14.

Научная статья

УДК 94(470.53)

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-7-14

ПЕРМСКАЯ ПОТРЕБКООПЕРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Наталья Леонидовна Габриель

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
gabi@pspu.ru

Аннотация. Важные изменения в политическом, общественно-экономическом состоянии страны в начале XX века привели к серьезному переосмыслению кооперативным сообществом своих взглядов, внеся определенные коррективы в сферу практической деятельности. Толчком к росту общественно-политической активности уральских кооперативов явилась первая российская революция. При этом характер деятельности в этой сфере существенным образом изменился. Теперь к решению коммерческих и организационных вопросов в потребительской кооперации добавились и другие. Более того, потребкооперация стала центром внимания государственных и политических сил. Тенденция усиления полицейского контроля и внимания к кооперативам со стороны ведущих политических партий стала все более очевидной. Подтверждением тому следует рассматривать серию ведомственных циркуляров, в одном из которых Министерство внутренних дел констатировало факт возрастающего влияния левых сил на кооперацию и заявляло, что не допустит осуществления каких бы, то ни было замыслов противоправительственных партий. Выполнению данных распоряжений сопутствовали неоднократные правительственные проверки. В течение 1909–1910 гг. они прошли в Пермской, Вятской и других губерниях. Стремление политических сил к использованию в партийных целях потребительских обществ, к примеру, в Пермской губернии было достаточно активным.

Ключевые слова: кооперативное сообщество, социализм, капитализм, политические партии, потребительская кооперация, идейная борьба, социал-демократы.

Для цитирования: Габриель Н. Л. Пермская потребкооперация, как объект пристального внимания государственных и политических сил в начале XX века // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 7–14. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-7-14>

Original article

PERM CONSUMER COOPERATION AS AN OBJECT OF CLOSE ATTENTION OF STATE AND POLITICAL FORCES AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Natalia L. Gabriel

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, gabi@pspu.ru

Abstract. Important changes in the political, socio-economic state of the country at the beginning of the twentieth century led to a serious rethinking of the cooperative community's views, making certain adjustments to the field of practical activity. The first Russian revolution was the impetus for the growth of

socio-political activity of the Ural cooperatives. At the same time, the nature of activities in this area has changed significantly. Now other issues have been added to the solution of commercial and organizational issues in consumer cooperation. Moreover, consumer cooperation has become the focus of attention of state and political forces. The trend of increasing police control and attention to cooperatives from the leading political parties has become more and more obvious. This should be confirmed by a series of departmental circulars, in one of which the Ministry of Internal Affairs stated the fact of the increasing influence of leftist forces on cooperation and stated that it would not allow the implementation of any plans of illegal parties. The implementation of these orders was accompanied by repeated government inspections. During 1909–1910. They were held in Perm, Vyatka and other provinces. The desire of political forces to use consumer societies for party purposes, for example, in the Perm province, was quite active.

Keywords: cooperative community, socialism, capitalism, political parties, consumer cooperation, ideological struggle, Social Democrats.

For citation: Gabriel N. L. Perm consumer cooperation as an object of close attention of state and political forces at the beginning of the 20th century. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-7-14>

Введение

Кооперативное движение в начале XX в. становится важным фактором не только экономической, но и общественно-политической жизни страны. При этом принцип «политической нейтральности», составлявший одно из важных направлений кооперативной деятельности, породил ряд проблем, главной из которых являлось решение вопроса об участии кооперации в государственных делах.

Специфика проблемы состояла в том, что кооперативное движение по своему социальному составу было разнородным. Это вызывало острые дебаты среди идеологов-кооператоров. Отвечая на вопрос о социальном характере кооперации, одни отмечали ее надклассовый характер, а другие, констатируя преимущество сельских кооперативов среди других типов кооперативных организаций, выражали ее демократический характер. Но, в конечном счете, участие в кооперативах представителей разных сословий и, прежде всего, крестьян, позволил уральским кооператорам сформулировать их цели в общественно-политическом формате государственной жизни. Они заключались в защите социально-экономических интересов народа и по возможности его политических и гражданских прав. Хотя изначально теоретические основы кооперативной деятельности не предусматривали решение таких серьезных вопросов, как вопросов политики, религии, национальных взаимоотношений. По мнению кооператоров, такого рода представления «были чужды кооперации» [Уральский кооператор 1912; Уральское хозяйство 1915]. Такая позиция не предполагала отсутствия свободы мнений, слова между кооператорами и их право выражать свою точку зрения на происходившее в стране. Кооперация, – как отмечалось в кооперативной печати, – никогда не должна и не отказывается от права освещать те или иные вопросы «общего характера» со своей кооперативной точки зрения. В частности, такие насущные для своего времени, как совершенствование земского и городского самоуправления и многие другие [Уральское хозяйство 1915].

Основная часть

Важные изменения в политическом, общественно-экономическом состоянии страны в начале XX в. привели к серьезному переосмыслению кооперативным сообществом своих взглядов, внося определенные коррективы в сферу практической деятельности. Во многом, это было связано с появлением политических партий, получивших широкое распространение после революционных событий 1905–1907 гг. При этом, программные установки влиятельных партий России относительно сущности кооперации, ее роли и значения в общественном и социально-экономическом развитии страны существенным образом отличались.

У социал-демократов было два направления: реформистское и революционное. Первое представляли меньшевики, которые считали, что кооперация есть самостоятельная социализирующая сила, способная видоизменять капиталистические отношения. И как они

полагали, при этом преимущественную помощь окажут им потребительские общества. Второе направление отстаивало идею, что кооперация не может изменить капитализм, она – лишь средство борьбы с существующим строем. Одной из организационных форм в достижении поставленной цели, по их мнению, была снова потребительская кооперация.

Эсеры, считая кооперацию надклассовой организацией, функционирующей вне классовой борьбы, видели в ней один из способов освобождения крестьян от власти капитала. Они верили в ее жизнеспособность и возможность изменения общественно-политического и экономического строя. Для либеральных партий, заинтересованность которых в кооперации была вызвана их оппозиционностью правительству, кооперация представлялась лишь как средство сглаживания социальных противоречий, при этом давая преимущества, в первую очередь для деревенской буржуазии.

Общественно-политическая ситуация начала XX в. прямым образом сказалась на деятельности пермской потребительской кооперации. Под воздействием общественно-политической и экономической нестабильности в стране она вынуждена была непосредственно заняться решением важных социальных и политических проблем. Наступило время, – как было точно замечено «Уральским кооператором», – когда кооперации было «суждено оказать свою долю влияния на развитие социально-политической жизни России» [Уральский кооператор 1913; ГАРФ. ДП-ОО. 1 000 ч. 14. Т. 3. Л. 7 об.].

Особенно в годы первой мировой войны, когда кооперация, оставаясь популярной среди широких кругов общественности, стала вызывать серьезные опасения со стороны органов власти. В сведениях по Пермской губернии за декабрь 1915 г. указывалось, что более всего свою оппозиционность в обществе проявляют «кооператоры». Отмечая отсутствие противоправных действий, вместе с тем в сводках акцентировалось внимание на том, что участвовавшие всевозможные собрания и совещания по продовольственным вопросам, а также по вопросам борьбы с дороговизной и со спекуляцией, безусловно, являлись рассадниками недовольства против существующего порядка управления страной [ГАРФ. ДП-ОО. Д.167. Л.31 об, 32: 31].

В сферу жизненно важных экономических, социально-политических проблем потребкооперации края входили разные вопросы, связанные с ценовой политикой государства, принятием основного кооперативного закона, с распространением революционных идей и решением многих других важных общественно значимых задач. А появление в рядах потребительской кооперации представителей из разных политических партий ускорило процесс участия ее в жизни региона.

Итак, очевидный размах общественно-политической деятельности потребительской кооперации и края в частности приходится на послереволюционные события начала XX в. При этом круг поднимаемых задач среди кооперативной общественности рос. Если до революции 1905–1907 гг. деятельность местной потребкооперации в основном ограничивалась решением организационных и коммерческих вопросов, то после этих событий круг ее полномочий значительно расширился. Более того, она становится объектом пристального внимания государственных и политических сил. Это нашло отражение в усилении контроля центральной и местной власти над потребительскими обществами, в непосредственном участии политических партий в жизни кооперативов, а также в самостоятельной деятельности самих потребительских кооперативов на политическом поприще.

Принципиально важно отметить, что на протяжении всего послереволюционного периода существования кооперативов, государственные органы ни на минуту не оставляли без повышенного внимания местные кооперативные организации. В связи с этим был специально выпущен Циркуляр Департамента полиции от 5 апреля 1909 г., который потребовал от всех губернаторов российской империи установить строжайший контроль и наблюдение за кооперативными учреждениями всех видов. Для этого губернаторам незамедлительно предлагалось подготовить и передать в Департамент полиции сведения обо

всех существующих на местах кооперативах. Циркуляр требовал «относиться с особой осторожностью к ходатайствам о разрешении новых кооперативных учреждений и удовлетворять таковые не иначе как по тщательной проверке степени политической благонадежности учредителей» [ГАРФ. ДП-ОО. 1 000 ч.14. Т.3. Л. 7 об.; ГАРФ. ДП-ОО. 999 ч.17. Л. 9-10.7. ГАПК. Ф.576. Оп.1. Д.1. Л. 54]. Исходя из требований официального документа, на местах стали вести дневники агентурных сведений по наблюдению за сомнительными лицами. В этом же распоряжении Министерство внутренних дел констатировало факт о все возрастающем влиянии левых сил на кооперацию и заявляло, что не допустит осуществления каких бы то ни было замыслов противоправительственных партий.

Надо признать, что еще в разгар революционных потрясений, органы центральной власти издали распоряжение, которое регламентировало деятельность подобных обществ. Был издан соответствующий Циркуляр МВД, который касался условий созыва собраний легальных обществ. В нем на имя губернаторов и градоначальников от 1 июня 1905 г. выдвигались следующие категорические требования: 1. При разрешении собраний того или иного общества строго руководствоваться положением о недопустимости участия в заседании посторонней публики. 2. Разрешать собрания того или иного общества только при наличии подробной программы заседания. При отступлении от программы собрания закрывать. В программе не должно быть вопросов, которые противоречат «началу незыблемости основных законов Империи» и т. д. [ГАРФ. ДП-ОО. 999 ч. 17. Л. 9-10; ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 125. Л. 20].

Кроме того, в уставах самих кооперативов уже содержался параграф, фиксирующий порядок проведения кооперативных собраний. Он гласил о месте и времени общего собрания, члены которого уведомлялись не менее, как за неделю, также о вопросах, подлежащих обсуждению и о заблаговременном предупреждении местного полицейского начальства [ГАПК. Ф. 576. Оп. 1. Д. 1. Л. 54].

Так, как в Пермской губернии, как и во всей России, наиболее активную работу в кооперативах вели большевики и эсеры, Пермский губернатор и градоначальники систематически получали из Министерства Внутренних дел циркуляры, в которых они знакомились с резолюциями крайних левых партий, в том числе и с их взглядами на кооперативные учреждения [ГАПК. Ф.65. Оп. Д.110. Л.2; Оп.3. Д.11. Л.290-292; Оп.5. Д.146. Л.115-118]. Следуя центральным распоряжениям, местный губернатор регулярно сообщал в Департамент полиции об имеющихся в уездах кооперативах, количестве членов, их занятиях и политической благонадежности руководителей и рядовых членов обществ [ГАПК. Ф.65. Оп.3. Д.125. Л.20].

Надо заметить, что все сведения о «политической благонадежности» членов потребительских обществ незамедлительно отправлялись в центр.

Причиной этому послужило существование специального распоряжения товарища Министра внутренних дел генерала Г. М. Курлова. Все полицейские ведомства с 5 апреля 1909 года приступили к составлению поименных списков неблагонадежных лиц, вошедших в состав кооперативных правлений и советов. Выполнению данного циркуляра сопутствовали неоднократные правительственные проверки. К примеру, в течение 1909–1910 гг. они прошли в Пермской, Нижегородской, Казанской, Астраханской, Оренбургской, Вятской, Архангельской и других губерниях. В случае непредставления списков полиция закрывала кооперативы [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 376. Т. 2. Ч. 1. Л. 64 об, 65.10: 64 об]. Из общего числа 11432 зарегистрированных в стране кооперативных учреждений неблагонадежные лица имелись в 750 кооперативах (6,5 %), что составляло не более 1560 человек, то есть по 2 человека на кооператив [там же. Л.71, 71 об.].

Тревогу у местного начальства вызывало появление неблагонадежных лиц в управленческом аппарате потребительских кооперативов. В рапортах уездных исправников в Пермское губернское правление об этом не единожды сообщалось. Так, в

рапорте Осинского уездного исправника был указан список неблагонадежных лиц, избранных в состав правления общества потребителей в количестве 11 человек. Помимо прочего указывался и характер их деятельности, а именно неоднократное участие в митингах 1905–1906 гг., наличие опасной литературы, связь с лицами, которые давно скомпрометировали себя в политическом отношении и т. д. Все они по своим взглядам не внушали доверия и состояли под негласным, а кто и постоянным наблюдением. Под политически неблагонадежными подразумевались не только члены социалистических партий, но и либеральных. Среди таковых, как указывалось в рапорте, был 1 человек по фамилии Л. М. Кондаков, который принадлежал к партии кадетов [ГАПК. Ф. 36. Оп. 3. Д.172. Л. 45-51; Л.45 об.].

С ростом социально-политической активности в стране потребкооперация становится объектом острой политической и идейной борьбы. Стремление политических сил к использованию в партийных целях потребительских обществ в губернии было достаточно активным. Особенно актуальным являлось влияние на потребительские общества большевиков. Поражение в первой русской революции потребовало от них переосмысления своих основных ориентиров, а именно поиска надежного прикрытия в форме легальной организации, одной из которых и были потребительские кооперативы. На областных конференциях российской социал-демократической партии в числе самых рассматриваемых и обсуждаемых вопросов являлись кооперативное движение на Урале, характеристика существующих потребительских обществ, отношение к ним местных партийных организаций. А во время войны влияние революционных партий и вовсе укрепилось. В документах Департамента полиции по Пермской губернии это находит прямое подтверждение. В них признается доминирующее влияние представителей социал-демократического крыла РСДРП в кооперативах. В очередных сведениях начальника губернского жандармского управления за 1915 г. сообщалось, что, несмотря на постепенный характер развития кооперативов в губернии, они в основном имеют социал-демократическую направленность, благодаря тому, что инициаторами и главными работниками являются лица, известные Управлению, как члены местного РСДРП. О преобладании социал-демократической направленности в потребительских кооперативах можно судить по материалам центрального и местного архивов.

В дневниках наблюдения, которые велись на местах, а потом отправлялись в Департамент полиции, указывалось социальное положение, место службы, явок, конспиративные имена, а также некоторые другие, особо требующие внимания детали. Часто упоминаемым потребительским обществом в этих сводках, начиная с первой революции было Пермское железнодорожное. Например, по сведениям за 1904–1906 гг. 13 членов общества потребителей служащих Пермской железной дороги являлись членами Пермского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Средний возраст их составлял 26 лет. За всеми был установлен особый надзор. При этом, один из членов общества по фамилии С. Хренов был замечен в распространении нелегальной заграничной литературы. По данным агентурных сведений за другие годы в числе служащих этого общества находился также социал-демократ М. И. Григорьев. Из женщин общества, наиболее часто встречаемой фамилией в сводках была М. П. Федорова (кличка Фортуна), которая кстати принадлежала к группе социалистов-революционеров [ГАРФ. ДП-ОО. Д. 2396. Т. 10. Ч. 11. Л. 192, 196 об.].

Отдельные материалы Пермского архива позволяют представить некоторую общую картину состояния дел в потребительских обществах по уездам Пермской губернии. Любопытными представляются сведения в Департамент полиции от 27 января 1910 г., по которым можно судить о степени политической неблагонадежности, политических пристрастиях членов потребительских обществ, действовавших на данное время в 10 уездах губернии.

Так, исходя из сведений просмотренного дела по губернии на 1910 г., в 33 потребительских обществах всего по неблагонадежности было выявлено 60 чел. По количеству политически неблагонадежных лиц были отмечены следующие уезды: Екатеринбургский (21 чел.), Красноуфимский (10 чел.) и Шадринский (8 чел.). Затем следовали Кунгурский, Ирбитский, Оханский уезды по 4 чел. в каждом. В Пермском уезде число таких лиц составляло – 3 чел., Чердынском – 3 чел., Камышловском – 2 чел. и Соликамском 1 чел. При этом самое большое количество неблагонадежных людей находилось в сельских потребительских обществах – 48 чел.

В руководящий состав потребительских кооперативов из 60 неблагонадежных лиц входило – 41 чел. Из них 1 чел. – из Першинского общества Шадринского уезда являлся священником. По главным пунктам обвинений, таким как распространение прокламаций, ведение революционной пропаганды, участие в революционных собраниях, забастовках, сходках, тайной агитации, призывах к беспорядкам, к обыску и аресту подвергались 22 чел. Под особым надзором находился 1 чел. из Сылвенского общества потребителей Красноуфимского уезда.

По другим пунктам обвинений был отмечен член правления Ярославского общества потребителей Ирбитского уезда И. Важенин. Он обвинялся в оскорблении Высочайшей Особы. А по городу Екатеринбургу под сомнение вновь попал небезызвестный С. Хренов, который при выборах в Государственную Думу в 1907 г. выступил кандидатом от социал-демократической партии. Далее из дела следует, что наибольшее внимание полиции было обращено в сторону уже упомянутого ранее общества потребителей служащих Пермской железной дороги и, прежде всего, по причине распространения действий его правления, находившегося в городе Перми на всю линию железной дороги в пределах четырех губерний – Пермской, Оренбургской, Вятской и Вологодской. В числе политически неблагонадежных лиц общества была отмечена одна женщина, член этого кооператива И. Матвеева, которая в 1903 г. была подвергнута обыску, а с 1905 г. участвовала в уличных беспорядках.

На собрании представителей партийных ячеек, как это было в Екатеринбурге 16 июня 1913 г., большевики поставили своей задачей «провести на штатные должности в легальные организации, в том числе и кооперативы своих членов и широко использовать эти организации в целях прикрытия своей конспиративной деятельности и пропаганды среди масс социалистических идей. Для руководства работой в легальных организациях избрали комиссию в составе 3-х человек (Н. М. Давыдов, Н. И. Уфимцев, В. У. Хуснутдинов) [Рябухин 1973: 86].

К числу видных большевиков, которые активно работали в кооперативах Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Миньярского, Лысьвенского, Надеждинского заводов относились Ф. Ф. Сыромолотов, С. И. Дерябина, Л. И. Вайнер. Активное влияние социал-демократов и, прежде всего большевиков Урала в кооперативах продолжало расти. Но главное внимание их, по мнению исследователей Е. И. Рябухина, Л. В. Ольховой было обращено к рабочим кооперативам [Ольховая 1981; Рябухин 1973]. Рабочие кооперативы считались среди других легальных рабочих обществ главным организующим фактором. В этих обществах наиболее убедительно проявлялась общая тенденция роста влияния большевистской партии.

Все чаще большевики являлись организаторами создания потребительских рабочих кооперативов, стояли у руководства ими. Этот процесс начался еще до первой мировой войны. Уральский материал об этом свидетельствует. Инициаторами создания рабочего кооператива на лысьвенском заводе стали члены большевистской организации Г. М. Жданов, Е. Ф. Видунов, С. А. Каюрин, А. Н. Клыков. Председателем правления открытого в 1911 г. на заводе потребительского общества «Рабочий» был избран большевик Г. М. Жданов [ГАПК. Ф. 229. Оп. 2. Д. 7. Л. 162, 166 об.].

Заключение

Таким образом, стремление политических сил к использованию в партийных целях потребительских обществ в губернии, как и противодействие со стороны государственной власти было достаточно активным. Особенно это относится к социал-демократам, главное внимание которых было обращено к рабочим кооперативам. Влияние других политических сил на кооперацию также имело место, но не в масштабах деятельности социал-демократического движения. Усилия и ориентиры социал-демократов, согласно, данным источникам, в сфере кооперативного сотрудничества, подтверждали, как большой потенциал, так и огромные перспективы кооперативного движения.

Список литературы и источников

1. Уральский кооператор // Кооперативный журнал Уральского союза потребительских обществ. 1912. № 20. С. 2.
2. Уральское хозяйство // Двух недельный кооперативный сельскохозяйственный журнал. Екатеринбург : Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ/ 1915. № 13. С. 2.
3. Уральский кооператор. 1913. № 11-12. С. 5.
4. ГАРФ. ДП-ОО. Д. 167. Л. 31 об, 32.
5. ГАРФ. ДП-ОО. 1 000 ч.14. Т. 3. Л. 7 об.
6. ГАРФ. ДП-ОО. 999 ч. 17. Л. 9-10.
7. ГАПК. Ф. 576. Оп. 1. Д.1. Л. 54.
8. ГАПК. Ф. 65. Оп. Д. 110. Л. 2; Оп. 3. Д. 11. Л. 290-292; Оп. 5. Д. 146. Л. 115-118.
9. ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 125. Л. 20.
10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 376. Т. 2. Ч. 1. Л. 64 об, 65.
11. Там же. Л. 71, 71 об.
12. ГАПК. Ф. 36. Оп. 3. Д. 172. Л. 45-51; Л. 45 об.
13. ГАРФ. ДП-ОО. Д. 2396. Т. 10. Ч. 11. Л. 192, 196 об.
14. Ольховая Л.В. Легальные рабочие организации на Урале (1905-1914 гг.) // Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука. 1981. С. 215.
15. Рябухин Е. И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связи с массами (1907–1914 гг.). Кн. II. Ч. III. Саратов. 1973. С. 86.
16. ГАПК. Ф. 229. Оп. 2. Д.7. Л.162, 166 об.

References

1. Ural'skiy kooperator [Ural cooperator], *Kooperativnyy zhurnal Ural'skogo soyuza potrebitel'skikh obshchestv*. 1912, no. 20, pp. 2. (In Russ.).
2. Ural'skoe khozyaystvo [Ural farm]. *Dvukh nedel'nyy kooperativnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*. Ekaterinburg, Ekaterinburgskiy soyuz kreditnykh i ssudo-sberegatel'nykh tovarishchestv. 1915, no. 13, pp. 2. (In Russ.).
3. Ural'skiy kooperator [Ural cooperator]. 1913, no. 11-12, pp. 5. (In Russ.).
4. GARF [State Archives of the Russian Federation]. DP-OO, d. 167, l. 31 ob, 32. (In Russ.).
5. GARF [State Archives of the Russian Federation]. DP-OO, 1 000 part 14, vol. 3, l. 7 ob. (In Russ.).
6. GARF [State Archives of the Russian Federation]. DP-OO., 999 part 17, l. 9-10. (In Russ.).
7. GAPK [State Archives of the Perm Territory]. F. 576, op. 1, d.1, l. 54. (In Russ.).
8. GAPK [State Archives of the Perm Territory]. F. 65, op., d. 110. l. 2, op. 3, d. 11, l. 290-292, op. 5, d. 146, l. 115-118. (In Russ.).
9. GAPK [State Archives of the Perm Territory]. F. 65, op. 3., d. 125, l. 20. (In Russ.).
10. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 102, op. 119, d. 376, vol. 2, part 1, l. 64 ob, 65. (In Russ.).
11. GARF [State Archives of the Russian Federation]. L. 71, 71 ob. (In Russ.).
12. GAPK [State Archives of the Perm Territory]. F. 36, op. 3, d. 172, l. 45-51, l. 45 ob. (In Russ.).
13. GARF [State Archives of the Russian Federation]. DP-OO., d. 2396, vol. 10, part. 11, l. 192, 196 ob. (In Russ.).

14. Ol'khovaya L.V. Legal'nye rabochie organizatsii na Urale (1905-1914 gg.) [Olkhovaya L.V. Legal workers' organizations in the Urals (1905-1914)]. *Rabochiy klass Tsentra strany i Sibiri (konets KhKh - nachalo KhKh v.)*. Novosibirsk, Nauka, 1981, pp. 215. (In Russ.).

15. Ryabukhin E. I. Bol'shevistskie organizatsii Urala v bor'be za nelegal'nyu partiya proletariata i uprochenie ee svyazi s massami (1907-1914 gg.) [Bolshevik organizations of the Urals in the struggle for an illegal party of the proletariat and strengthening its ties with the masses (1907–1914)]. Book. II, part III, Saratov, 1973, pp. 86. (In Russ.).

16. GAPK [State Archives of the Perm Territory]. F. 229, op. 2, d.7, l.162, 166 ob. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. Л. Габриель – кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии и общественных наук,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

N. L. Gabriel – Ph. D. (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 15–20.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 15-20.

Научная статья

УДК 37(09)

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-15-20

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В КРЫМСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В 1920–1929 ГГ.

Сергей Николаевич Штейников

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
sergei801@mail.ru

Аннотация. История кадетского образования России насчитывает 292 года. К моменту событий 1917 г. в Российской империи функционировали 32 кадетских корпуса, один из них Морской кадетский корпус осуществлял подготовку кадров для Российского императорского флота. С момента подписания указа императрицы Анны Иоанновны 17 февраля 1732 г. кадетам, офицерам-воспитателям и преподавательскому составу пришлось пройти тернистый путь. На их долю выпадали очень сложные, противоречивые, а порой и переломные события. Пожалуй, самым тяжким испытанием стала Гражданская война. Именно в этот период был полностью нарушен установленный уклад размеренной жизни и учебного процесса, сложившийся в кадетских корпусах императорской России. После опубликования большевистского приказа о ликвидации кадетских корпусов, воспитанники остались выброшенными на улицу. В ноябре 1917 г. кадеты Москвы, совместно с юнкерами принимали участие в боях против красногвардейцев. Некоторые кадеты уходили на территории, занятые антибольшевистскими силами, вступали в отряды, где с оружием в руках боролись против советской власти. Лидеры Белого движения понимали всю опасность окопной жизни для мальчишек и старались возвращать их в корпуса для продолжения обучения. Генерал-лейтенант П. Н. Врангель после принятия поста Главнокомандующего отдал приказ об отчислении из армии и флота добровольцев, не имеющих среднего образования. Мальчишки направлялись для обучения в созданный на основе Петровского-Полтавского и Владикавказского кадетских корпусов Крымский кадетский корпус (Ореанда, Крым). Учебный процесс продлился недолго, осенью 1920 года части ВСЮР приступили к эвакуации, в том числе и военно-учебных заведений.

Ключевые слова: Крымский кадетский корпус, кадет, Гражданская война, Русская эмиграция, Военно-учебные заведения, Белая армия.

Для цитирования: Штейников С. Н. Организация учебного процесса в Крымском кадетском корпусе в 1920–1929 гг. // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 15–20. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-15-20>

Original article

ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE CRIMEAN CADET CORPS IN 1920-1929

Sergey N. Shteinikov

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia, sergei801@mail.ru

Abstract: The history of cadet education in Russia goes back 292 years. By the time of the events of 1917 there were 32 cadet corps in the Russian Empire, one of them the Sea Cadet Corps was training personnel for the Russian Imperial Navy. Since the signing of the decree of Empress Anna Ioannovna on February 17, 1732, the cadets, officers-educators and teaching staff had to pass a thorny path. They faced

very difficult, contradictory and sometimes even critical events. Perhaps, the Civil War was the most severe test. It was during this period that the established way of measured life and educational process, which had been established in the cadet corps of Imperial Russia, was completely broken. After the publication of the Bolshevik order to liquidate the cadet corps, the pupils were thrown out on the street. In November 1917, the Moscow cadets, together with the Junkers, took part in battles against the Red Guards. Some cadets went to the territories occupied by anti-Bolshevik forces, joined the detachments, where they fought against the Soviet power with weapons in their hands. The leaders of the White Movement understood the danger of trench life for the boys and tried to return them to the corps to continue their education. After assuming the post of Commander-in-Chief, Lieutenant-General P.N. Wrangel ordered the expulsion from the army and navy of volunteers without secondary education. The boys were sent for training to the Crimean Cadet Corps (Oreanda, Crimea) created on the basis of Petrovsky-Poltava and Vladikavkaz cadet corps. The educational process did not last long, in the fall of 1920 the Russian Army began evacuation, including the military schools.

Keywords: Crimean Cadet Corps, cadets, Civil War, Russian emigration, Military educational institutions, White Army.

For citation: Shteinikov S. N. Organization of the educational process in the crimean cadet corps in 1920-1929. Perm consumer cooperation as an object of close attention of state and political forces at the beginning of the 20th century. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:15-20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-15-20>

Введение

К осени 1920 г. для Вооружённых сил юга России сложилась неблагоприятная ситуация. Части Красной армии продвигались к Крыму, года для командования стало ясно, что полуостров им не удержать, было принято решение о начале эвакуации. Кадет Крымского КК Михаил Каратаев так описывает подготовку к эвакуации: «Едва мы обжились в Массандре и собрались приступить к классным занятиям, пришла грозная весть падении Перекопа и почти сейчас же – приказ спешно готовиться к эвакуации. Первую роту вооружили винтовками и предоставили в распоряжение ялтинского коменданта для несения караульной службы в городе для борьбы с начавшимися грабежами. Младшие кадеты помогали паковать корпусное имущество и перевозить его в порт» [Каратаев 1977: 15]. В условиях паники, которая охватила многих в то время не забыли и про кадет, так как понимали, что может их ожидать, попади они в руки советов. Последующие события, а именно террор, развязанный против солдат и офицеров ВСЮР тому подтверждение.

Эвакуация корпуса началась в ночь на 1 ноября 1920 г. младшая рота была погружена на пароход «Константин», а остальные на паровую баржу «Хриси» [Гурковский 2009: 51]. Как указывает В. А. Гурковский, данную баржу не хотели использовать для эвакуации, но в ялтинском порту другого судна не было. В итоге белым пришлось силой заставить механиков отремонтировать баржу. Директор корпуса В. В. Римский-Корсаков назначил из числа кадет корпуса, ранее служивших во флоте, присматривать за рулевыми [там же: 51]. Во время пути выяснилось, что судно идёт в Одессу, а не в Константинополь. Капитана и рулевого арестовали, а к штурвалу встал кадет Михаил Каратаев (будущий писатель, историк-белоэмигрант), проходивший до поступления в корпус 8 месяцев сигнальщиком на миноносце [там же: 52]. Н. Д. Карпов приводит следующие цифры, на рейде Босфора на судах находились свыше 150 тыс. человек, из них свыше 3 тыс. чинов из военно-учебных заведений, в число которых входили кадеты, офицеры-воспитатели и педагогический состав Крымского кадетского корпуса [Карпов 2002: 15].

Основная часть

После исхода из Крыма ни одна страна не хотела принимать беженцев. Активную поддержку им оказал выпускник Пажеского корпуса престолонаследник, а с 1921 г. король-рыцарь Александр I Карагеоргиевич. Благодаря его стараниям кадетским корпусам предоставили учебные заведения в городах Сараево, Стринице, Билеч и Белой Церкви [Честь родного погона 2018: 125].

Понимая основные проблемы, стоявшие перед русскими, правитель Королевства в 1920 г. создал специальный государственный орган для финансирования и поддержки – Державную комиссию, которую возглавил профессор Белградского университета Любомир Йованович.

После долгой и трудной эвакуации Крымский корпус прибыл на территорию Королевства Сербов, Хорватии и Словенцев в город Стрнице, в котором были выделены бараки, служившие в период Первой мировой войны местом для размещения русских военнопленных. Инспектор классов Г. К. Маслов докладывал российскому военному атташе: «...условия для размещения корпуса ужасные, и потребуются колоссальные усилия для создания нормальной обстановки для проживания и учёбы» [Честь родного погона 2018: 125].

Возобновлению учебного процесса в Крымском корпусе мешали многие обстоятельства: отсутствие учебников и пособий, обмундирования, подходящего помещения, да и оторванность от Родины и родителей не могли позитивно сказаться на настроении кадет. Ещё одним скверным фактором были доносы! Жизнь в Стрнице не обходилась без курьезных случаев. Борис Павлов отмечает: «От скуки и безделья, в ужасных материальных условиях лагерь жил слухами, сплетнями, интригами, подсиживанием друг друга, писанием доносов, в которых главной темой был живущий рядом Кадетский корпус» [Кадетская переключка 1978: 56]. Изучив архивные материалы, хранящиеся в Хуверской библиотеке, Станфорд, Калифорния, Павлов цитирует в Кадетской переключке письмо директора корпуса В. В. Римского-Корсакова П. Н. Врангелю, где он указывает, что узнав о трудном материальном положении кадеты крымчане обратились к директору с просьбой о не давать им в течение трёх дней второго блюда, а собранные деньги, 2500 динар, были отправлены братьям кадетам в Загреб. Продемонстрировав тем самым пример кадетского братства на деле, а не на словах. Директор Крымского корпуса был вынужден написать данное письмо, так как из-за доносов он получил извещение о своём увольнении [Кадетская переключка 1978: 57]. Пришлось подробно писать опровержения о многих сплетнях, которые имели место быть в тот период. В. В. Римский-Корсаков защищал кухонную прислугу от ложных обвинений, а также защищал ее от нападок эконома (завхоза) поручика Транковского [Кадетская переключка 1978: 59].

В октябре 1922 г. было решено перевести крымчан в Белую Церковь. К обустройству на новом месте кадеты приступили с полной самоотдачей. В дали от России на стенах корпусов стали появляться русские символы, картины и девизы, а также построена своя церковь [Гурковский 2005: 317]. Взаимоотношения в корпусе нельзя было назвать идеальными. Поскольку в нём были представители «старых кадет» полтавцев, владикавказцев, полочан и «крымцев», что не могло не пройти бесследно. В корпусе были случаи так называемого «щук» – не уставных взаимоотношений. В. В. Римскому-Корсакову удалось решить эту проблему. Без помощи самих кадет нельзя было изжить «щук». Со временем крымцы стали поддерживать общие для всех традиции. Война давала свои плоды, которые негативно сказывались на взаимоотношении друг к другу, а также отношению к личному имуществу. Были случаи воровства личных вещей, что по кадетским правилам было не допустимым! Сумели кадеты сохранить и привить младшим в стенах корпуса правило – донощикам нет места в корпусе! Более подробно взаимоотношения и традиции были описаны в книге «Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945» [Росселевич 1970: 135–137].

Пытаясь разнообразить жизнь на чужбине, начальница Донского Мариинского института, Наталия Владимировна Духонина пригласила для знакомства 50 кадет первой роты Крымского корпуса для знакомства со старшими классами. Пройдя по пыльной дороге от Стрница в Вурбург крымчане прибыли к институткам. Так началась дружба между воспитанниками двух учебных заведений вдали от Родины. Конечно, им было о чём поговорить, да и услышать родную речь всем было приятно. Сергей Ольденборгер

вспоминал, что перед самым Вурбургом строй кадет остановился и по возможности приводил себя в порядок [Кадетская переключка 1972: 64]. Понятие «отчётливый кадет» было знакомо и зарубежным русским кадетам, многие из них ещё застали прежние порядки, царившие в корпусах императорской России до прихода в Крымский корпус.

После знакомства были организованы танцы, кадеты, отвыкшие за время лихолетья от дамского общества, смущались, но институтки помогли освоиться кадетам и провести оставшееся время с пользой. По завершении танцев был организован ужин, а затем пешим порядком кадеты ушли по той же дороге в расположение корпуса.

В марте 1923 г. Державная комиссия принимает решение о создании в кадетских корпусах 8-го класса для обучения сербскому языку, истории и географии, который давал возможность выпускникам получать аттестат зрелости поступления в высшие учебные заведения страны [Честь родного погона 2018: 124].

В 1926–1927 гг. был изменён распорядок учебного процесса. Была установлена новая норма учебного часа – 40 минут [Кадеты и юнкера в Белой борьбе 2003: 591]. Это явилось следствием работ Педагогических съездов и указаний педагогической печати, которыми неоднократно отмечалось перегруженность учащихся. Поскольку кадетские корпуса находились на территории Королевства СХС педагогическому составу приходилось адаптировать корпусное образование под требования для всех обучающихся Королевства.

Списки педагогического, воспитательского, хозяйственно-административного состава Крымского корпуса были опубликованы в книге «Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945». Среди этих списков значится генерал-майор И. Я. Врасский. Судьба этого человека до революции была связана с г. Пермь. Он был начальником штаба 49 пехотной дивизии в 1909 г. [Список полковникам по старшинству 1911: 446]. С 1914 г. И. Я. Врасский возглавил Чугуевское военное училище. Во ВСЮР занимал должность начальника военно-учебных заведений. После исхода Русской армии из Крыма с 20 октября 1922 по 1 сентября 1929 г. был штатным преподавателем Крымского кадетского корпуса [Росселевич 1970: 172]. После упразднения корпуса и перевода остальных обучающихся в Первый русский кадетский корпус был в нём преподавателем. В 1933 г. определён на должность директора Русского корпуса-лицея в Версале.

Боевые действия на фронтах Гражданской войны не прошли бесследно для мальчишек-кадет, прошедших горнило братоубийственной войны. Михаил Каратаев в своей книге приводит пример с кадетом Вячеславом Вержбицким, который в 1918 г. во время городских боев был ранен осколками снаряда в обе ноги и упал на улице города. В результате наступления город был занят красными, лежавший на городской улице кадет не получил помощи. Наоборот, его стали добивать. Кадет получил три пули в голову, ему нанесли два сабельных удара, а также четыре раза проткнули штыком. После успешной контратаки город у красных был отбит, Вержбицкий чудом выжил и после бесчисленных операций и трепанаций черепа, пролежав больше года в госпитале, снова возвратился в действующую армию и продолжил воевать на бронепоезде [Каратаев 1997: 17].

Испытав на себе многие ужасы Гражданской войны, вчерашние дети, а после многих боёв уже полноценные солдаты, не ожидали, что для многих и многих из них испытания на этом не окончились. Весной 1921 г. Георгиевский кавалер Евгений Беляков покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд [Кто они кадеты 2009: 168]. Конечно, с христианской точки зрения это грех, но не нужно забывать, что кадеты – это дети, воспитывавшиеся зачастую в «тепличных» условиях, столкнувшись с военными реалиями не могли с ними справиться. Случаи употребления спиртных напитков, а иногда и наркотических средств были попыткой отвлечься от ужасов братоубийства.

Среди кадет Крымского кадетского корпуса было 46 Георгиевских кавалеров, явление до того времени неслыханное. Из числа кавалеров один имел кресты трёх степеней, а трое – двух степеней [Кто они кадеты 2009: 149].

Для многих кадет весь уклад жизни строился на православии, запрестольным образом церкви Крымского корпуса служило знамя Сумского кадетского корпуса [Седьмая кадетская памятка 1997: 113]. Данное знамя было доставлено в корпус кадетом 7-го класса Дмитрием Потёмкиным, как отмечалось в приказе по Крымскому кадетскому корпусу № 248 § 3 от 4 сентября 1921 г., директор корпуса генерал-лейтенант Римский-Корсаков выражал сердечную благодарность и произвел Потёмкина в вице-унтер офицеры [Кадетская переключка 1978: 64]. Благодаря стараниям мальчишек в погонах удалось спасти также знамена Симбирского, Орловского Бахтина, Воронежского, Полоцкого КК, а вот знамя Псковского корпуса спас священник отец Василий [Честь родного погона 2018: 117]. Кадеты 1 и 2 Московского корпусов разрезали знамена на кусочки. Отношение кадет к святыне – знамени, было особенным, ценой собственной жизни они спасали их. Не всегда им удавалось спасти знамя, так втайне от кадет были вывезены знамёна Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов.

Заключение

По окончании корпуса выпускники поступали в различные учебные заведения Европы: Николаевское кавалерийское училище в Югославии, Сергиевское Артиллерийское училище в Болгарии, Югославское Военное или Административное училище, Французское военное училище Сен-Сир, Румынское военное училище. Основной поток выпускников шёл в гражданские университеты в Белграде, Загребе, Любляне Брюсселе и Праге. Среди учебных заведений можно встретить Геодезическую школу или геодезические курсы [Росселевич 1970: 165–168]. Были случаи, когда кадеты связывали свою будущую деятельность с искусством. Так Ф. Гершельман, Е. Прудков, Н. Титов окончили Художественную академию в Белграде, а А. Жуковский окончил балетную школу. По данным, приведённым в книге «Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945» 8 крымчан приняли духовный сан из них 3 архиепископа – Лос-Анджелесский Антоний (Александр Синькевич, 1924 г. выпуска), Сан-Францисский Антоний (Артём Медведев, 1925 г. выпуска), Канадский Виталий (Ростислав Устинов) [там же: 161].

В августе 1929 г. Крымский корпус завершил своё существование, за свою 9-летнюю историю кадетам, офицерам и преподавателям пришлось испытать многие ужасы войны и эмиграции. Они прошли многие вёрсты по Военно-грузинской дороге, затем морем до Крыма, а оттуда покинули Родину навсегда. Стоит отметить, что в мировой истории не было ничего подобного, когда бы в государстве функционировали военно-учебные заведения другой страны. За весь период работы из стен корпуса было выпущено 616 кадет.

Список литературы

1. Гурковский В. А. Кадетские корпуса Российской империи. М. : Изд. "Белый берег", 2005. 367 с.
2. Гурковский В. А. Российские кадетские корпуса за рубежом. М. : "Белый берег", 2009. 424 с.
3. Кадетская переключка. № 3. Нью-Йорк : Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, 1972. 72 с.
4. Кадетская переключка. № 20. Нью-Йорк : Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, 1978. 107 с.
5. Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. М. : ЗАО Центрполиграф, 2003. 927 с.
6. Карпов Н. Д. Крым – Галлиполи – Балканы. М., 2002. 168 с.
7. Каратаев М. Д. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос Айрес :, 1977. 342 с.
8. Кто они, кадеты? Образы и судьбы: по материалам военно-исторической коллекции семьи Шереметьевых. Авт.-сост. Е. А. Хмельницкий, А. Е. Шереметьев. Киев : Passage Promotion, 2009. 240 с.
9. Росселевич А. М. Кадетские корпуса за рубежом. 1920–1945. Монреаль, 1970. 502 с.
10. Седьмая кадетская памятка юбилейная. Нью-Йорк : Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, 1997. 461 с.

11. Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1 марта 1911 г. СПб., 1911.
12. Честь родного погона. История кадетских корпусов в России XVIII-XXI века. М. : ArtAvis? 2018. 239 с.

References

1. Gurkovskiy V. A. Kadetskie korpusa Rossiyskoy imperii [Cadet Corps of the Russian Empire]. Moscow, Belyy bereg, 2005, 367 p. (In Russ.).
2. Gurkovskiy V. A. Rossiyskie kadetskie korpusa za rubezhom [Russian cadet corps abroad]. Moscow, Belyy bereg, 2009, 424 p. (In Russ.).
3. Kadetskaya pereklichka [Cadet roll call]. No. 3, N'yu-York, Ob"edineniya Kadet Rossiyskikh Kadetskikh Korpusov za rubezhom, 1972, 72 p. (In Russ.).
4. Kadetskaya pereklichka [Cadet roll call]. No. 20, N'yu-York, Ob"edineniya Kadet Rossiyskikh Kadetskikh Korpusov za rubezhom, 1978, 107 p. (In Russ.).
5. Kadety i yunkera v Beloy bor'be i na chuzhbine [Cadets and Junkers in the White Struggle and Abroad]. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2003, 927 p. (In Russ.).
6. Karpov N. D. Krym – Gallipoli – Balkany [Crimea – Gallipoli – Balkans]. Moscow, 2002, 168 p. (In Russ.).
7. Karataev M. D. Belogvardeytsy na Balkanakh [White Guards in the Balkans]. Buenos Ayres, 1977, 342 p. (In Russ.).
8. Kto oni, kadety? Obrazy i sud'by: po materialam voenno-istoricheskoy kolleksii sem'i Sheremet'evykh [Who Are the Cadets? Images and Fates: Based on Materials from the Sheremetyev Family Military History Collection]. Author-compiler E. A. Khmel'nitskiy, A. E. Sheremet'ev. Kiev, Passage Promotion, 2009, 240 p. (In Russ.).
9. Rosselevich A. M. Kadetskie korpusa za rubezhom [Cadet corps abroad]. 1920-1945. Monreal', 1970, 502 p. (In Russ.).
10. Sed'maya kadetskaya pamyatka yubileynaya [The Seventh Cadet Anniversary Memorial]. N'yu-York, Ob"edineniya Kadet Rossiyskikh Kadetskikh Korpusov za rubezhom, 1997, 461 p. (In Russ.).
11. Spisok polkovnikom po starshinstvu [List of colonels by seniority]. Part I, II, III, 1911, Saint Petersburg, 1911. (In Russ.).
12. Chest' rodnogo pogona. Istoriya kadetskikh korpusov v Rossii XVIII-XXI veka [Honor of the Native Shoulder Strap: The History of Cadet Corps in Russia in the 18th–21st Centuries]. Moscow, ArtAvis? 2018, 239 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Н. Штейников – преподаватель, кафедра философии и общественных наук,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

S. N. Shteinikov –Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.04.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 21–27.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 21-27.

Научная статья

УДК 902/904

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-21-27

КОМПЛЕКС БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНУШКА¹

Надежда Сергеевна Смертина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
nadiabat@yandex.ru

Аннотация. Эпоха бронзового века является одной из слабо изученных на территории Пермского Прикамья. В связи с этим нами были начаты работы по проведению полевых исследований памятников данной эпохи, а также по изучению коллекций прошлых лет. Одной из них является комплекс поселения Чернушка, обнаруженный в 2003 г. На памятнике были найдены фрагменты керамики и костяной наконечник. Последний оказался обломан и характерен для большого хронологического периода (поздней бронзы – раннего железного века). В то же время интересной оказалась группа керамики поселения, для которой был выполнен технико-технологический анализ, выявлены основные характеристики и проведены аналогии с материалами сопредельных территорий. Посуда была отнесена к ерзовской археологической культуре, с чертами, характерными для керамики маклашеевского этапа маклашеевской культуры.

Ключевые слова: керамика, технико-технологический анализ, поздний бронзовый век, Пермское Прикамье.

Для цитирования: Смертина Н. С. Комплекс бронзового века поселения Чернушка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 21–27. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-21-27>

Original article

BRONZE AGE COMPLEX OF THE SETTLEMENT OF CHERNUSHKA

Nadezhda S. Smertima

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, nadiabat@yandex.ru

Abstract. The Bronze Age epoch is one of the poorly studied in the Permian Kama Region. In this regard, we have begun work on conducting field studies of monuments of this era, as well as on studying collections of previous years. One of them is the Chernushka settlement complex, discovered in 2003. Fragments of ceramics and a bone arrowhead were found on the monument. The latter turned out to be broken off and is characteristic of a large chronological period (Late Bronze Age – Early Iron Age). At the same time, the ceramics group of the settlement turned out to be interesting, for which a technical and technological analysis was performed, the main characteristics were identified and analogies with materials from neighboring territories were made. The tableware was attributed to the Erzya archaeological culture, with features characteristic of the ceramics of the Maklasheevsky stage of the Maklasheevsky culture.

Keywords: ceramics, technical and technological analysis, late Bronze Age, Permian Urals.

For citation: Smertima N. S. Bronze age complex of the settlement of chernushka. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:21-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-21-27>

Введение

Поселение Чернушка находится на территории современного Чайковского городского округа Пермского края. Памятник занимает левобережную боровую террасу р. Кама, ограниченный береговой эрозией высотой 10–14 м. Поселение было открыто в 1954 г. В. А. Могильниковым при проведении охранно-спасательных работ в зоне строительства Воткинской ГЭС. Стационарные раскопки на памятнике были проведены В. П. Денисовым в 1969–1971 гг. Тогда исследователем была вскрыта одна из предполагаемых построек, которая оказалась естественной западиной. В 1996 г. работы на памятнике были продолжены В. П. Мокрушиным [Мокрушин, Лычагина 2003: 31–40]. При проведении исследований на территории поселения была заложена траншея, которая оказалась расширена до раскопа площадью 170 кв. м. В результате работ были обнаружены остатки жилища эпохи бронзового века и сооружения эпохи неолита. Изучение поселения продолжилось в 2003 г. под руководством Е. Л. Лычагиной, при проведении которых было заложено три раскопа общей площадью 272 кв. м. [Лычагина 2004]. В результате всех проведенных полевых исследований было отмечено, что поселение является многослойным и относится к эпохам неолита, бронзового века и средневековья.

Материалы, относящиеся к эпохе неолита, подробно были исследованы комплексно был изучен и опубликован каменный инвентарь поселения [Лычагина и др. 2014: 15–27; Лычагина 2020], также подробно была исследована керамическая посуда [Мокрушин, Лычагина 2003: 31–40; Батуева 2023]. При этом практически не были освещены комплексы бронзового века и средневековья. Данная работа посвящена исследованию материалов бронзового века поселения Чернушка с целью введения их в научный оборот.

Основная часть

Проведенные исследования затрагивают комплекс эпохи бронзы, выделенный в результате полевых работ 2003 г. [Лычагина 2004]. Комплекс представлен фрагментами керамических сосудов и костяным наконечником стрелы. *Наконечник* обломан (рис. 2: 3), имеет треугольное сечение и размеры: 8,2 x 1,2 x 0,8 см. Такие орудия широко встречаются на памятниках поздней бронзы и раннего железного века Прикамья.

Керамический комплекс

Начальный этап изучения керамического комплекса базировался на выделении разных сосудов по морфологическим признакам. Первоначальный морфологический анализ керамики основывался на данных о толщине стенок сосудов, форме венчиков и элементах орнамента, способах нанесения узора. Техничко-технологический анализ проводился в рамках историко-культурного подхода. Этот подход был разработан А. А. Бобринским и основан на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [Бобринский 1978]. Гончарная технология рассматривается как система навыков мастера, обладающая определенной устойчивостью, она складывается исторически, включая опыт поколений, и имеет определенную структуру. Идентификация технологических следов осуществляется посредством их сравнительного анализа с признаками приемов работы древних гончаров, выявленными в ходе предшествующих исследований [Бобринский 1978], а также с сериями эталонов, созданных в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства [Васильева, Салугина 1999: 234–257].

Гончарная технология рассматривается как система навыков мастера, обладающая определенной устойчивостью, она складывается исторически, включая опыт поколений, и имеет определенную структуру. Весь технологический процесс изготовления сосуда состоит из 3-х стадий: подготовительной, созидательной и закрепительной. Они делятся на узкие технологические задачи, названные ступенями: 11 обязательных для любого технологического процесса и 2 дополнительные, наличие которых зависит от гончарных традиций населения. Информация для всех уровней структуры содержится в овеществленных следах на поверхности или в изломе древней керамики [Бобринский 1999: 5–109].

Для проведения исследования использовался тринокулярный микроскоп Levenhuk ZOOM 1T, работы проходили на базе лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ по свежим изломам и поверхностям, предварительно очищенным от солевых и других наслоений.

Керамика, обнаруженная при раскопках поселения насчитывает 145 фрагментов, в основном они неорнаментированы и небольших размеров. Представленные фрагменты имели песочный и темно-коричневый оттенки, толщину от 0,4 до 7 мм. В результате первоначального морфологического анализа были выделены три сосуда. Далее исследование керамики будет приведено по технологическим ступеням, характерным для гончарного производства.

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (1–3 ступени)

В результате проведенного технико-технологического анализа было выявлено, что вся посуда была изготовлена из незапесоченных глин, замешанных в формовочную массу в естественно увлажненном состоянии.

Составление формовочных масс (4 ступень)

При изучении рецептов формовочных масс был выделен лишь один рецепт – «глина + шамот + органика (навоз / выжимка?»).

Механическая обработка поверхности сосудов (8 ступень)

Для изучения данной ступени производства наиболее полную информацию может дать лишь сосуд №1 (рис. 1), поскольку два других представлены только лишь несколькими фрагментами. В результате изучения особенностей механической обработки поверхностей можно отметить, что стенки обрабатывались несколькими приёмами безгрунтовой обработки поверхности: заглаживанием, бороздчатым заглаживанием, редко лощением [Цетлин 2012: 98]. Простым заглаживанием была обработана верхняя часть сосуда (шея / венчик) до резкого перехода сосуда к плечу. Ниже, по плечу и тулову было зафиксировано бороздчатое заглаживание. Данный вид обработки поверхности был отмечен на внешней стороне стенки и внутри сосуда – внутри бороздчатое заглаживание имело горизонтальную направленность, снаружи – горизонтальное и диагональное (последнее в большей степени), по внешней стороне бороздки пересекали друг друга. Заложенные фрагменты были встречены в придонной части сосуда, возможно, это не связано с целенаправленной обработкой поверхности, а последствия использования сосуда.

Декорирование сосудов (13 ступень, дополнительная)

Структурный анализ орнамента был проведен на основе схемы, предложенной Ю. Б. Цетлиным [Цетлин 2004: 207–213].

Основным элементом орнамента на исследуемой посуде является резной элемент. Он был отмечен на всех сосудах. Кроме него был отмечен ямочный элемент с «жемчужинами» (негативами) на внутренней стороне стенки.

К узорам орнамента можно отнести:

- насечки (рис. 1);
- ромбы, выполненные из тройных резных линий (рис. 1);
- тройные ямочные элементы с «жемчужинами» на внутренней стороне (рис. 1);
- горизонтальные резные линии (рис. 2: 1);
- двойные наклонные резные линии (рис. 2: 1);
- заполненные ромбы, выполненные резными линиями (рис. 2: 2);

Следующим структурным уровнем являются *мотивы*. Мотивы выделенные в орнаментации керамики бронзового века поселения Чернушка выполнены в горизонтальной зональности. Можно выделить несколько мотивов:

- ряд насечек по торцу венчика (рис. 1);
- ряд ромбов, выполненных из тройных резных линий (рис. 1);
- ряд тройных ямочных элементов с «жемчужинами» на внутренней стороне (рис. 1);
- горизонтальные резные линии в три ряда (рис. 2: 1);

- зигзаг, выполненный из наклонных двойных резных линий (рис. 2: 1);
- ряд из заполненных ромбов, выполненных резными линиями (рис. 2: 2).

Переходя к следующему уровню структуры орнамента – *образам*, можно выделить два основных – сочетание рядов «резных» ромбов и ямок с «жемчужинами» и сочетание «резного» зигзага и резных горизонтальных линий.

Рис. 1. Поселение Чернушка. Сосуд №1

Рис. 2. Поселение Чернушка. 1 – сосуд № 2, 2 – сосуд № 3, 3 – наконечник.

Технико-технологический анализ показал, что к характерным чертам посуды бронзового века поселения Чернушка можно отнести следующее: изготовление керамики из незапесоченных глин, замешанных в формовочную массу в естественно увлажненном состоянии с искусственными примесями шамот и органики (предположительно навоза/выжимки из навоза). Орнамент посуды представлен резными элементами в сочетании с ямками с «жемчужинами» на внутренней стороне. Судя по реконструированному сосуду, вероятнее всего, орнамент покрывал только верхнюю часть посуды – горлышко.

На сегодняшний день требует особого внимания ступень формообразования, судя по тонкостенности бомбовидного сосуда № 1, тулово изготавливалось с помощью формы-модели (форма-ёмкость / форма-основа), а верхняя часть (горлышко / венчик) налеплялись уже после. Данный вопрос требует отдельного исследования, которое будет проведено в будущем.

Заключение

Комплекс посуды поселения Чернушка, обнаруженный в 2003 г. выглядит гомогенным. При сравнительном анализе материалов бронзового века изучаемого памятника с материалами других поселений данной эпохи региона, нами были отмечены сходные черты орнаментации в керамическом комплексе посуды поселения Бойцово II [Бадер О. Н. 1961: 158]. При описании керамического комплекса с поселения Бойцово II, О. Н. Бадер выделял две группы посуды, наиболее близкая к изучаемой керамике – вторая группа. К ней исследователем были отнесены сосуды бомбовидной формы с прямо стоящими шейками, резко переходящих в тулово (часто под прямым углом). При визуальном осмотре для данной группы были выделены примеси песка – скорее всего наблюдение не по свежему излому; растительная примесь (имелись в виду органические) и мелкотолченый шамот. Последние две примеси были отмечены и в посуде поселения Чернушка. Также на посуде второй группы поселения Бойцово II были зафиксированы два способа обработки поверхности – заглаживание и бороздчатое заглаживание. При описании второго типа обработки, было отмечено, что бороздки часто пересекают друг друга. Украшались сосуды в основном по верхней части – шейка и верхняя часть тулова, из основных элементов отмечаются ямочные (каплевидные), резные (насечки по торцу венчика), зубчатый, накольчатый. Линейно-прочерченный орнамент (резной) покрывал поверхность более половины сосудов поселения Бойцово II, и преимущественно был зафиксирован с ямочным орнаментом. Кроме этого, О. Н. Бадер отмечает, что часто орнаментальные мотивы представлены горизонтальными зигзагами, резными линиями, незаштрихованными ромбами. В итоге исследователем было отмечено сходство второй группы керамики поселения Бойцово II с посудой Ерзовской стоянки, она была отнесена к ерзовской культуре позднего бронзового века и датирована XI–X вв. до н. э.

Обратимся к описанию ерзовской культуры, выделенной В. П. Денисовым [Денисов 1961: 66–68]. Исследователь выделял два типа керамики, относящейся к ней. При сравнительном анализе, мы можем отметить, определенное сходство посуды поселения Чернушка со вторым типом керамики ерзовской культуры, к чертам которой относятся – бомбовидная форма, резкий переход от шейки к плечу, обработка поверхности с помощью бороздчатого заглаживания, примеси шамота и песка (?). Орнамент занимает верхнюю часть сосуда, с однообразной орнаментацией узорами, состоящими из ямочных вдавлений, отпечатков косо поставленного губчатого или гладкого штампа, насечек, прочерченных линий. Для данного этапа В. П. Денисовым было отмечено наличие массивных стенок у сосудов, что не проявляется в сосуде №1, который, напротив, имеет тонкие и изящные стенки. На основании сходства данной керамики с посудой культуры курмантау, исследователем была датирована керамика IX–VIII вв. до н. э.

На сегодняшний день, наиболее яркая аналогия данным материалам прослеживается в посуде позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры [Чижевский и др. 2021: 601–637]. Для керамики эпохи поздней бронзы данной культуры характерны горшковидные сосуды с круглым дном, с цилиндрической горловиной, в формовочной массе присутствует примесь раковины или песка и дресвы. Орнаментировалась посуда резными, ямочными и гребенчатыми элементами. Если для сравнения использовать сосуд № 1 (рис. 1), то наиболее близкие аналогии можно найти на Свиногорской стоянке [Халиков 1960: 100, 116] (она же Свиногорское II, селище [Чижевский и др. 2021: 623: рис. 12: 13]).

Поселение Чернушка, расположенное на территории современного Чайковского городского округа Пермского края, содержит в себе не только богатый материал эпохи неолита, но и уникальную керамику эпохи поздней бронзы. Изученные сосуды имеют, характерную для ерзовской культуры форму – бомбовидную с резким переходом от шейки к плечу, важным фактом являются и отмеченные примеси в формовочной массе, соответствующие примесям зафиксированным ранее первооткрывателем ерзовских древностей. Наличие аналогичного резного орнамента не только в комплексах поздней

бронзы Пермского Прикамья, но и в коллекциях памятников данного этапа сопредельных территорий, позволяют нам говорить о наличии неких взаимосвязей между носителями ерзовских традиций и маклашеевских в период поздней бронзы, и датировать изученные материалы поселения Чернушка по аналогии к XII–X вв. до н. э.

Список литературы

1. Бадер О. Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М. : Б.и., 1961. Вып. 2. С. 110–271.
2. Батуева Н. С. Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у населения Среднего Предуралья в эпоху неолита : дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. СПб., 2023. 420 с.
3. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
4. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. Самара : Самарский государственный педагогический университет, 1999. С. 5–109.
5. Васильева И. Н., Салугина Н. П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара : Самарский государственный университет, 1999. С. 234–257.
6. Денисов В. П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // Вопросы археологии Урала. 1961. № 2. С. 66–75.
7. Лычагина Е. Л. Отчет об исследовании поселения Посёр в Ильинском районе Пермской области и поселения Чернушка в окрестностях г. Чайковский в 2003 г. // Архив ЛАЭИ ПГПУ.
8. Лычагина Е. Л., Поплевко Г. Н., Цыгвинцева Т. А. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чернушка (раскоп II, 2003 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 1 (24). С. 15–27.
9. Лычагина Е. Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья : монография / под ред. А. М. Белавина. Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2020. 364 с.
10. Мокрушин В. П., Лычагина Е. Л. Новые исследования поселения Чернушка // Тр. КАЭЭ. 2003. Вып. 3. С. 31–40.
11. Цетлин Ю. Б. Орнаментальные традиции в гончарстве носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб. : ИИМК РАН, 2004. С. 207–213.
12. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теории и методы историко- культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.
13. Чижевский А. А., Лыганов А. В., Кузьминых С. В. [и др.] Маклашеевская культура // Археология Волго-Уралья. В 7-ми томах. Казань : Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2021. С. 601–637.

References

1. Bader O. N. Poseleniya u Boytsova i voprosy periodizatsii srednekamskoy bronzy [Settlements near Boytsovo and the issues of periodization of the Middle Kama Bronze Age]. *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii*. Moscow, 1961, iss. 2, pp. 110–271. (In Russ.).
2. Batueva N. S. Traditsii otbora syr'ya i sostavleniya formovochnykh mass keramicheskikh sosudov u naseleniya Srednego Predural'ya v epokhu neolita [Traditions of raw material selection and composition of molding masses for ceramic vessels among the population of the Middle Urals in the Neolithic era]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2023, 420 p. (In Russ.).
3. Bobrinskiy A. A. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Eastern European Pottery: Sources and Methods of Study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (In Russ.).
4. Bobrinskiy A. A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva : kollektivnaya monografiya*. Samara, Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1999, pp. 5–109. (In Russ.).

5. Vasil'eva I. N., Salugina N. P. Raboty ekspeditsii po eksperimental'nomu izucheniyu drevnego goncharstva [Work of the expedition on experimental study of ancient pottery]. *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya*. Samara, Samarskiy gosudarstvennyy universitet, 1999, pp. 234-257. (In Russ.).
6. Denisov V. P. Itogi izucheniya pamyatnikov epokhi pozdney bronzy v Prikam'e [Results of the study of Late Bronze Age monuments in the Kama region]. *Voprosy arkheologii Urala*. 1961, no. 2, pp. 66-75. (In Russ.).
7. Lychagina E. L. Otchet ob issledovanii poseleniya Poser v Il'inskom rayone Permskoy oblasti i poseleniya Chernushka v okrestnostyakh g. Chaykovskiy v 2003 g. [A report on the study of the Poser settlement in the Ilyinsky district of the Perm region and the Chernushka settlement in the vicinity of the town of Chaikovsky in 2003.]. *Arkhiv LAEI PGPU*. (In Russ.).
8. Lychagina E. L., Poplevko G. N., Tsygvintseva T. A. Kompleksnyy analiz kamennogo inventarya poseleniya Chernushka (raskop II, 2003 g.) [Comprehensive analysis of the stone inventory of the Chernushka settlement (excavation II, 2003)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2014, no. 1 (24), pp. 15-27. (In Russ.).
9. Lychagina E. L. Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya [Neolithic of the Upper and Middle Kama region]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, 2020, 364 p. (In Russ.).
10. Mokrushin V. P., Lychagina E. L. Novye issledovaniya poseleniya Chernushka [New research into the Chernushka settlement]. *Tr. KAEI*. 2003, iss. 3, pp. 31-40. (In Russ.).
11. Tsetlin Yu. B. Ornamental'nye traditsii v goncharstve nositeley kul'tury s yamochno-grebenchatoy keramikoy v Verkhnem Povolzh'e [Ornamental traditions in pottery of the bearers of the pit-comb ceramic culture in the Upper Volga region]. *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii*. Saint Petersburg, IIMK RAN, 2004, pp. 207-213. (In Russ.).
12. Tsetlin Yu. B. Drevnyaya keramika. Teorii i metody istoriko- kul'turnogo podkhoda [Ancient Ceramics: Theories and Methods of the Historical-Cultural Approach]. Moscow, IA RAN, 2012, 384 p. (In Russ.).
13. Chizhevskiy A. A., Lyganov A. V., Kuz'minykh S. V. [i dr.] Maklasheevskaya kul'tura [Maklashevskaya culture]. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya*. Kazan, Institut arkheologii im. A.Kh. Khalikova AN RT, 2021, pp. 601-637. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. С. Смертина – кандидат исторических наук, доцент,
кафедра Отечественной и всеобщей истории и археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

N. S. Smertima – Ph. D. (History), Associate Professor, Department of National and Universal History and Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.04.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 28–39.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 28-39.

Научная статья

УДК 94; 323.17

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-28-39

ГДЕ ИСКАТЬ ИСХОДНУЮ ТОЧКУ?: К ИСТОРИЧЕСКИМ ПРЕДПОСЫЛКАМ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ЛИКВИДАЦИИ «СУВЕРЕНИТЕТА» КАРАКАЛПАКСТАНА ЛЕТОМ 2022 Г. И ПРИЧЕМ ЗДЕСЬ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ¹

Виталий Сергеевич Ковин^{1,2}

¹ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

² Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Россия

kovinvit@gmail.com

Аннотация. В начале июля 2022 г. в Республике Каракалпакстан, которая входит в состав Узбекистана, прошли массовые стихийные протесты против поправок в конституцию страны, которые отменяли суверенный статус автономии и лишали ее права выхода через проведение референдума. Несмотря на то, что протесты были оперативно и жестко подавлены, президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев распорядился отозвать эти поправки и сохранил особый статус Каракалпакстана. Этот суверенный статус был получен автономией в нач. 90-х гг. XX в. в результате компромисса между властями нового независимого Узбекистана и сторонниками движения самоопределения каракалпаков. Однако уже к середине 90-х гг. первый президент Узбекистана Ислам Каримов создал жестко централизованное государство, где практика управления регионами не отличалась от территории к территории. Сам автономный статус Каракалпакстана приобрел лишь символическое значение. Несмотря на это тысячи жителей региона встали на защиту его символического суверенитета. В статье рассматриваются исторические предпосылки, которые способствовали формированию устойчивой связи между автономным статусом региона и национальной идентичностью каракалпаков. Суверенная Республика Каракалпакстан стала прямой преемницей советской автономии народа каракалпаков, созданной еще в 1924 г., и рассматривалась как следующий шаг в развитии его государственности. Важную роль в формировании этой связи сыграли официальная национальная историография и историческое образование, которые фокусировали свое внимание на формальной нормативно-статусной стороне каракалпакской автономии, а не на ее реальном политическом наполнении. В тоже время сторонники большей независимости Каракалпакстана также обнаруживали в советском историческом опыте автономии аргументы для продвижения вариантов ее альтернативного государственного развития.

Ключевые слова: Каракалпакстан, суверенитет, автономия, территориальное размежевание, исторический опыт, идентичность.

Для цитирования: Ковин В. С. Где искать исходную точку?: к историческим предпосылкам протеста против ликвидации «суверенитета» Каракалпакстана летом 2022 г. и причем здесь учебники истории // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 28–39. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-28-39>

Original article

WHERE TO LOOK FOR THE STARTING POINT?: THE HISTORICAL BACKGROUNDS OF THE PROTEST AGAINST THE LIQUIDATION OF THE “SOVEREIGNTY” OF KARAKALPAKSTAN IN THE SUMMER OF 2022 AND WHAT DO HISTORY TEXTBOOKS HAVE TO DO WITH IT.

© Ковин В. С., 2025

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме: «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения». Рег. номер темы: 124021400020-6.

Vitalii S. Kovin^{1,2}

¹ Perm Federal Research Center, Institute of Humanitarian Studies, Perm, Russia

² Ural Branch, RAS, Perm, Russia

Abstract. In early July 2022 the Republic of Karakalpakstan, part of Uzbekistan, saw massive spontaneous protests against amendments to the country's constitution that abolished the sovereign status of the autonomy and deprived it of the right to secede through a referendum. Despite the fact that the protests were promptly and harshly suppressed, the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev ordered the withdrawal of these amendments and preserved the special status of Karakalpakstan. This sovereign status was obtained through the autonomy in the early 1990s as a result of a compromise between the authorities of the newly independent Uzbekistan and supporters of the Karakalpak self-determination movement. However, by the mid-1990s, the first president of Uzbekistan Islam Karimov established a strictly centralized state, where the practice of governing the regions did not differ from territory to territory. The autonomous status of Karakalpakstan itself acquired only symbolic significance. Despite this, thousands of residents of the region stood up to defend its symbolic sovereignty. The article examines the historical conditions that contributed to the formation of a stable connection between the autonomous status of the region and the national identity of the Karakalpaks. The sovereign Republic of Karakalpakstan became a direct successor to the Soviet autonomy of the Karakalpak people, created in 1924, and was considered as the next step in the development of its statehood. An important role in the formation of this connection was played by official national historiography and history education, which focused on the formal normative-status side of the Karakalpak autonomy, and not on its real political content. At the same time, the supporters of greater independence of Karakalpakstan also found arguments in the Soviet historical experience of autonomy for promoting options for its alternative state development.

Keywords: Karakalpakstan, sovereignty, autonomy, territorial delimitation, historical experience, identity.

For citation: Kovin V. S. Where to look for the starting point?: the historical backgrounds of the protest against the liquidation of the “sovereignty” of Karakalpakstan in the summer of 2022 and what do history textbooks have to do with it. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:28-39. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-28-39>

Введение

1–2 июля 2022 г. в автономной Республике Каракалпакстан (РК), входящей в состав Узбекистана, вспыхнули уличные протесты. В столицу региона г. Нукус были введены вооруженные силы. В регионе объявили чрезвычайное положение и комендантский час. В автономию в срочном порядке прибыл президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, который встретился с местными депутатами и общественниками.

Согласно отчету парламентской комиссии в ходе событий погиб 21 человек, в том числе 2 сотрудника правоохранительных органов, 413 человек получили ранения (из них 183 – сотрудники правоохранительных органов), 61 человек были признаны совершившими уголовные преступления, 2639 человек получили административный арест, 6135 человек оштрафованы, 943 получили предупреждения [Комиссия 2024]. По неофициальным оценкам по всему региону в протестах участвовало несколько десятков тысяч человек. По мнению правозащитников, власти скрыли истинные масштабы пострадавших и репрессий против участников [Комментарий 2024]. В любом случае это были крупнейшие протесты в Узбекистане за последние 20 лет.

Поводом стал проект конституционной реформы, объявленной президентом страны. Среди поправок, большинство из которых носило чисто декоративный характер, были и те, которые позволяли Шавкату Мирзиёеву баллотироваться на новый президентский срок, что является весьма распространенной практикой для преодоления ограничения на их количество [Versteeg 2020].

Возмущение жителей Каракалпакстана вызвали те поправки, которые отменяли особый «суверенный статус» автономной республики. Достоверно неизвестно, каким образом эти предложения оказались в числе конституционных поправок. Сам президент Мирзиёев,

прибыв в Нукус, озвучил, что это была инициатива депутатов парламента Каракалпакстана (Жокаргы Кенес). Он высказал претензии, что депутаты не посоветовались с общественностью, и что, *«если каракалпакский народ недоволен, ни одна статья никогда не будет изменена»* (*курсив здесь и далее выделено мной – В.К.*) [Вы же сами одобрили 2022]. Уже 4 июля эти поправки были исключены из проекта обновленной конституции.

30 апреля 2023 г. в Узбекистане прошел всенародный референдум, на котором избиратели Каракалпакстана продемонстрировали столь же высокий уровень поддержки новой редакции конституции, что и по всей стране: около 84,5 % явка и около 90,2 % «за» [Постановление 2023].

Основная часть

Суверенный статус Каракалпакстана был юридически закреплён в 1990–1993 гг., когда последовательно были приняты Декларация о независимости Каракалпакстана, Конституция Республики Узбекистан и Конституция Республики Каракалпакстан. В изначальной редакции 17-й главы Конституция Узбекистана 1992 г. зафиксировано, что Каракалпакстан как *«суверенная Республика»* входит в состав Республики Узбекистан, которая и охраняет его *«суверенитет»* (ст. 70); имеет свою Конституцию, которая не может противоречить Конституции Республики Узбекистан (ст. 71); его территория и границы не могут быть изменены без его согласия и он самостоятельно решает вопросы своего административно-территориального устройства (ст. 73); обладает *«полным правом выхода из состава Республики Узбекистан на основании всеобщего референдума народа Каракалпакстана»* (ст. 74); взаимные отношения между республиками регулируются заключёнными между ними *«договорами и соглашениями»*, а споры решаются путем согласительных процедур (ст. 75) [Конституция 1992].

С точки зрения теории государственно-правового строительства наличие одной *«суверенной республики»* в составе другой унитарной *«суверенной республики»* является юридическим нонсенсом. *«Суверенный»* статус Каракалпакстана представляет собой уникальный случай, отличный от статусов других автономий в составах постсоветских государств. Его конституционное закрепление стало результатом политического компромисса между первым президентом Республики Узбекистан Исламом Каримовым (1989–2016) и лидерами каракалпакского движения самоопределения. В сложной ситуации обострения межнациональных, клановых, политических противоречий и в условиях распада СССР это соглашение позволило сохранить целостность и стабильность независимого Узбекистана. Уже с сер. 90-х гг. стало понятно, что особый *«суверенный»* статус Каракалпакстана имел не более чем символическое значение. Исламом Каримовым было построено характерное для среднеазиатского региона строго централизованное государство [Шкель 2013: 62–64, 209–210, 243–248, 257–259, 304], где реальная политическая и бюрократическая практика управления регионами мало чем отличалась от территории к территории. Узбекистан нельзя было отнести к плюралистическим демократиям, что, по мнению исследователей этнотерриториальных образований, является необходимым условием для имплементации реальной автономии [Benedikter 2007].

Тем не менее, в июле 2022 г. тысячи жителей автономии писали обращения с требованием сохранить суверенный статус Каракалпакстана и даже вышли на стихийный протест. Чем была вызвана столь острая реакция каракалпакского общества? Почему оно решило вступить за *«суверенитет»* республики несмотря на всю его символичность? Почему среди участников митингов было так много молодежи? Какую роль в этом сыграл исторический опыт и историческое сознание народа?

На эти и другие вопросы об исторических предпосылках протестов мы попытаемся ответить в данной работе. Каракалпакская автономия была образована советской властью в 1924 г. В Декларации независимости 1990 г. Республика Каракалпакстан провозглашала себя прямой наследницей Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР, ранее ККАССР). Советская Каракалпакия – это первый исторический опыт

каракалпакской самостоятельности. Самостоятельность советских автономий была весьма условной, их компетенция носила остаточный характер после распределения полномочий между союзным Центром и национальными республиками. В основном они решали национально-культурные вопросы. Тем не менее, само их создание считалось шагом на пути развития национальной государственности и примером реализации провозглашенного большевиками права наций на самоопределение.

Обращение к историческому опыту является одним из средств легитимации претензий на создание национальной государственности. При этом он сам конструируется исходя из современных задач движения самоопределения. Важным оказывается то, как прошлый опыт государственности и движения за самоопределение преподносятся в историческом сознании и национальной историографии, какие расставляются акценты, выделяются реперные точки и национальные герои, как эта тема представлена в учебной литературе, через знакомство с которой, проходят новые поколения граждан. Исторический аспект этнорегиональной идентичности, в значительной степени, есть результат усилий национальной интеллигенции и элиты, включенной в историческое просвещение народа.

Одной из задач данного исследования является анализ того, какое влияние на формирование требований о сохранении суверенного статуса Каракалпакстана оказали те представления об историческом опыте государственного строительства каракалпакцев, которые распространились в региональном социуме под влиянием каракалпакской национальной историографии, национального исторического образования и историко-ориентированного контента социальных медиа. В современных общественных и гуманитарных исследованиях широкое распространение приобрел *process tracing method* или *causal process tracing* (CPT) [Kay 2015] как вариант качественных case-studies, направленных на поиск и обоснование причинно-следственного механизма, приведшего к тем или иным исходам исторических событий. Отслеживание процесса в рамках метода CPT начинается с определения *исходной точки* [Турченко 2017]. Исходная точка – это существование некоего статус-кво, нарушение которого и приводит к запуску каузального механизма, приведшего к определенному результату. При этом сама исходная точка имеет предысторию складывания и варианты альтернативного развития, которые могут латентно сохранять актуальность и влиять на запуск причинно-следственных механизмов событий настоящего.

В данном случае проект конституционной реформы нарушал «суверенный» статус-кво Каракалпакстана, который хоть и был зафиксирован в нач. 90-х гг., но интерпретировался в национальном сознании как следующий шаг в развитии каракалпакской государственности после создания советской автономии в 20–30-х гг. XX в. Для лучшего понимания того, почему попытка отмены символического «суверенитета» вызвала столь болезненную реакцию в каракалпакском обществе, необходимо прояснить то, какое влияние на формирование исходной точки конфликта оказали опыт создания советской каракалпакской автономии и варианты его исторической интерпретации.

Исходная точка и исторические предпосылки каракалпакского суверенитета

Средняя Азия крайне гетерогенное в этническом плане пространство. Сложно найти территории, которые были населены только каким-то одним этносом. Вплоть до первой половины XX в. этничность, как консолидирующий фактор, уступала место династичности, клановости, конфессиональности. Нациестроительство стало результатом территориального размежевания, проведенного здесь советской властью, а этнотерриториальные границы сохраняли свою условность вплоть до распада СССР и стабилизируются лишь на наших глазах.¹ В отличие от соседей (казахов, узбеков, киргизов, таджиков, туркмен), которые стали титульными нациями отдельных республик, каракалпаки оказались единственным народом региона, заявившим о претензиях на собственную государственность, но оставшимся в промежуточном положении автономии.

¹ Например, только весной 2025 г. Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан согласовали государственные границы в Ферганской долине. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8002> (дата обращения: 19.04.2025).

В советское и постсоветское время одной из характерных черт национально-государственного строительства в Средней Азии стала, своего рода, «историческая гонка за древностью». Каждая из титульных наций стремилась подтвердить укорененность на своей территории с глубокой древности и историческую закономерность и преемственность образования здесь современного национального государства. Как отмечал Д. Горовиц, автохтонность является одним из способов придания большей легитимности народа на данную территорию и на особые привилегии. Большими правами обладают те, кто дольше всего живет на данной территории. При этом историческая объективность не всегда оказывается решающим фактором при определении автохтонности. Значимую роль может играть историческая мифология, политический контекст, в котором происходит формирование представлений об истории заселения территории [Hogowitz 1985: 202–209].

Хотя каракалпаки, которые окончательно осели к югу от Арала около XVIII в. [Нурмухамедов 1971: 6], и относятся к древнейшим автохтонным народам Средней Азии, но в своих притязаниях на государственную самостоятельность в этой «конкуренции древностей» им оказалось сложно опереться на исторический бэкграунд. В советское время национальные авторы возводили истоки каракалпакской государственности к Ногайскому ханству к. XIV в. [Нурмухамедов 1971: 19] или к Каракалпакскому ханству н. XVIII в. [Мингбаев 2017], но это были весьма неустойчивые образования, включавшие далеко не все разрозненные племена данной народности. Современная каракалпакская историография, в том числе и учебная литература, предпринимает усилия, чтобы еще более «удревнить» историю каракалпаков (вплоть до первых веков н. э.), закрепить Южное Приаралье как их исконную территорию [Камалов 2001: 12].

Отсутствие устойчивых государственных образований каракалпаков объяснялось вторжениями в их земли кочевников (например, джунгар) и соседних государств (Бухарского и Хивинского ханств, Российской империи), а также тем, что в среде каракалпаков большую роль играли родовые объединения во главе с биями, которые переходили под власть более могущественных соседей в ущерб каракалпакскому единству [Нурмухамедов 1971: 19, 21, 39]. В конце XIX в., каракалпаки попали под российское влияние. Земли правобережных каракалпаков вошли в состав Амударьинского отдела Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства, а левобережные остались под властью Хивинского ханства, как российского протектората.

Крушение Российской империи первоначально также не принесло единства каракалпакам. В апреле 1918 г. была создана Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика, в которую вошла правобережная Каракалпакия, а в апреле 1920 г. на территории бывшего Хивинского ханства была организована Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР), в состав которой вошла ее левобережная часть. В 1923 г. ХНСР была преобразована в социалистическую республику и вошла в состав СССР. В составе ХССР была образована Каракалпакско-Казахская Автономная область.

12 июля 1924 г., ЦК РКП(б) принял решение «О национальном размежевании республик Средней Азии». Образованную Кара-Калпакскую автономную область (ККАО) первоначально включили в Киргизскую (Казахстанскую) АССР. В 1930 г. ККАО перешла в прямое подчинение РСФСР. В 1932 г. ее статус был повышен до автономной республики (ККАССР). Наконец, в ходе повторного территориального размежевания Каракалпакия в 1936 г. была передана Узбекской ССР.

В рамках автономии наконец-то произошло объединение ранее разрозненных территорий каракалпаков. В советской и в постсоветской каракалпакской историографии образование автономии представлялось как «историческая необходимость» и осуществление «вековой мечты о национальной государственности» [История 1974]. Однако подробности ее создания, как правило, опускались. Предположительно, это связано с тем, что административно-территориальная связь каракалпакской автономии с Узбекистаном виделась не очевидной, а акцентировать на этом внимание, уже находясь в составе узбекской

республики было проблематично. Поэтому в обобщающих работах и учебной литературе мы найдем лишь скудные констатации фактов учреждения каракалпакских административных образований с неизменной положительной оценкой прогрессивности решений советского руководства.

Например, авторы фундаментальной советской «Истории Каракалпакской АССР», повествуя о становлении каракалпакской государственности лишь кратко упоминают о том, что «в 1930 г. КАО вошла в состав РСФСР. На базе достигнутых успехов в социалистическом строительстве и в результате последовательного осуществления ленинской национальной политики КПСС 20 марта 1932 г. Каракалпакская Автономная область была преобразована в Каракалпакскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. По конституции СССР, в 1936 г. Каракалпакская АССР вошла в состав Узбекской ССР» [История 1974: 90]. В лучшем случае в качестве причин присоединения автономии к УзССР высказывались соображения экономического характера, например, транспортная связность соседних территорий.

Напротив, зарубежные исследователи, а вслед за ними активисты движения самоопределения, независимые авторы в современных медиа, не стесненные официальным дискурсом, подчеркивают нелинейность и вариативность процесса государственного развития каракалпаков, значимость персональных усилий отдельных каракалпакских деятелей. Они показывают, что развитие каракалпакской государственности могло пойти по другому пути и то, что регион оказался в составе Узбекистана, есть лишь стечение политических обстоятельств.

Например, А. Халид [Khalid 2015], А. Хауген [Haugen 2003], Э. Оллворд [Allworth 1990] считают, что развитие каракалпакской этнической идентичности стало скорее следствием, а не причиной образования автономии. Ведущую роль в этом сыграла национальная интеллигенция и советские национальные кадры. А. Халид объясняет относительный успех каракалпаков тем, что среди них нашлись поборники (своего рода «брокеры») автономии в рядах новой коммунистической элиты [Khalid 2015: 17, 272, 275]. В целом национальное размежевание стало временем триумфа национальной идеи в регионе. А. Халид отмечает, что «до размежевания не наблюдалось усиления националистических настроений и рассуждений среди каракалпаков. Напротив, сам проект по размежеванию, кажется, спровоцировал национальные требования каракалпаков» [Khalid 2015]. В современном Каракалпакстане весьма чтут Досназарова и других деятелей, которые способствовали формированию государственности [Джумашев 2024: 32].

Размежевание стало частью избранной большевиками прагматичной политики на политическую консолидацию вокруг нескольких крупнейших этносов в противовес проектам «Большого Туркестана», «Среднеазиатской Федерации» или коммунистического пантюркизма, которые продвигались бывшими джадидами (тюркскими интеллектуалами-реформаторами), а также участниками ликвидированной большевиками национально-демократической Туркестанской (Кокандской) автономии [Агзамходжаев 2006]. Эти универсалистские идеи поддерживались частью новой просоветской интеллигенции, бюрократии и молодежи [Алимджанов: 298–303]. Москва также не поддержала проект создания «Большого Узбекистана», который развивали советские бухарские лидеры [Khalid 2015: 273–274; Allworth 1990]. Они предложили узбеков в качестве титульной нации для всех оседлых жителей Туркменистана к востоку от Арала. Однако большевистское руководство посчитало, что не стоит чрезмерно усиливать одну сторону и поддержало выделение автономий (каракалпаков, таджиков, киргизов, туркменов). Национальный подход позволил большевикам избавиться от исторического наследия Российской империи и государств, которые ранее структурировали пространство Средней Азии. Тем самым большевики ускорили рост национального самосознания многих среднеазиатских народов, в том числе и каракалпаков, и создали условия для мобилизации их этничности, чтобы поднять свой статус [Бочкарева 2019].

Один из каракалпакских лидеров 1920-х гг. Аллаяр Досназаров в 1924 г. на заседании комиссии по территориальному размежеванию заявил, что «национальное размежевание всех сделало националистами» [Джумашев 2024: 35]. И. Клыщ согласен с тем, что только с момента создания автономии в 1924 г. среди каракалпаков укоренилось чувство принадлежности к отдельной нации [Kłyszcz 2024].

Таким образом, формирование каракалпакской идентичности и каракалпакской автономии – это два параллельных и тесно взаимосвязанных процесса. Одно стало частью другого. Автономия сама по себе представляется для каракалпаков высокой ценностью, поскольку именно с ее образованием произошло окончательное объединение этноса, а формальный статус региона переносится на статус самого народа.

В результате размежевания оказалось, что каракалпаки являются единственным этносом среднеазиатского региона, который концентрированно (локализовано) проживает на территории одной административной единицы (более 94 % народа) [Федорко 2020: 114], занимает в ней если не доминирующее, то близкое к нему, положение¹, но при этом не имеет родственного государства (kin-state) за пределами региона проживания. В этом смысле Каракалпакстан – это именно *этно-территориальная* автономия, привязанная к региону, которую этнос считает своей единственной исторической родиной. Именно с юго-восточным Приаралем и низовьями рек он связывает свое историческое прошлое, свою культуру, повседневную и хозяйственную жизнь и перспективы своего будущего. В этой связи, те существенные трансформации, которые переживает облик региона в позднесоветское и постсоветское время (высыхание Арала, опустынивание и засоление части ранее плодородных земель, узбекизация части каракалпакских районов, масштабные разработки месторождений полезных ископаемых и т. п.) не могут не вызывать у каракалпаков беспокойство за свое будущее, а иногда и недовольство, поскольку это напрямую затрагивает их идентичность.²

Изначально не существовало какой-либо определенности по вопросу отнесения КАО к какой-то конкретной республике. Правительство УзССР заявило о своих претензиях на контроль над Каракалпакией. Однако возобладали хозяйственно-экономические и этнографические соображения и КАО включили в Киргизскую (Казахскую) ССР – в целях наилучшего развития рыбоводства в Аральском море и в силу этнокультурной близости каракалпаков и киргизов (казахов), к тому же последние занимали второе место по численности среди жителей будущей автономии [Джумашев 2024: 36–37]. Лингвистически каракалпаки также ближе к казахам, чем к узбекам, и принадлежат к кипчакской ветви тюркской языковой семьи [Нурмухамедов 1971: 16].

Союз с Казахстаном был недолгим. Уже через два года А. Досназаров в обращении к Сталину признал это ошибкой, обвинил казахстанское руководство в засилии казахских кадров, в превращении Кара-Калпакии в колонию Казахстана, в том, что ресурсы не доходят до автономии и поэтому каракалпакское население желает отделиться от Казахстана [Письмо]. Переход Кара-Калпакии в прямое подчинение РСФСР и повышение ее статуса до автономной республики (ККАССР) дало возможность создать самостоятельные институты управления, получить прямое финансирование из Москвы и право на ведение культурной политики [Horák 2014].

Уже в настоящее время исторический опыт вхождения Каракалпакстана в составы казахской и российской республик, переподчинения их то одной, то другой, а также опыт нахождения под покровительством Российской империи и культурная близость к казахам, способствовали распространению в оппозиционной среде идей о переходе автономии под

¹ По последним данным Государственного комитета по статистике на 2023 г. всего в регионе проживает 1 млн. 923 тыс. 734 чел., из них: доля каракалпаков – 36,98 % (или 711 452 чел.), узбеков – 40,41 %, казахов – 15,44 %. // Постоянное население по национальным и / или этническим группам, городскому / сельскому месту жительства" версия 3 марта 2023 г. URL: <https://data.egov.uz/rus/data/6117a05996188a0f14ac917b?page=1> (дата обращения: 19.04.2025).

² Замечено, что нередко каракалпаки, переселившиеся в соседний Казахстан и, тем самым, оторвавшиеся от своей республики, записываются как казахи.

власть Казахстана или России как альтернатив узбекскому варианту развития каракалпакской государственности. В сочетании с конституционно закрепленным правом выхода региона из состава Узбекистана эти настроения не могли не вызывать беспокойство у узбекского руководства.

После 1991 г. создание каракалпакской автономии в 1924 г. стало интерпретироваться как первый шаг в воплощении национального суверенитета, который принес потенциальную возможность образования собственного национального государства [Ерниязова 1993]. Например, в учебном пособии по «Истории Каракалпакстана» 2009 г. для студентов бакалавриата по специальности истории, то есть для будущих учителей и историков-исследователей, прямо говорится, что каракалпакское *«государство»* появилось в 1924 г.» [Кудияров 2009]. Преобразование форм этно-территориального образования (область, автономная республика) и переходы в состав иной республики интерпретируются как этапы в развитии национальной государственности [Ахунджанов 1993], как практическая реализация принципов свободы самоопределения вплоть до государственного отделения.

Образование КАССР воспринимается в историческом сознании каракалпаков как оформление каракалпакской государственности, а ее вхождение в состав УзССР как стечение обстоятельств. Административное переподчинение Каракалпакии разным советским республикам рассматривается как нечто менее исторически значимое и стабильное в отличие от самого факта создания автономии. «Переходящий» характер автономии каракалпаков, ее неочевидная историческая связь с Узбекистаном, для многих сторонников самостоятельности стали историческими предпосылками и аргументами для подкрепления протестных настроений.

До начала Перестройки положение КАССР было весьма типичным для советских автономий. Бюрократическая централизация советского государственного аппарата административно всецело подчиняла автономии национальным республикам и не затрагивала властную монополию КПСС [Klyszcz 2022]. Узбекистан был преимущественно аграрной и одной из самых бедных республик Союза, а Каракалпакстан одним из беднейших регионов республики. Выращивание хлопка, в котором было занято до 70 % жителей республики, и других с\х культур требовало значительных водных ресурсов, что стало одной из причин истощения Аральского моря, что резко изменило и ухудшило жизнь каракалпаков. В целом автономия подошла к Перестройке в весьма тяжелом социально-экономическом положении.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. в Каракалпакстане, как и в других республиках, возникло движение за самоопределение («За интересы народа» («Халык мапи»)). Его лидерами стали представители местной интеллигенции и даже некоторые местные советские и партийные руководители. Казалось бы, у Каракалпакстана были все условия необходимые для провозглашения государственной независимости, и она была почти провозглашена в Декларации 14 декабря 1990 г., однако с оговоркой, на которой настоял Ислам Каримов, – «*в составе Узбекской ССР*».

Один из аргументов противников полной независимости также отсылал к периоду образования автономии в ходе территориального размежевания. Инициаторы автономии, стремясь расширить территорию, включили в ее границы районы с компактным проживанием узбекского населения. В итоге узбеки составили ок. 30 % населения автономии, что было соотносимо с самими каракалпаками.

Этот аргумент, наряду с Аральской проблемой, с которой автономии невозможно было справиться в одиночку, а также угроза перехода конфликта в насильственную фазу способствовали тому, что большинство каракалпакских депутатов поддержало компромиссный вариант Декларации.

Конструкт об исторически закономерном государственном суверенитете Каракалпакстана нашел свое отражение в каракалпакской учебной литературе для школ,

средних и высших учебных заведений, в методических разработках учителей.¹ В настоящее время «История Каракалпакстана» как отдельный предмет преподается в школах автономии начиная с 6 класса и продолжает изучаться в местных колледжах и вузах. Содержательно темы образования автономии и современной республики обязательно включают изложение конституционных норм о суверенитете, о договорных отношениях с Узбекистаном, о праве выхода из его состава, о создании органов государственной власти и символов государственности (гимн, флаг, герб) [Qaraqalpaqstan tariyxı; Каракалпакстан тарийхы 2010]. В целом советский период истории трактуется как «создание государственности», а после 1991 г. как «годы государственной независимости».

С этим представлением о том, что Каракалпакстан – это суверенная республика, которая имеет право выхода путем референдума, и что достижение этого суверенного статуса, есть шаг в поступательном развитии каракалпакской государственности – выросло целое поколение граждан республики. Поэтому, когда появились поправки, отменяющие этот, пусть и символический, но значимый для национальной идентичности, статус, то это было воспринято как опрокидывание всего накопленного опыта исторического развития, всего того, чему «учили в школе». В тоже время, это подогрело интерес к альтернативным вариантам развития каракалпакской государственности, которые высказывались оппозицией и которые, как оказалось, также коренятся в историческом опыте народа.

Заключение

В целом, кейс Каракалпакстана подтверждает выводы ряда исследований, которые определяли историческое наследие в качестве одного из основных факторов. Историческое наследие не только содержит опыт самоуправления, но подсказывает альтернативные варианты его возможного воплощения. В условиях редуцированной автономии, ее символические нормативно-правовые характеристики воспринимаются как последние признаки государственной самостоятельности, а их многократное повторение и закрепление в историческом нарративе и национальном дискурсе, делает их частью национальной идентичности («суверенитет республики» = «суверенитет народа»).

В этой ситуации, узбекское руководство несмотря на то, что оно достаточно успешно справилось с протестом, предпочло отказаться от поправок, отменяющих суверенный статус региона в интересах сохранения сложившейся траектории развития отношений между Центром и регионом, в сохранении, пусть и символического, но привычного всем статуса-кво, но не допустить актуализацию иных альтернативных сценариев.

Список литературы

1. Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии: (Туркистон Мухторияти). АН Республики Узбекистан, Институт истории. Т. : Тошкент ислом университети, 2006. 268 с.
2. Алимджанов Б. А. Республиканизм на территории современного Узбекистана // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 293–306.
3. Ахунджанов Л. Становление и развитие национальной государственности в Каракалпакстане : автореф. дис. ... канд. юрид. наук Ташкент. 1993.
4. Бочкарева И. Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (106). С. 22–26.
5. «Вы же сами одобрили [поправки]. Почему мне не позвонили?» Президент – Жокаргы Кенесу // Газета.uz. 2022. 3 июля. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/03/call/> (дата обращения: 19.04.2025).
6. Джумашев А. М. Национально-территориальное размежевание средней Азии и образование Каракалпакской автономной области // Вестник Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета. 2024. Т. 32. № 4. С. 31–40.

¹ Типичный пример: Исакова Ф.Р. Тема № 11. Республика Каракалпакстан в годы независимости. URL: <https://znanio.ru/media/respublika-karakalpakstan-v-gody-nezavisimosti-2890266> (дата обращения: 19.04.2025).

7. Ерниязова Г. Е. Развитие законодательства о правовом статусе Республики Каракалпакстан и проблемы его совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1993. 21 с.
8. История Каракалпакской АССР. 1974 г.
9. Комиссия по изучению нукусских событий представила отчёт парламенту // Газета.uz. 2024. 26 дек. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/12/26/commission/> (дата обращения: 19.04.2025).
10. Комментарий правозащитников к информации об отчете Комиссии по изучению событий в Каракалпакстане в июле 2022 года. 2024. // URL: <https://ihahr.org/publications/kommentariy-pravozashchitnikov-k-informacii-ob-otchete-komissii-po-izucheniyu-sobytiy-v> (дата обращения: 19.04.2025).
11. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Норма, 2010. С. 826–856.
12. Кудияров А. Р. История Каракалпакстана (для студентов бакалавров по специальности истории) : Текст лекций. Каракалпакский государственный университет имени Бердаха. Нукус. 2009.
13. Мингбаев Н. Каракалпакия: история образования. 2017. URL: <https://caa-network.org/archives/10538> (дата обращения: 19.04.2025).
14. Нурмухамедов М. К. Жданко Т. А., Камалов С. К. Каракалпаки. Краткий очерк истории с древнейших времен до наших дней. Т., «Фан», 1971. 120 с. АН УзССР.
15. Письмо бывшего секретаря обкома Кара-Калпакии А. Досназарова Сталину об отношениях с казахами и др. URL: https://vk.com/wall-148936132_444 (дата обращения: 19.04.2025).
16. Постановление центральной избирательной комиссии республики Узбекистан об итогах референдума республики Узбекистан, проведенного 30 апреля 2023 года. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6449097> (дата обращения: 19.04.2025).
17. Турченко М. С., Завадская М. А. Каузальный механизм vs нагромождение фактов? Критерии оценки причинно-следственных связей в case studies // Полис. Политические исследования. 2017. No 2. С. 134–146. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09>
18. Федорко В. Н. География расселения основных этносов Узбекистана и её изменение в постсоветский период // Этнодемографические и этнокультурные процессы в России и мире: тенденции, перспективы, модели и прогнозы : материалы Международной научно-практической конференции. Псков : Псковский государственный университет, 2020. с.109–121.
19. Шкель С. Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. Уфа : Гилем, Башк. Энцикл., 2013. 352 с.
20. Allworth E. A. The Modern Uzbeks: From the fourteenth Century to the Present: A Cultural History (Studies of Nationalities) 1990.
21. Benedikter T. The world's working regional autonomies: an introduction and comparative analysis. New Delhi: Anthem Press, 2007.
22. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. First published 2003 by Palgrave. Macmillan.
23. Horák S. Separatism in Uzbekistan? Karakalpakstan after Crimea // *The Central Asia-Caucasus Analyst*. 2014. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12979-separatism-in-uzbekistan?-karakalpakstan-after-crimea.html> (дата обращения: 19.04.2025).
24. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Univ. of California Press, 1985.
25. Kay A., Baker Ph. What Can Causal Process Tracing Offer to Policy Studies? // A Review of the Literature. The Policy Studies Journal, Vol. 43, No. 1, 2015.
26. Khalid A. Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Cornell University Press. Ithaca, New York. 2015.
27. Klyszcz I. Between Autonomy and National Integration – Is the Final Crisis of Karakalpakstan Ahead? // *Zentralasien-Analysen*, 154, 2-7 (translated into German). 2022. URL: <https://laender-analysen.de/zentralasien-analysen/154/zwischen-autonomie-und-nationaler-integration-steht-die-finale-krise-karakalpakistans-noch-bevor/> (дата обращения: 19.04.2025).
28. Klyszcz I. Asymmetry by Design: Deciphering Karakalpakstan's Autonomous Status // *Autonomy Arrangements in the World*. 2024. DOI: <https://doi.org/10.57749/d527-0d88>.
29. Versteeg M., Horley T., Meng A. and others. The Law and Politics of Presidential Term Limit Evasion // *Columbia Law Review*, 2020, Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2019-14.
30. Камалов С. Каракалпаклардың халық болып қәлиплесіуі хәм мәмлекетшилигиниң тарийхынан. Н. 2001. (In Qar)

31. Kamalov S., Saribaev Q. and others. Qaraqalpaqstan tariyxı (1917–1991-jšllar). 10-KLASS. Uliwma orta bilim beriw mektepleri ushın. 2024. (In Uzb)
32. Қарақалпақстан тарийхы-Қарақалпақстан / Мамбетуллаев М., and others. 2010. 274 бет. (In Qar)

References

1. Agzamkhodzhaev S. Istoriya Turkestanskoy avtonomii: (Turkiston Mukhtoriyati) [History of the Turkestan Autonomy: (Turkiston Mukhtoriyati)]. AN Respubliki Uzbekistan, Institut istorii. Tashkent, Toshkent islom universiteti, 2006, 268 p. (In Russ.).
2. Alimdzhанov B. A. Respublikanizm na territorii sovremennogo Uzbekistana [Republicanism in the territory of modern Uzbekistan]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2022, vol. 67, iss. 1, pp. 293-306. (In Russ.).
3. Akhundzhanov L. Stanovlenie i razvitie natsional'noy gosudarstvennosti v Karakalpakstane [Formation and development of national statehood in Karakalpakstan]. PhD dissertation abstract, Tashkent, 1993. (In Russ.).
4. Bochkareva I. B. Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie v Sredney Azii v 1924 g.: prichiny i vliyanie na etnopoliticheskie protsessy v regione [National-territorial demarcation in Central Asia in 1924: causes and impact on ethno-political processes in the region]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, no. 2 (106), pp. 22-26. (In Russ.).
5. «Vy zhe sami odobrili [popravki]. Pochemu mne ne pozvonili?» Prezident - Zhokargy Kenesu ["But you approved [the amendments] yourself. Why didn't you call me?" The President to the Jokargy Kenes]. *Gazeta.uz*. 2022, July 3. (In Russ.). Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/03/call/> (accessed: 19.04.2025).
6. Dzhumashev A. M. Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie sredney Azii i obrazovanie Karakalpakskoy avtonomnoy oblasti [National-territorial demarcation of Central Asia and the formation of the Karakalpak Autonomous Region]. *Vestnik Zapadno-Kazakhstanskogo innovatsionno-tekhnologicheskogo universiteta*. 2024, vol. 32, no. 4, pp. 31-40. (In Russ.).
7. Erniyazova G. E. Razvitie zakonodatel'stva o pravovom statuse Respubliki Karakalpakstan i problemy ego sovershenstvovaniya [Development of legislation on the legal status of the Republic of Karakalpakstan and problems of its improvement]. PhD dissertation abstract. Tashkent, 1993, 21 p. (In Russ.).
8. Istoriya Karakalpakskoy ASSR [History of the Karakalpak Autonomous Soviet Socialist Republic]. 1974 g. (In Russ.).
9. Komissiya po izucheniyu nukusskikh sobytiy predstavila otchet parlamentu [The commission studying the Nukus events presented a report to parliament.]. *Gazeta.uz*. 2024. December 26. (In Russ.). Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/12/26/commission/> (accessed: 19.04.2025).
10. Kommentariy pravozashchitnikov k informatsii ob otchete Komissii po izucheniyu sobytiy v Karakalpakstane v iyule 2022 goda [Human rights activists comment on the report of the Commission for the Study of Events in Karakalpakstan in July 2022]. 2024. // (In Russ.). Available at: <https://ihahr.org/publications/kommentariy-pravozashchitnikov-k-informacii-ob-otchete-komissii-po-izucheniyu-sobytiy-v> (accessed: 19.04.2025).
11. Konstitutsiya Respubliki Uzbekistan ot 8 dekabrya 1992 g. [Constitution of the Republic of Uzbekistan of December 8, 1992]. *Konstitutsii gosudarstv Azii*. Vol. 2, Moscow, Norma, 2010, pp. 826-856. (In Russ.).
12. Kudiyarov A. R. Istoriya Karakalpakstana (dlya studentov bakalavrov po spetsial'nosti istorii) [History of Karakalpakstan (for undergraduate students majoring in history)]. Karakalpakskiy gosudarstvennyy universitet imeni Berdakh, Nukus, 2009. (In Russ.).
13. Mingbaev N. Karakalpakiya: istoriya obrazovaniya [Karakalpakstan: history of formation]. 2017. (In Russ.). Available at: <https://caa-network.org/archives/10538> (accessed: 19.04.2025).
14. Nurmukhamedov M. K. Zhdanko T. A., Kamalov S. K. Karakalpakii. Kratkiy ocherk istorii s drevneyshikh vremen do nashikh dney [A brief outline of history from ancient times to the present day]. Tashkent, Fan, 1971, 120 p. (In Russ.).
15. Pis'mo byvshego sekretarya obkoma Kara-Kalpakii A. Dosnazarova Stalinu ob otnosheniyakh s kazakhami i dr. [Letter from the former secretary of the Kara-Kalpakstan regional committee A. Dosnazarov to Stalin about relations with the Kazakhs, etc.]. (In Russ.). Available at: https://vk.com/wall-148936132_444 (accessed: 19.04.2025).

16. Postanovlenie tsentral'noy izbiratel'noy komissii respubliki Uzbekistan ob itogakh referendumа respubliki Uzbekistan, provedennogo 30 aprelya 2023 goda [Resolution of the Central Electoral Commission of the Republic of Uzbekistan on the results of the referendum of the Republic of Uzbekistan held on April 30, 2023]. (In Russ.). Available at: <https://lex.uz/ru/docs/6449097> (accessed: 19.04.2025).
17. Turchenko M. S., Zavadskaya M. A. Kauzal'nyy mekhanizm vs nagromozhdenie faktov? Kriterii otsenki prichinno-sledstvennykh svyazey v case studies [Causal Mechanism vs. Factual Accumulation? Criteria for Assessing Causal Relationships in Case Studies]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2017, no 2, pp. 134-146. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09> (In Russ.).
18. Fedorko V. N. Geografiya rasseleniya osnovnykh etnosov Uzbekistana i ee izmenenie v postsovet'skiy period [Geography of settlement of the main ethnic groups of Uzbekistan and its changes in the post-Soviet period]. *Etnodemograficheskie i etnokul'turnye protsessy v Rossii i mire: tendentsii, perspektivy, modeli i prognozy*. Pskov, Pskovskiy gosudarstvennyy universitet, 2020, p.109-121. (In Russ.).
19. Shkel' S. N. Postsovet'skiy avtoritarizm v sravnitel'noy perspective [Post-Soviet Authoritarianism in Comparative Perspective]. Ufa, Gilem, 2013, 352 p. (In Russ.).
20. Allworth E. A. The Modern Uzbeks: From the fourteenth Century to the Present: A Cultural History (Studies of Nationalities) 1990.
21. Benedikter T. The world's working regional autonomies: an introduction and comparative analysis. New Delhi: Anthem Press, 2007.
22. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. First published 2003 by Palgrave. Macmillan.
23. Horák S. Separatism in Uzbekistan? Karakalpakstan after Crimea // *The Central Asia-Caucasus Analyst*. 2014. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12979-separatism-in-uzbekistan?-karakalpakstan-after-crimea.html> (дата обращения: 19.04.2025).
24. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Univ. of California Press, 1985.
25. Kay A., Baker Ph. What Can Causal Process Tracing Offer to Policy Studies? // A Review of the Literature. *The Policy Studies Journal*, Vol. 43, No. 1, 2015.
26. Khalid A. Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Cornell University Press. Ithaca, New York. 2015.
27. Kłyszcz I. Between Autonomy and National Integration – Is the Final Crisis of Karakalpakstan Ahead? // *Zentralasien-Analysen*, 154, 2-7 (translated into German). 2022. URL: <https://laender-analysen.de/zentralasien-analysen/154/zwischen-autonomie-und-nationaler-integration-steht-die-finale-krise-karakalpakistans-noch-bevor/> (дата обращения: 19.04.2025).
28. Kłyszcz I. Asymmetry by Design: Deciphering Karakalpakstan's Autonomous Status // *Autonomy Arrangements in the World*. 2024. DOI: <https://doi.org/10.57749/d527-0d88>.
29. Versteeg M., Horley T., Meng A. and others. The Law and Politics of Presidential Term Limit Evasion // *Columbia Law Review*, 2020, Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2019-14.
30. Камалов С. Каракалпақлардың халық болып қәлиплесиўи хәм мәмлөкетшилигиниң тарийхынан. Н. 2001. (In Qar)
31. Kamalov S., Saribaev Q. and others. Qaraqalpaqstan tariyxı (1917–1991-jšllar). 10-KLASS. Ulıwma orta bilim beriw mektepleri ushın. 2024. (In Uzb)
32. Қарақалпақстан тарийхы-Қарақалпақстан / Мамбетуллаев М., and others. 2010. 274 бет. (In Qar)

Информация об авторе

В. С. Ковин – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

Information about the author

V. S. Kovin – Ph. D. (History), Associate Professor, Senior Research Fellow,
Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 40–48.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 40-48.

Научная статья

УДК 32(072.8)

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-40-48

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Андрей Владиславович Шишигин

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
shish02@yandex.ru

Аннотация. Цивилизационный подход был выбран в качестве методологической основы дисциплины «Основы российской государственности». Данный вывод подтверждается анализом содержания учебно-методического комплекса, разработанного Министерством науки и высшего образования РФ и учебных пособий по данной дисциплине. У данного подхода наряду с очевидными достоинствами имеются существенные недостатки. В статье рассматриваются особенности развития цивилизационного подхода в России и на Западе. Делается вывод, что в России как в XIX, так и XXI вв. данный подход выполнял функцию социальной мобилизации общества в условиях конфронтации с Западом. Рассматриваются достоинства и недостатки цивилизационного подхода. Обстоятельный критический разбор цивилизационного подхода был осуществлен еще в 60-е гг. XX в. Питиримом Сорокиным. Наиболее существенными недостатками цивилизационного подхода являются следующие: 1) отсутствие четких критериев для вычленения цивилизаций и единого основания для классификации 2) использование понятий, выходящих за рамки науки 3) игнорирование культурной неоднородности сложных обществ 4) трудности с датированием зарождения и гибели цивилизации. Делается вывод, что выбор цивилизационного подхода в качестве методологической основы дисциплины «Основы российской государственности» вполне оправдан для достижения цели большей сплоченности российского общества перед лицом угрозы со стороны Запада, но кажется весьма сомнительным с точки зрения своего эвристического потенциала. В этом отношении цивилизационный подход сильно проигрывает как формационному подходу, так и мир-системному анализу. Ставится вопрос о необходимости переосмысления методологической основы дисциплины «Основы российской государственности».

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный подход, Данилевский, плюрально-циклический подход, формационный подход, основы российской государственности, Сорокин.

Для цитирования: Шишигин А. В. Цивилизационный подход как методологическая основа преподавания дисциплины «основы российской государственности» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 40–48. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-40-48>

Original article

CIVILIZATIONAL APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR TEACHING THE DISCIPLINE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»

Andrey V. Shishigin

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, shish02@yandex.ru

Abstract. The civilizational approach was chosen as the methodological basis for the discipline «Foundations of Russian Statehood». This conclusion is confirmed by analyzing the content of the educational and methodical complex developed by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and textbooks on this discipline. This approach, along with its obvious advantages, has significant disadvantages. The article considers the peculiarities of the development of the civilizational approach in Russia and the West. It is concluded that in Russia both in the XIX and XXI centuries this approach performed the function of social mobilization of society in the conditions of confrontation with the West. The advantages and disadvantages of the civilizational approach are considered. A thorough critical analysis of the civilizational approach was carried out as early as in the 60s of the XX century by Pitirim Sorokin. The most significant shortcomings of the civilizational approach are the following: 1) the lack of clear criteria for distinguishing civilizations and a single basis for classification 2) the use of concepts beyond the scope of science 3) ignoring the cultural heterogeneity of complex societies 4) difficulties in dating the birth and death of civilization. It is concluded that the choice of the civilizational approach as a methodological basis for the discipline «Foundations of Russian statehood» is quite justified in order to achieve the goal of greater cohesion of Russian society in the face of the threat from the West, but seems highly questionable in terms of its heuristic potential. In this respect, the civilization approach loses badly to both the formation approach and the world-system analysis. The question is raised about the need to rethink the methodological basis of the discipline «Foundations of Russian statehood».

Keywords: civilization, civilizational approach, Danilevsky, plural-cyclic approach, formational approach, foundations of Russian statehood, Sorokin.

For citation: Shishigin A. V. Civilizational approach as a methodological basis for teaching the discipline «Fundamentals of russian statehood». Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:40-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-40-48>

Введение

Включение в программу обучения студентов вузов дисциплины «Основы российской государственности» (далее – ОРГ), можно рассматривать как заметный шаг в сторону реформирования российской высшей школы. Весьма показательным моментом является обязательный, а не факультативный характер преподавания ОРГ. В апреле 2023 г. Минобрнауки был разработан проект учебно-методического комплекса модуля ОРГ, который был разослан руководителям образовательных организаций высшего образования [Проект... 2023]. На избрание в качестве методологической основой данной дисциплины цивилизационного подхода прямо указывали названия двух из пяти разделов: «Российское государство-цивилизация» (раздел 2), «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации» (раздел 3). Кроме того, в пятом разделе название одной из лекций было обозначено как «Сценарии развития российской цивилизации» [Проект... 2023: 12–13]. Выбор Минобрнауки цивилизационного подхода в качестве методологической основы данной дисциплины во многом предопределил дальнейшее развитие учебно-методической литературы по ОРГ. Анализ учебных пособий по данной дисциплине показывает, что все авторы в той или иной степени опираются на цивилизационный подход [*Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки 2023*; Основы российской государственности: Учебное пособие для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей 2023; Основы российской государственности: учебно-методическое пособие 2023; Основы российской государственности: учебное пособие 2024; Основы российской государственности: учебно-методическое пособие 2024].

Возникает вопрос: чем обусловлен был выбор в пользу цивилизационного подхода отнюдь не нового, обладающего целым рядом существенных недостатков? Иными словами, сыграли ли решающую роль гносеологические достоинства данного подхода, его эвристический потенциал или же причина была в чем-то ином? Для того чтобы разобраться с этим вопросом необходимо сделать краткий экскурс в историю развития цивилизационного подхода в России и на Западе.

Основная часть

Изложение истории цивилизационного подхода (от Мирабо и Фергюсона до Эйзенштадта и Хантингтона) не является задачей данной статьи. В работах, в которых с разной степенью подробности изложена история развития цивилизационного подхода нет недостатка [Гранин 2020; Ионов 1997; Ионов 1994; Ионов, Хачатурян 2002; Ионов 2007]. Вместе с тем, некоторые моменты, связанные с развитием и распространением цивилизационного подхода в России, имеют принципиальное значение для целей нашего исследования, а потому заслуживают более подробного рассмотрения. В Западной Европе пионером плюрално-циклического подхода к изучению цивилизаций считается немецкий философ Генрих Рюккерт, чья работа «Учебник мировой истории в органическом изложении» (1857) оказала существенное влияние на взгляды многих сторонников цивилизационного подхода, в том числе и на основоположника данного направления в России – Николая Яковлевича Данилевского. В Западной Европе плюрално-циклический подход испытывал сильное влияние со стороны колониального дискурса и историцизма, прочно овладевшего сознанием европейцев еще в эпоху романтизма. В Европе на первый план выходило сравнение находящейся в зените своего могущества западноевропейской цивилизации с некогда могущественными, но канувшими в небытие, цивилизациями Древнего мира. Среди последних особое место занимали цивилизации Древнего Востока (Египет, Ассирия, Древняя Индия, Древний Китай и т. д.). Успехи археологии XIX в. позволили европейцам убедиться в былом величии цивилизаций Древнего Востока, которое резко контрастировало с современным состоянием территорий, на которых когда-то существовали эти могущественные цивилизации. Все эти территории либо уже превратились в часть других империй, как например, Индия, ставшая жемчужиной в короне Британской империи, либо оказались объектом колониальной экспансии американцев и европейских держав (Китай эпохи Опиумных войн и неравноправных договоров). Такая точка зрения с логической неизбежностью подталкивала европейских мыслителей к вопросу о дальнейшей судьбе своей собственной цивилизации. В данном случае удивляет не то, что европейская философская мысль задалась этим вопросом, а то, что ждать этого пришлось почти полвека. В конце концов, работа О. Шпенглера «Закат Европы», ставшая интеллектуальным бестселлером в приходящей в себя от ужасов Первой мировой войны Европе, поставила точку в затянувшемся процессе осмысления перспектив европейской цивилизации. Здесь стоит заметить, что в России пессимистические выводы относительно перспектив европейской цивилизации делались задолго до О. Шпенглера. Достаточно вспомнить стихотворение М. Ю. Лермонтова «Умирающий гладиатор», написанное в 1836 г. [Лермонтов 2014: 270–271]. В этом стихотворении классика русской литературы в одном четверостишии удалось выразить суть и причины «заката Европы», которые О. Шпенглер спустя 80 лет будет расписывать в двух томах.

В России историософская мысль (в рамках цивилизационного подхода) развивалась в несколько ином направлении. На первый план вышло не сравнение России с цивилизациями Древнего Востока и Античности, а сравнение России с Европой. Причем, с Европой современной. Теоретические построения (выделение «культурно-исторических типов», четырех сфер культурно-исторической деятельности и трех этапов развития цивилизаций) Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского очень похожи. Влияние Г. Рюккерта на теоретические изыскания Данилевского были отмечены еще в XIX веке Владимиром Соловьевым [Соловьев 2008: 625]. Но в книге Н. Я. Данилевского все эти теоретические построения оказываются не более чем фоном, на котором русский философ ищет ответы на свои главные вопросы. Почему Россия не Европа? В чем причина западной русофобии? Какова должна быть политика России в отношении Европы? Если для европейских мыслителей своеобразным зеркалом стали канувшие в лето цивилизации Древнего Востока, глядя в которое они пытались получить ответ о своем будущем, то для Н. Я. Данилевского и его последователей таковым стала Западная Европа. Фокусировка русского философа на сравнении России с Западной Европой стала результатом влияния как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических факторов. К первым следует отнести полемику между

западниками и славянофилами. К моменту издания книги Данилевского (впервые работа «Россия и Европа» была опубликована в журнале «Заря» в 1869 г.) эта полемика уже давно стала историей, но ее отголоски продолжали оказывать огромное влияние на всю образованную часть российского общества. Буржуазные, западные по своей сути, реформы Александра II подталкивали всех, кому, пусть даже интуитивно, была близка точка зрения славянофилов, к поиску адекватного интеллектуального ответа. Внешнеполитическими факторами стали Крымская война (1853–1856) и Польское восстание 1863–1864 гг.

Одной из особенностей Крымской войны стало то, что она велась не с соседними странами за какие-то спорные территории, а имела ярко выраженное геополитическое измерение. По этому поводу австрийский посол в Турции точно заметил: «То, что по отношению к Турции называют Восточным вопросом, есть только вопрос между Россией и остальной Европой» [Айрапетов 2017: 400]. Объявление войны России в Англии и Франции было встречено с ликованием, а сама война приобретала «характер крестового похода» [Айрапетов 2017: 404]. Не считая Османской империи, против России воевали Британская империя, Французская империя и Сардинское королевство (Пьемонт). Австро-Венгрия занимала враждебный нейтралитет. Враждебной была и позиция Швеции. По сути, Россия впервые со времен Петра I, прорубившего «окно в Европу», столкнулась с враждебностью всей Европы. Такого не было даже в 1812 г. Вступая в войну с Россией, участники европейской коалиции преследовали разные цели. Франция, по мнению академика Е. В. Тарле, преследовала цель окончательно расколоть антифранцузский союз, сложившийся в Европе еще во времена Венского конгресса [Тарле 1959: 407–408]. Цель Сардинии (Пьемонта) заключалась в том, чтобы добиться расположения Франции в деле дальнейшего объединения Италии [Айрапетов 2017: 467]. Совсем иные, гораздо более глобальные, цели преследовала Англия. В планах главного идеолога и вдохновителя этой войны британского министра (позже премьер-министра) Г. Пальмерстона было расчленение Российской империи. В частности, предусматривалась передача Финляндии Швеции, а Крыма – Турции. Польша должна была обрести независимость [Айрапетов 2017: 467]. Кроме того, англичане, не очень доверяя Наполеону III, желали контролировать действия Франции, дабы не допустить второго Тильзита [Тарле 1959: 407–408]. В последние годы в российской историографии предпринимались попытки переосмысления причин Крымской войны. В частности, А. Ермаков полагает, что причиной Крымской войны стала конфронтация между Россией и наиболее «передовыми» странами Европы, стремившимися осуществить глобализацию планеты. Россия, по его мнению, была главным препятствием на этом пути [Ружицкая 2016: 8]. И. В. Ружицкая характеризовала подход А. Ермакова как «оригинальный» [Ружицкая 2016: 8], но на наш взгляд, оригинального здесь не так уж много, если вспомнить, что еще академик Е. В. Тарле указывал, что в Англии «за политическими деятелями, желавшими войны, стояла почти вся руководящая верхушка торговой и промышленной буржуазии» [Тарле 1959: 408]. Как известно, Крымская война, закончившаяся поражением России, завершилась подписанием в 1856 г. Парижского мирного договора, условия которого для России были унижительными, особенно на фоне весьма скромных военных успехов противостоявших ей четырех держав. Размышления над причинами войны, равно как и над причинами внешнеполитической изоляции России, которые велись на фоне унижительных статей Парижского мирного договора, дали мощный импульс к пересмотру места России в Европе. По крайней мере, у патристически настроенной части образованного российского общества. Впрочем, правы и те исследователи, которые считают, что в России после поражения в Крымской войне «размышления о «цивилизации» содержали скрытую критику политической реальности» [Ионов 2012: 33].

Строго говоря, Польское восстание 1863–1864 гг. следует рассматривать как внутривосточный фактор. Но в данном случае нас интересует не столько история его подавления, сколько внешнеполитический фон, когда Россия вновь столкнулась с враждебностью практически всей Европы. Откровенно антирусскую позицию заняли Англия, Австро-Венгрия и Франция [Айрапетов 2018: 143]. Также как во времена Крымской

войны возникла угроза не только полной изоляции России (на стороне России в данном вопросе была лишь Пруссия), но и угроза военного вторжения в Россию коалиции европейских стран [там же: 151]. Российское правительство достаточно высоко оценивало риски военного столкновения в 1863 г., и серьезно готовилось к войне [Айрапетов 2018: 157]. Однако Польское восстание интересно не только как внешнеполитический фактор, подталкивавший ряд интеллектуалов, таких как Н. Я. Данилевский, к пересмотру места России в ряду европейских держав, но и как событие, усилившее раскол внутри российской правящей элиты перед лицом агрессивного Запада. Данный раскол был четко зафиксирован генерал-губернатором Михаилом Николаевичем Муравьевым (1796–1866), подавлявшим Польское восстание. В своем письме министру государственных имуществ он разделил правительственные круги Петербурга на две группы: своих союзников и противников. Под противниками М. Н. Муравьев понимал «партию космополитов и внутренних врагов России», которые «популярность в Европе ставят выше интересов России» [Ананьев 2011: 124, 132]. Данная группировка была весьма влиятельна. По мнению М. Н. Муравьева, в нее входили Великий князь Константин Николаевич, министр внутренних дел П. А. Валуев, генерал-губернатор Петербурга А. А. Суворов и др. [Ананьев 2011: 132].

Не так уж трудно увидеть некоторые параллели между распространением взглядов Н. Я. Данилевского во второй половине XIX в. и актуализацией цивилизационного дискурса в современной России, его выхода за рамки чисто академической среды. В настоящее время Россия де-факто оказалась в состоянии войны с Западом, воюющим с нашей страной руками неонацистской Украины. Да, в Западной Европе есть политики (премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, премьер-министр Словакии Роберт Фицо), выступающие за нормализацию отношений с Россией, но их мало и их голоса не влияют на введение очередных антироссийских санкций со стороны ЕС, равно как и на решение вопроса о накачивании Украины натовским оружием. Очевидно, что, как и сто пятьдесят лет назад, цивилизационный подход призван выполнить функцию мобилизации российского общества в условиях крайне враждебной политики Запада. С этой точки зрения, выбор цивилизационного подхода в качестве научно-методологической основы преподавания ОРГ, абсолютно оправдан. Он хорошо вписывается в парадигму противостояния враждебному Западу, хотя бы на уровне «столкновения цивилизаций».

Однако остается открытым вопрос о существовании у цивилизационного подхода серьезных достоинств, связанных с когнитивной сферой. Безусловно, данный подход позволяет лучше понять культурное своеобразие и уникальность России (равно как и любой другой цивилизации). Кроме того, цивилизационный подход, лишенный сковывающих уз европоцентризма, позволяет рассматривать развитие общества в более широком культурно-историческом контексте. Однако, стоит заметить, что уникальность и своеобразие России настолько очевидны, что едва ли нуждаются в «подпорках» цивилизационного подхода. Вместе с тем, цивилизационный подход обладает целым рядом весьма существенных недостатков. Обстоятельный критический разбор цивилизационного подхода был сделан П. Сорокиным в работе «Социологические теории сегодня» [Сорокин 2023: 182–236]. Основные критические замечания относительно цивилизационного подхода следующие.

1) Социальные общности, называемые в работах классиков цивилизационного подхода (О. Шпенглер, А. Тойнби) «цивилизациями» относятся не к одному и тому же типу социальных систем, а к различным типам. Некоторые из них (например, греческая или арабская) представляют собой лишь языковые или этнические группы, объединенные общим языком или этническим происхождением. Другие (например, иранская или русская) предполагаемые «цивилизации» являются всего лишь чистыми государственными объединениями либо общностями, основанными на соединении государственного и языкового единства. Такие «цивилизации», как исламская или православная, являются в основном религиозными общностями, а такие, как дальневосточная или месопотамская, состоят из нескольких сложных многофакторных образований. И наконец, некоторые из общностей, считающихся

«цивилизациями», такие, как выделенная А. Тойнби античная, выделенная Н. Данилевским ассиро-вавилонско-финикийско-халдейская или выделенная О. Шпенглером магическая, представляют собой, по существу, социокультурные смеси различных языковых, государственных, религиозных, экономических и территориальных общностей [Сорокин 2023: 215]. Отсутствие четких критериев для вычленения цивилизаций приводит к тому, что у каждого исследователя оказывается свой список цивилизаций [там же: 217]. Например, то, что Н. Я. Данилевским рассматривалось как одна цивилизация (халдейская), О. Шпенглером рассматривалось как две (магическая и вавилонская), а А. Тойнби как четыре (вавилонская, хеттская, шумерская и сирийская). Единая, по А. Тойнби, античная цивилизация рассматривалась Н. Я. Данилевским как две разных: греческая и римская.

2) Данный подход часто апеллирует к понятиям, выходящим за рамки науки.

3) Цивилизационный подход имеет ярко выраженную тенденцию к игнорированию культурной неоднородности сложных обществ, в результате чего реальное культурное разнообразие редуцируется до некоторой абстрактной схемы. Сложные общества, а на стадии цивилизации они именно таковы, являются культурно неоднородными. Сложная социальная структура порождает различные субкультуры. Например, в рамках той же западноевропейской цивилизации можно выделить рыцарскую культуру, которой в той или иной степени придерживалось сословие феодалов, культуру монастырскую, культуру бюргерскую (ремесленников и торговцев, живущих в городах) и культуру крестьянского «безмолвствующего большинства». И образцы поведения, нормы, ценности в рамках этих культур сильно различались. Сильно отличался и этос. Кроме того, общества могут быть полиэтническими и поликонфессиональными, как в случае арабо-византийской цивилизацией Шпенглера или эллинской цивилизации у Тойнби. Более того, культура большинства индивидов является не столько целостной, сколько эклектичной, где самым причудливым образом могут ужиться самые противоположные суждения. Так, например, у русского крестьянина православие прекрасно уживалось с верой в домовых, леших и прочих персонажей языческой картины мира. В конце концов, даже в одной семье могут быть люди с абсолютно разными ценностями, установками, что прекрасно показал Ф. М. Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы».

4) Считается, что цивилизационный подход обычно поднимают на щит элиты стран периферийного капитализма, предпочитающие вместо отсталости говорить о «самобытности» и «особом пути» своих стран [Алаев 2008: 101]. Не случайно, И. Валлерстайн охарактеризовал цивилизационный подход как «идеологию слабых», как форму протеста этнического национализма в странах «периферии» против развитых стран «ядра» современной мир-системы [Крадин 2009: 182].

5) В рамках цивилизационного подхода серьезную трудность представляет проблема культурных заимствований. Попытки ее решения в духе О. Шпенглера, объявившего «высокую культуру» России XVIII-XIX вв. псевдоморфозом, выглядят несостоятельными. Без решения данной проблемы оказывается крайне затруднительным вычленение некоторых цивилизаций, равно как и обоснование их цивилизационной самобытности.

6) Ни одна из теорий не в состоянии точно указать, ни когда зародилась та или иная «цивилизация» и каковы признаки ее зарождения, ни когда она погибает и каковы критерии ее гибели. Чрезвычайно трудно точно установить, когда каждая цивилизация созрела и достигла зрелости или же когда она гибнет. Как справедливо замечал П. Сорокин, если под «гибелью» цивилизации подразумевать исчезновение с исторической сцены всех ее групп и культурных систем, то это положение попросту неверно. Так, несмотря на предполагаемую «гибель» греко-римской цивилизации, остались греческий и латинский языки, философские системы, дорический, ионический и коринфский ордера в архитектуре, гражданское римское право, закон Архимеда, геометрия Евклида и многое другое [Сорокин 2023: 220–221].

7) Многие теории цивилизации в той или иной степени скатываются к биологизму и сведению жизненного пути цивилизаций к примитивной схеме «рождение – расцвет – гибель».

Данные замечания следует рассматривать как весьма серьезные недостатки. В принципе, одного первого замечания уже достаточно для того, чтобы усомниться в научной ценности цивилизационного подхода. При этом, нельзя сказать, что сторонниками данного направления не предпринималось никаких усилий для его реанимации. Наоборот, попыток спасти цивилизационный подход в конце XX в. было предостаточно. Можно указать на векторно-стадиальную модель Ш. Ито, попытавшегося объединить подходы А. Тойнби, К. Ясперса и В. Чайлда [Ионов 1999: 128]. Д. Уилкинсоном была предпринята попытка синтеза цивилизационного и миросистемного подходов. Однако, вывод исследователя о том, что в настоящее время осталась лишь одна цивилизация, по сути, ставит крест на цивилизационном подходе. Во всяком случае, на его плюрально-циклической разновидности. Предпринимались также попытки совместить цивилизационный подход с идеями Д. Рисмена и Н. Элиаса [там же: 129–131]. Очевидно, что все эти попытки прямо указывают на неудовлетворенность исследователей эвристическим потенциалом плюрально-циклической версии цивилизационного подхода.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что выбор цивилизационного подхода в качестве методологической основы дисциплины «Основы российской государственности» вполне оправдан для достижения цели большей сплоченности российского общества перед лицом угрозы со стороны Запада, но кажется весьма сомнительным с точки зрения своего эвристического потенциала. В этом отношении цивилизационный подход сильно проигрывает как формационному подходу, так и мир-системному анализу. В связи с этим, кажется целесообразным критически пересмотреть существующие методологические основания ОРГ.

Список литературы

1. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т.2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. М. : Кучково поле, 2017. С. 400.
2. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т.3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М. : Кучково поле, 2018. С. 143.
3. Алаев Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2(2). С. 87–112.
4. Ананьев С. В. Политическая борьба в правящих кругах Российской империи в связи с Польским восстанием 1863–1864 гг. // Российско-польский исторический альманах. Вып. V. Ставрополь : СГУ, 2011. С. 124, 132.
5. Гранин Ю. Д. «Цивилизационный подход». Становление и эволюция // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2. С. 65–85. DOI: 10.21146/2713-1483-2020-2-2-65-85 EDN: OCGDCA
6. Проект концепции учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности» // Документ зарегистрирован № МН-11/1516-ПК от 21.04.2023.
7. Ионов И. Н. Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 33–50.
8. Ионов И. Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118–135.
9. Ионов И. Н. Теория цивилизаций на рубеже XXI века // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 127–138.
10. Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. Институт всеобщ. истории РАН. М. : Наука, 2007. 499 с.
11. Ионов И. Н. Идея цивилизации в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 33.
12. Ионов И. Н., Хачатурян В. М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб. : Алетейя, 2002. 384 с.

13. Крадин И. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и Математика: модели и теории. Альманах. М. : Либроком, 2009. № 5. С. 166–200.
14. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения /отв. ред. тома Н. Г. Охотин. СПб. : Издательство Пушкинского Дома, 2014. 776 с.
15. Основы российской государственности : учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т. В. Евгеньева, И. И. Кузнецов, С. В. Перевезенцев, А. В. Селезнева, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, А. Р. Боронин / под ред. С. В. Перевезенцева. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.
16. Основы российской государственности : учебное пособие для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей / Авт. колл.: А. П. Шевырёв, В. В. Лапин, С. В. Рогачёв, А. В. Тютюрский, П. Ю. Уваров, А. А. Ларионов (иеромонах Родион), В. С. Еремин, Н. Ю. Пивоваров, О. А. Ефремов, Е. А. Маковецкий, Е. А. Овчинникова, Д. А. Андреев, В. В. Булатов, О. А. Чагадаева. М. : Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ. М. : Издательство «Клио», 2023 г. 260 с.
17. Основы российской государственности : учебно-методическое пособие / Авт. колл.: Белокрылова Е. А. Русских Т. В., Соболев С. А., Мунтяну П. В., Шайхутдинова Н. П., Шишкина К. В. Ижевск : Удмуртский ун-т, 2023. 274 с.
18. Основы российской государственности : учебное пособие / А. Д. Харичев, А. В. Полосин, А. В. Селезнева. М. : РАНХиГС, 2024. 448 с.
19. Основы российской государственности : учебно-методическое пособие / сост.: Я. А. Смирнов, И. С. Карамышев; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : Ярославский государственный университет, 2024. 60 с.
20. Ружицкая И. В. Восточная война 1853–1856 гг.: новый взгляд // Крымская война в военной истории России и Европы : Материалы научно-практической конференции : сборник статей. М. : Aegitas, 2016. С. 4–9.
21. Соловьев В. Николай Яковлевич Данилевский // Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Состав. Н. Саркитова; Коммент. В. Климанова, Н. Саркитова. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 704 с.
22. Сорокин П. Социологические теории сегодня / сост., подгот. Текста вступ. ст. и коммен. В. В. Сапова. Сыктывкар : ООО «Анбур», 2023. 720 с.
23. Тарле Е. В. Крымская война // Соч. в 12 тт. Т. VIII. М. : АН СССР, 1959. 560 с.

References

1. Ayrapetov O. R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801-1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914]. Vol. 2. Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I. 1825-1855, Moscow, Kuchkovo pole, 2017, pp. 400. (In Russ.).
2. Ayrapetov O. R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801-1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914]. Vol. 3. Vneshnyaya politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III. 1855-1894, Moscow, Kuchkovo pole, 2018, pp. 143. (In Russ.).
3. Alaev L. B. Smutnaya teoriya i spornaya praktika: o noveyshikh tsivilizatsionnykh podkhodakh k Vostoku i k Rossii [Vague Theory and Controversial Practice: On the Latest Civilizational Approaches to the East and Russia]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2008, no. 2(2), pp. 87-112. (In Russ.).
4. Anan'ev S. V. Politicheskaya bor'ba v pravyashchikh krugakh Rossiyskoy imperii v svyazi s Pol'skim vosstaniem 1863-1864 gg. [Political struggle in the ruling circles of the Russian Empire in connection with the Polish Uprising of 1863–1864.]. *Rossiysko-pol'skiy istoricheskiy al'manakh, iss. V. Stavropol'. SGU*, 2011, pp. 124, 132. (In Russ.).
5. Granin Yu. D. «Tsivilizatsionnyy podkhod». Stanovlenie i evolyutsiya [The Civilizational Approach: Formation and Evolution]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*. 2020, vol. 2, no. 2, pp. 65-85. DOI: 10.21146/2713-1483-2020-2-2-65-85 EDN: OCGDCA (In Russ.).
6. Proekt kontseptsii uchebno-metodicheskogo kompleksa modulya «Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti» [Draft concept of the educational and methodological complex of the module "Fundamentals of Russian Statehood"]. No. MN-11/1516-PK ot 21.04.2023. (In Russ.).
7. Ionov I. N. Teoriya tsivilizatsiy: etapy stanovleniya i razvitiya [Theory of civilizations: stages of formation and development]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1994, no. 4-5, pp. 33-50. (In Russ.).
8. Ionov I. N. Teoriya tsivilizatsiy i evolyutsiya nauchnogo znaniya [Theory of civilizations and the evolution of scientific knowledge]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1997, no. 6, pp. 118-135. (In Russ.).

9. Ionov I. N. Teoriya tsivilizatsiy na rubezhe XXI veka [Theory of Civilizations at the Turn of the Twenty-First Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1999, no. 2, pp. 127-138. (In Russ.).
10. Ionov I. N. Tsivilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeystviya [Civilizational consciousness and historical knowledge: problems of interaction]. Institut vseobshhej istorii RAN, Moscow, Nauka, 2007, 499 p. (In Russ.).
11. Ionov I. N. Ideya tsivilizatsii v Evrope XIX veka v kontekste svyazannoy i perekrestnoy istorii [The idea of civilization in 19th-century Europe in the context of connected and cross-history]. *Dialog so vremenem*. 2012, iss. 40, pp. 33. (In Russ.).
12. Ionov I. N., Khachatryan V. M. Teoriya tsivilizatsiy ot antichnosti do kontsa XIX veka [Theory of civilizations from antiquity to the end of the 19th century]. Saint Petersburg, Aletyya, 2002, 384 p. (In Russ.).
13. Kradin I. N. Problemy periodizatsii istoricheskikh makroprotsessov [Problems of periodization of historical macroprocesses]. *Istoriya i Matematika: modeli i teorii. Al'manakh*. Moscow, Librokom, 2009, no. 5, pp. 166-200. (In Russ.).
14. Lermontov M. Yu. Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 1. Stikhotvoreniya. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2014, 776 p. (In Russ.).
15. Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti [The foundations of Russian statehood]. T. V. Evgen'eva, I. I. Kuznetsov, S. V. Perevezentsev, A. V. Selezneva, O. E. Sorokopudova, A. B. Strakhov, A. R. Boronin. Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS, 2023, 550 c. (In Russ.).
16. Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti [The foundations of Russian statehood]. A. P. Shevyrev, V. V. Lapin, S. V. Rogachev, A. V. Tutorskiy, P. Yu. Uvarov, A. A. Larionov (ieromonakh Rodion), V. S. Eremin, N. Yu. Pivovarov, O. A. Efremov, E. A. Makovetskiy, E. A. Ovchinnikova, D. A. Andreev, V. V. Bulatov, O. A. Chagadaeva. Moscow, Natsional'nyy issledovatel'skiy yadernyy universitet MIFI. Moscow, Izdatel'stvo «Klio», 2023, 260 p. (In Russ.).
17. Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti [The foundations of Russian statehood]. Belokrylova E. A. Russkikh T. V., Sobolev S. A., Muntyanu P. V., Shaykhutdinova N. P., Shishkina K. V. Izhevsk, Udmurtskiy un-t, 2023, 274 p. (In Russ.).
18. Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti [The foundations of Russian statehood]. A. D. Kharichev, A. V. Polosin, A. V. Selezneva. Moscow, RANKhiGS, 2024, 448 p. (In Russ.).
19. Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti [The foundations of Russian statehood]. Ya. A. Smirnov, I. S. Karamyshev. Yaroslavl, Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet, 2024, 60 p. (In Russ.).
20. Ruzhitskaya I. V. Vostochnaya voyna 1853-1856 gg.: novyy vzglyad [The Eastern War of 1853–1856: A New Look]. *Krymskaya voyna v voennoy istorii Rossii i Evropy*. Moscow, Aegitas, 2016, pp. 4-9. (In Russ.).
21. Solov'ev V. Nikolay Yakovlevich Danilevskiy [Nikolai Yakovlevich Danilevsky]. Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa. Moscow, TERRA - Knizhnyy klub, 2008, 704 p. (In Russ.).
22. Sorokin P. Sotsiologicheskie teorii segodnya [Sociological theories today]. Syktyvkar, OOO «Anbur», 2023, 720 p. (In Russ.).
23. Tarle E. V. Krymskaya voyna [Crimean War]. Vol. VIII, Moscow, AN SSSR, 1959, 560 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Шишигин – кандидат социологических наук,
доцент, кафедра философии и общественных наук,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

A. V. Shishigin – Ph. D. (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 28.07.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 28.07.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 49–56.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 49-56.

Научная статья

УДК 930.27

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-49-56

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ АНГЛО-САКСОНСКОГО МИРА

Анна Марковна Подгаец

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Аннотация. Несмотря на множество открытий в истории мировой культуры, периодически находятся новые артефакты, косвенные источники – свидетельства полноценной культурной жизни людей, многогранной и непонятной мировоззрению сегодняшним поколениям. Личные дневники и путевые записи монахов, философские трактаты и поэтические произведения, хоралы и литургические псалмы – то существующее письменное наследие, что проходит сквозь всемирные катаклизмы и внутренние трагедии, в оригинале либо обработке, переводе или пересказе. Исследование основывается на обзоре письменных текстов и сохранившихся надписей по материалам солидного иллюстрированного тома обширной выставки Британской библиотеки. Выставка 2019 г. и изданный каталог, результат многолетней работы специалистов, представляет собой уникальное свидетельство письменной культуры – оригинальные книги, документы, археологические находки, пережившие за полтора тысячелетия разрушительные катаклизмы. Статья рассматривает коллекцию Британского музея с позиции традиционных и новых подходов лингвистов к анализу литературных и тематически обусловленных произведений.

Ключевые слова: письменные источники древнеанглийского периода, оригинальные произведения англо-саксов, выжившие рукописи, письменная культура.

Для цитирования: Подгаец А. М. Памятники письменности древнеанглийского периода как отражение англо-саксонского мира // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 49–56. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-49-56>

Original article

WRITING MONUMENTS OF THE OLD ENGLISH PERIOD AS A REFLECTION OF THE ANGLO-SAXON WORLD

Anna M. Podgaets

Perm State University, Perm, Russia

Abstract. Despite the many discoveries in the history of world culture, new artifacts are periodically found, indirect sources are evidence of a full-fledged cultural life of people, multifaceted and incomprehensible to the worldview of today's generations. Personal diaries and travel notes of monks, philosophical treatises and poetic works, chorales and liturgical psalms are the existing written heritage that passes through world cataclysms and internal tragedies, in the original or processing, translation or retelling. The research is based on the exhibition at the British Library followed by the solid printed volume – the richly illustrated book. The exhibition was held in 2019 thanks to the leading specialists who bring together own collections, as well as the various loans and, archaeological finds. It presents the thread of original evidence from books, documents and inscribed objects that have survived 1500 – turbulent – year literary history. This paper explores the British Library collection from the perspective of traditional and new linguistic approaches to the analysis of the written records, literary vernacular works.

Keywords: Old English written sources texts; Anglo – Saxon originals; survived manuscripts; theology; literary culture.

For citation: Podgaets A. M. Writing monuments of the old english period as a reflection of the anglo-saxon world. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:49-56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-49-56>

Введение

Ускоряющийся ритм современной жизни, нарастание технических новинок и технологических подходов в плотной информационной действительности человека сокращает период освоения нового и практически не дает возможности на осознание и переживания. Язык моделируется в некую рационально сокращенную формулу передачи информации. Его роль как неотъемлемой части культуры и хранителя коллективного опыта, традиций этноса и средства общения в социуме сокращается, даже порой нивелируется.

Индивидуальные наблюдения и переживания, освоение знаний, умозаключения и интерпретация своего видения реальности, субъективны по характеру, но важны своей специфичностью в объективном пространстве культуры. Человеческий язык, как следствие процесса и сам результат развития, содержит в себе все нюансы изменений в материальном и духовном мире сообщества людей, носителей конкретной культуры. При объективно существующих константах культуры в языковом сознании человек, как носитель соответствующей культуры, творит свой мир, субъективно интерпретируя для себя объективную реальность. Эта способность восприятия и осознания себя и своего окружения изначально присуща человеку, природой заложена с рождения (как виду) [Степанов 1995].

Можно говорить о совокупном сознании, некой картине мира определенной эпохи в истории жизни сообщества, а также восприятием человека себя и своих ощущений, как личности в этом мире. «И язык есть тот мир, который лежит между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000]. Законы, управляющие языком, существуют не менее объективно, чем законы, управляющие физическими явлениями [Щерба 1931]. Все человеческие цивилизации за тысячелетия существования оставили письменные свидетельства своей богатой событиями жизни [см., например, Мелетинский 1963; Ивлева 2016]. Известны зафиксированная история шумеров, древних египтян, ассирийцев, греков, римлян, народов Индии и Китая, племен южноамериканского континента, других почти или совсем забытых сообществ. Но многие культуры сегодня пока неизвестны, а некоторые знакомые все еще хранят тайны своего времени.

Основная часть

Несмотря на множество открытий в истории мировой культуры, периодически находятся новые артефакты, косвенные источники – свидетельства полноценной культурной жизни людей, многогранной и непонятной мировоззрению сегодняшним поколениям. Личные дневники и путевые записи монахов, философские трактаты и поэтические произведения, хоралы и литургические псалмы – то существующее письменное наследие, что проходит сквозь всемирные катаклизмы и внутренние трагедии, в оригинале либо обработке, переводе или пересказе. Любые тексты несут из глубины веков учения и верования, забавные сюжеты и поучительные наставления, мудрость поколений и творческие представления, в отличие от их имен. Степень сохранности самого источника и полнота его содержания зависят как от исторических событий, выпавших на долю народа, так и грамотности и опыта исследователей, даже удачного стечения обстоятельств в судьбе конкретного текста или предмета. Культурное наследие любого народа дает бесценную возможность погрузиться сегодня в прошлое и по возможности проникнуть в смыслы, заложенные авторами текстов, попытаться почувствовать дух времени, мысли и идеи ушедшей эпохи.

Данное исследование сосредоточено на одном из таких сюжетов – в центре внимания английская письменная культура: ее истоки, исторический контекст, быт и духовная жизнь людей, заботы и проблемы, представления о современном им реальном окружении и

воображаемом внешнем мире. В центре внимания богато иллюстрированная книга, увесистый том формата А4 – своеобразная веха выставки Британской библиотеки, представляющая островное государство – Англию англосаксонского периода, как страны с высоко развитой художественной и политической культурой, глубоко связанной с соседями на континенте – *Anglo-Saxon Kingdoms, art, word, war*, edited by Claire Breay and Joanna Story, 2018.

Изданная книга большого формата представляет захватывающий бурный период ранней средневековой истории, которая как бы оживляет наше понимание тех формирующих страну столетий. Открытая широкой публике в начале 2019 г. выставка состоялась благодаря и собственной коллекции манускриптов и документов и многим жертвователям в Великобритании, Италии, Франции, Ирландии, Нидерландах (the Bodleian Library, the British Museum, Corpus Christie College and Trinity College Cambridge, Durham Cathedral, Norwich Castle Museum, Biblioteca Medicea Laurenziana Florence, Bibliotheque nationale de France, Trinity College Dublin, Universiteitsbibliotheek Utrecht), включая последние археологические раскопки.

Центральное место в книге занимают выдающаяся коллекция рукописей Беовульфа и других письменных памятников на древнеанглийском и латыни, Евангелии из Линдисфарн, самая ранняя сохранившаяся книга Европы – Евангелие Святого Гутберта (17.04.2012. *St. Cuthbert Gospel, Lindisfarne Gospel*), исторический манускрипт Церковной истории, Бэды Достопочтенного и Англосаксонская Хроника.

Организаторы выставки сообщают, что представленные предметы являются результатом кропотливой работы в течение 25 лет, а за непосредственно предшествующие 3 года до события библиотека закончила цифровизацию почти всех существующих рукописей и загрузила онлайн все оригиналы текстов англосаксонских хартий. Такая инициатива расширит доступ посетителям выставки к текстам и позволит ознакомиться со страницами манускриптов помимо представленных в открытой экспозиции, а также облегчит возможность будущих исследований. Примечательно, что отмечен вклад Архиепископа Кентерберийского М. Паркера (Matthew Parker, 1504– 1575), который сразу же, как возглавил церковь (с 1559 г.) начал поиск уцелевших книг, рукописей, любых отрывков письменной культуры в стране. Он обратил внимание на коллекцию в Кембридже (Corpus Christie College, Cambridge) и ее состояние и стал заниматься поиском и собирательством сохранившихся текстов.

Идея выставки наследия английской культуры появилась 17 апреля 2012 г., когда Британская библиотека приобрела благодаря подписке (фонд для сбора средств) для национальной коллекции небольшого размера сделанную в Нортумбрии копию начала VIII в. Евангелия от Иоанна в оригинальном переплете в хорошем состоянии. Организаторы решили собрать выставку письменных свидетельств в области истории, языка, литературы и искусства Англосаксонских королевств с VI – XI вв., соединив воедино недавние археологические находки и хорошо известные рукописи, собрав манускрипты, документы и надписи на предметах, которые пережили набеги викингов, нормандское завоевание, разгон большинства монастырских библиотек, последующего вслед за роспуском монастырей эпохи Реформации и пожар 1731 г. в самой библиотеке, которую тщательно и скрупулезно собрал ее директор Сэр Роберт Коттон. Ставший директором Британской библиотеки в 1757 г. Sir Robert Cotton начал тщательно и скрупулезно собирать и приводить в порядок рукописи и предмет культуры.

Сегодня специалисты утверждают, что письменное наследие англосаксов составляет лишь четверть сохранившихся рукописей, перечисляя причины: печальная судьба монастырских библиотек (скрипториев) в Англии, переход отдельных рукописей в королевские и частные руки, скудность текстового материала, недостаток источников, фрагментарность сохранившихся текстов, сложность атрибуции находок, разбросанность местонахождения. Но тем не менее состоявшиеся и выставка и публикация каталога

свидетельствуют о неустанности научного поиска, важности человеческого фактора, роли новых технологий, методик, подходов, которые и привели к победе сложного проекта, а миллионам читателей и зрителей открыли мир прошлого.

Ведущие медиевисты ранней средневековой истории, культуры и литературы знакомят с уникальными оригинальными свидетельствами, по которым можно по кусочкам составить общую историю англосаксонских государств, не спеша рассматривая исключительные предметы из библиотек, музеев, соборов, коллекций частных фондов в стране и из-за рубежа. Национальные сокровища представлены вместе с международно-признанными литературными, историческими текстами и музейными экспонатами Британии (Лондон, Оксфорд, Кэмбридж, Собор Дарема, музей замка в Норидже, Национальный Фонд Наследия, Фонд произведений Искусства), музеев и библиотек Европы и США. Порядка 25 организаций согласились передать свои сокровища для экспозиций, что обеспечило полноту и богатство организуемой выставки.

Известно, что литература и образование в древнеанглийский период было развито достаточно высоко. Есть несколько имен: Гилдас (VI), Алкуин (VIII), Бэда (VIII), но в основном, авторы дошедших произведений неизвестны и время создания работ приблизительно. В музеях хранятся объекты с руническими знаками, а также на латинском и в переводе на родные германские диалекты, надписи на предметах быта и сакральных, завещания, своды законов, акты дарения, управление землей. Обширная проза от летописей в церквях (Англосаксонская хроника) до философских трактатов (Бозций, последний римлянин), проповеди (епископа Вульфстана), календари для определения времени литургии и праздников, мартиролог и многие понятные нам и наивно – удивляющие нарративы – фиксированные следы ушедшей культуры. В коллекции демонстрируются музыкальные инструменты и книга для кантора с специальной записью знаков и слов, медицина как область особо научная и прикладная – наглядно иллюстрированные книги средств растительного и животного происхождения для помощи заболевшим или травмированным. Поражает высокое искусство иллюстрации и оформления текстов, богатство научных знаний (диаграмма Вселенной, астрономия), хотя сердцем связного нарративного текста остается известная летопись *Anglo-Saxon Chronicle*.

Английский язык от древнего периода прошел ступени развития в виде родоплеменных диалектов (V–XI) переселившихся с континента нескольких германских племен, далее социально – территориальных диалектов (XI–XV) вследствие военного вторжения франкоговорящих норманнов до литературного языка (XV–XVII), сформировавшегося на основе столичного диалекта Лондона. Начало «долитературной эпохи» не оставило текстов, но образовавшийся впоследствии англосаксонский (древнеанглийский) «язык» оставил богатую письменную традицию. А смешанный языковой субстрат Британии (кельты, римляне, германцы) утративших свою самостоятельность племен, определил несколько крупных диалектов, по очереди выходивших на передний план в письменной истории жителей острова Британия. Бэда Достопочтенный в своем труде “*Ecclesiastical History of the English People*” (713) пишет, что английский был германским языком, привезенным в Британию с континента германскими племенами и близок другим германским – древненорвежский, древнесаксонский, древневерхненемецкий. Он называет Британию плавильным котлом 4 народов и 5 языков. Язык периода VII–XI вв. принято называть *Enzlisc* – англский (по названию одного из германских племен да. *Enzle* [Смирницкий 1988: 20]. И хотя тесная связь между собой выделила исторически значимым язык саксов, уэссекский, диалект (IX в.) в его письменном выражении считается своего рода нормой этого периода благодаря упорядоченности языка и достаточной репрезентативности памятников письменности. Дохристианские германские народы, в основном, пользовались на письме рунами, самый известный поэт того времени (Суневулф, IX) написал свое имя рунами. Но постепенно адаптируя римское письмо и используя в своей письменной литературной практике два языка почти половину тысячелетия, признают доминирование латинского как более высокого, статусного. И с VII в. в центрах при монастыре, соборе обучали библейским языкам: греческому, латинскому, древнееврейскому.

А Король Альфред (правил 871 – 899) в предисловии к переведенному труду (*Cura Pastoralis*. «Обязанности пастыря») Папы Григория жалуется на закат образования, призывая свой народ к изучению родного англосаксонского языка как серьезного образовательного и литературного средства. И он преуспел в этом побуждении, так как появляется большое количество текстов при нем и его преемниках. Данные сообщают о примерно одинаковом объеме рукописей на англосаксонском и на латинском, поэтических произведений по 30 000 строк на каждом из этих языков, более 90 % сохранилось в 7 манускриптах и впервые были вместе представлены на выставке в Британской библиотеке. Стоит отметить, что Папа Григорий (590 – 604) был особо настроен на англосаксов, будучи посланником Рима в приобщении народов этого острова к культуре и латинскому алфавиту и христианскому миру. Его послания изучались и переводились, а сам король Альфред написал предисловие – обращение к своему народу. Имя Альфреда и его деяния хорошо известны благодаря историку Ассеру (*Asser*), который написал его биографию (*A Life of King Alfred*, 893, умер король в 909), начав свой труд еще при жизни короля.

В целом искусство книгописания стало доступно англосаксам после их обращения в христианство. Считается, что самая ранняя древнеанглийская литература возникла в Нортумбрии (север страны) на основе кельтской и латинской культур, однако скандинавские набеги прервали ее. На юге, в Уэссексе, король Альфред и его преемники смогли противостоять викингам и способствовали возрождению науки и литературы. То, что мы называем сегодня «художественная литература» во многом создавалась в стихотворной форме, основная часть древнеанглийской поэзии сохранилась в рукописных кодексах X–XI вв.: *the Exeter Book*, *Codex Vitellius*, *Vercelli Codex*, *Junius MS*, *Codex Amiatinus*, что примерно составляет 1 300 манускриптов написанных или находящихся в Англии до 1100 г., сохранившихся в более или менее полном виде и представляя сравнительно небольшую часть всех книг, их всех предположительно существовавших в стране в то время. Некоторые свидетельства помогают примерно представить степень потерь, когда роскошные манускрипты, как истинные сокровища, превалируют над более утилитарными, используемыми священниками в маленьких церквях или личном домашнем обиходе. Например, выставка гордится тремя большими книгами Библии – ассимилированная христианская эстетика поздней итальянской, средиземноморской модели создания книг, (французское влияние Каролингов), “Беовульф” (ок. 1000), наравне с хрониками, картами, документами, книгой загадок и заклинаний, небольших словников – глосс и ретроспективных отчетов странствующих монахов. Особый интерес вызывает переписка частных лиц – оригинальные личные письма важных особ VII – VIII вв., самое раннее из дошедших до нас датируется 704–705 гг., место написания документа город Йорк (север страны) – Епископ из Лондона пишет Архиепископу Кентерберии (юг страны). Отдельно на выставке представлена коллекция поэзии: героическая и лирическая, светская и религиозная, научная и профессиональная. Древнеанглийская поэзия состоит из устаревшей на сегодня традиции германских предков – это германский аллитерационный стих – разновидность тонического акцентного стиха, который использовался во всех жанрах: героический эпос, переложение христианских легенд и преданий, поэтические вставки в летопись, заклинания, гномические стихи, загадки, элегии. Самая известная поэтическая вставка в текст книги Бэды (Нортумбрия, 735 г.) это Гимн Кэдмона, пастуха – поэта, она считается первой известной христианской поэзией с традиционным древнеанглийским метром. Исконные жанры раннего периода – это героическая поэзия, заклинания, гномические стихи, более новые жанры уже христианского содержания и стихи с лирическим началом. В условиях ранней христианизации страны древнеанглийская поэзия использовалась для передачи библейских и агиографических сюжетов, источников которых служила латинская книжность.

Аллитерационная поэзия, входя в круг чтения с иноязычными, прежде всего христианскими текстами, претерпевала глубокую трансформацию [Смирицкая 1980].

Но для ритма имело значение и длительность слогов: краткость / долгота слога. Аллитерация представляет собой созвучие начальных элементов главноударных слогов. Большею частью аллитерация образуется повторением одного и того же согласного [Смирницкий 1988: 34], некоторые сочетания согласных, гласные тоже аллитерировали друг с другом, создавая уникальный эмоционально окрашенный фон. Одним из распространенных тропов в древнеанглийской поэзии являются кеннинги, разновидность метафоры, характерной для скальдической, англосаксонской и кельтской поэзии. Это описательное поэтическое выражение, состоящее как минимум из двух существительных и применяемое для замены обычного названия какого-либо предмета или персоны. Возникнув в древненорвежской скальдической поэзии, они придавали особую уникальность тексту, отражая духовный мир древнегерманских племен. Использование кеннингов в древнеанглийском поэтическом тексте давало возможность избежать лексических повторов. Но их созданию способствовала практика подбора нужного синонима – древнеанглийский поэтический текст основывался на аллитерации и скоп – сочинитель должен был находить подходящие слова, начальные согласные которых могли аллитерировать.

Ученые отмечают, что поэтические произведения древнеанглийского периода записаны гораздо позже их создания. К сожалению, отдельные произведения дошли на языке оригинала и основная часть рукописей на уэссекском письменном варианте, то есть переписанные с других диалектов уцелевшие фрагменты или спасенные с поля разорения и пожара в результате набегов.

В целом, особенность древнеанглийской поэзии в единстве формы и многообразии ее содержания, отсутствия жанровых границ и благодаря этому зыбкая внутренняя смысловая структура, а также своя поэтическая фразеология, уникальный неповторимый словарь.

Известно, что благоденствие процветающего королевства Англии при доминировании уэссекской династии короля Альфреда (871– 899) и его потомков в 1066 г. было разрушено. Его политическая и географическая целостность, культурная, экономическая и человеческая история Англии, связи с соседними королевствами – Ирландия, Скандинавия, Западная Европа (Италия, Франция) – прерваны. На выставке можно увидеть прекрасно сохранившуюся карту мира, созданную во второй половине XI в. в Англии – в центре изображены Рим, Иерусалим, Александрия, Египет, Ливия, Азия, Африка, местоположением своего острова относительно святых мест.

В древнейшей рукописи Англосаксонской Хроники, которая скрупулезно год за годом перечисляет важнейшие события есть краткая вставка о самом знаменитом событии английской истории – 1066 год. Начинается текст словами: “...умер король Эдвард, ему наследовал королевство эрл Харольд и правил 40 недель и один день... и пришел Уильям и завоевал Англию”. А далее упоминается появление в апреле кометы, позднее названной в честь великого астронома Эдмунда Галлея (1656 – 1742), которая появляется и на известном гобелене Bayeux Tapestry вышитом в Англии примерно в 1080 г. – она в виде “чудесной звезды” и предвещает грядущее вторжение. Но в летописи не упоминается ни битва при Гастингсе 14 октября 1066г., когда был убит последний англосаксонский король Гарольд, ни сложные политические условия правления последнего англосаксонского короля Эдуарда Исповедника, предвещающие кризис власти и кульминацию нормандского вторжения в Англию. Процветающее королевство было призом Вильгельму Завоевателю, который короновавшись в декабре этого года на Рождество в Вестминстерском Аббатстве, повелел провести полную перепись своих владений, представленную на заседании Совета в 1085 г. (важно, что данные давали три среза во времени – январь 1066 на момент смерти короля). Большинство поселений из этой переписи, названной Domesday Book – Книга Страшного Суда, существуют и сегодня, графства в основном сохранились почти в том же виде вплоть до 1974 г. с некоторыми изменениями на уровне действий местных властей.

Культурный плюрализм отмечает XI–XII вв. Английский язык (территориальные диалекты) остается в устной речи доминирующим, письменные три варианта латинский, французский, английский сосуществуют параллельно на протяжении нескольких веков, давая возможность создавать литературные и другие письменные свидетельства в близкой автору форме и стилю.

Неслучайно, поэзия и проза древнеанглийской письменной культуры в разнообразии жанров привлекали исследователей и прошедших столетий, а работы последнего десятилетия показывают непреходящий интерес и направления исследований отечественных и зарубежных ученых. В этой связи можно привести несколько отсылок к современным журналам: Архивы научных журналов НЭИКОН; *Atlantica* (Атлантика. Записки по исторической поэтике, кафедра германистики и кельтской филологии филфака МГУ); *The Atlantik monthly*; Гуманитарные исследования. История и филология – электронный научный рецензируемый журнал. *Humanitarian Studies / History and Philology*; *Speculum* – Ежеквартальный научный журнал по медиевистике) – статьи по английской литературе; *Literature Compass*; *English Literary History*.

Заключение

Подводя итог представленному изучению, хочется отметить характерную черту англо–саксонского периода – мультикультурное и мультиязыковое смешение. Рассматривая культуру как совокупность материальных и духовных особенностей народа, определяющих специфику мышления, организацию общественной жизни невозможно не переосмысливать взаимосвязи языка и культуры в новое время. Отсюда и исследования функционирования языка в концептуальных моделях (операционный аспект), изучение закономерностей в древнеанглийском и их значение.

Культурные ценности индивидуума и метаязык культуры пересматриваются с позиции современного мировоззрения относительно культурных практик, религиозной традиции Англосаксов, творческих поисков авторов и просто переписчиков, переводчиков и всех тех, кто создавал реальность своего времени. И тогда памятники письменности – свидетельства духовных устремлений и развития общества – тексты – это не просто прямой источник информации, объем знания о людях и их устремлениях, а новый стимул научного поиска и открытий.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 2000.
2. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние форма и архаические памятники. М. : ИВЛ, 1963. 462 с.
3. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М. : Московский государственный университет, 1988. 319 с.
4. Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 1980. С. 171–232. URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/smirnickaya-anglosaksy/smirnickaya-1.htm> (дата обращения: 12.12.2024).
5. Ивлева М. А. Современные подходы к классификации древнеанглийской поэзии. Проблемы периодизации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4. Ч. 2.
6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. : сб. ст. М. : РГГУ, 1995. С. 35–73.
7. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. 1931. № 1. С. 113–128.
8. *Anglo-Saxon Kingdoms, art, word, war*, edited by Claire Breay and Joanna Story, 2018.

References

1. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress, 2000. (In Russ.).

2. Meletinskiy E. M. Proiskhozhdenie geroicheskogo eposk. Rannie forma i arkhaicheskie pamyatniki [The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments]. Moscow, IVL, 1963, 462 p. (In Russ.).
3. Smirnitkiy A. I. Drevneangliyskiy yazyk [Old English]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, 1988, 319 p. (In Russ.).
4. Smirnitkaya O. A. Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov [Poetic art of the Anglo-Saxons]. *Drevneangliyskaya poeziya*. Moscow, 1980, pp. 171-232. (In Russ.). Available at: <https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/smirnickaya-anglosaksy/smirnickaya-1.htm> (accessed: 12.12.2024).
5. Ivleva M. A. Sovremennye podkhody k klassifikatsii drevneangliyskoy poezii. Problemy periodizatsii [Modern approaches to the classification of Old English poetry. Problems of periodization]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016, no. 4, part 2. (In Russ.).
6. Stepanov Yu.S. Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i Printsip Prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Causality]. *Yazyk i nauka kontsa XX v*. Moscow, RGGU, 1995, pp. 35-73. (In Russ.).
7. Shcherba L.V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics]. *Izvestiya AN SSSR*. 1931, no. 1, pp. 113- 128. (In Russ.).
8. Anglo-Saxon Kingdoms, art, word, war, edited by Claire Breay and Joanna Story, 2018.

Информация об авторе

А. М. Подгаец – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

A. M. Podgaets – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 28.07.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 28.07.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 57–65.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 57-65.

Научная статья

УДК 811.112.2'36

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-57-65

СЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ТАКСИСНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию сложных девербативов немецкого языка как средства таксисной актуализации. Цель работы – описать сложные девербативы в качестве актуализаторов таксисных категориальных значений, которые реализуются в высказываниях, содержащих предложно-именные сочетания. Объектом исследования являются немецкие сложные девербативы, представленные шестью различными структурными типами. Предметом исследования служит описание сложных девербативов с точки зрения функциональной семантики, а также анализ их роли как таксисных актуализаторов в высказываниях, включающих предложные конструкции. Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью немецких сложных девербативов в рамках функционально-семантического подхода. Этот подход предполагает анализ сложных девербативов, обладающих акциональной (процессуальной или статальной) семантикой, в составе высказываний с предложно-именными конструкциями, где они выступают как актуализаторы таксисных категориальных значений одновременности или разновременности.

Ключевые слова: немецкий язык, девербативы, сложные девербативы, структурно-семантические типы, предлоги, таксисная актуализация/

Для цитирования: Архипова И. В. Сложные девербативы немецкого языка в контексте таксисной актуализации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 57–65. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-57-65>

Original article

COMPLEX DEVERBATIVES OF THE GERMAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF TAXIS ACTUALIZATION

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the description of complex deverbatives of the German language as a means of taxis actualization. The aim of the work is to describe complex deverbatives as actualizers of taxis categorial meanings, which are realized in statements containing prepositional-nominal combinations. The object of the study is German complex deverbatives, represented by six different structural types. The subject of the study is the description of complex deverbatives from the point of view of functional semantics, as well as the analysis of their role as taxis actualizers in statements including prepositional constructions. The relevance of this work is due to the insufficient study of German complex deverbatives within the framework of the functional-semantic approach. This approach involves the analysis of complex deverbatives with actional (procedural or statal) semantics, as part of utterances with prepositional-nominal constructions, where they act as actualizers of taxis categorial meanings of simultaneity or non-simultaneity.

Keywords: German language, deverbatives, complex deverbatives, structural-semantic types, prepositions, taxis actualization

For citation: Arkhipova I. V. Complex deverbatives of the German language in the context of taxis actualization. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;19:57-65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-57-65>

Введение

Немецкие сложные имена существительные рассматриваются в работах ряда отечественных лингвистов [Алкаева, Ткаченко 2024; Вашунин 1990; Архипова 2023; Залова, Залевская 2025; Мурясков, Искандарова 2019; Колпакова 2014; Крупнова 2013; Маслова 2015; Кукушкина, Самосудова, Вечканова 2017; Муратова 2019; Носачева 2015; Садыкова 2002; 2010; Степанова 1962; Павлов 1970; Левковская 1962; Рябченко 2019; Чучва 2022; Фляйшер 2007]. В лингвистических исследованиях России конца XX – начала XXI вв. сформировалось несколько направлений, занимающихся изучением словосложения в современном немецком языке [Яковлюк 2016: 182–183]. Основателем одной из первых функциональных концепций немецкого словосложения справедливо считается К. А. Левковская, чьи работы, относящиеся к середине прошлого столетия, опираются на номинативную и словообразовательную функции композитов [Левковская 1962].

Основная часть

В конце 1950-х – начале 1960-х годов в германистике появились труды выдающегося лингвиста М. Д. Степановой, которые стали новым этапом в изучении немецких сложных слов. М. Д. Степанова выделяет номинативную, словообразовательную и синтаксическую функции словосложения [Степанова 1962]. Синтаксический аспект немецкого словосложения привлекает внимание в работах В. М. Павлова, которые заложили теоретические основы синтаксической концепции словосложения. Не соглашаясь с точкой зрения М. Д. Степановой и не выделяя словообразовательной функции у сложных существительных в немецком языке, В. М. Павлов указывает на то, что субстантивные композитные образования выполняют синтаксическую функцию особого рода. По мнению исследователя, композитные образования многозначны и характеризуются лаконичностью, типизацией и различимостью [Павлов 1970]. Среди значимых российских исследователей композитного субстантивного словообразования в современном немецком языке стоит отметить В. С. Вашунина, чьи работы развивают теорию образования, функционирования и употребления определительных сложных существительных [Вашунин 1990]. Среди зарубежных концепций композитообразования выделяются работы В. Фляйшера, которые наиболее полно охватывают проблематику словообразования в целом и словосложения в частности. Словосложение у этого лингвиста выполняет две функции: номинативную и синтаксическую, когда сложное слово рассматривается как образование, параллельное синтаксической конструкции [Fleischer 2007].

В структуре словарного запаса языка важная роль отведена именам существительным, в частности, сложным именам. В немецком языке сложные слова часто объединены общей тематикой, которая проявляется в первом или втором компоненте. С точки зрения семантики, для немецких сложных слов характерна мотивированность, основанная на значениях составляющих их частей. Сложные слова с соединительными элементами обладают разветвленной морфологической структурой, включающей различные компоненты, иногда целые словосочетания и разные типы основ. Независимо от состава, сложное слово является целостной лексической единицей с множеством значений и грамматическими характеристиками слова [Залова, Залевская 2025: 136–137].

Композиты семантически мотивированы, и все их части происходят от самостоятельных лексем. В сложных композитах можно увидеть отношения между компонентами, напоминающие связи в синтаксических конструкциях. Композиты-существительные классифицируются лингвистами по структурно-генетическому типу и типу

синтаксико-семантической связи между элементами. По структурно-генетическому типу выделяют полносложные, неполносложные композиты, сдвиги и многочленные сложные слова [Залова, Залевская 2025: 137–139].

Основные признаки сложных слов включают в себя: 1) уникальное значение, которое нельзя вывести из простого сложения значений его частей, 2) комплексное обозначение понятия, 3) устойчивость компонентов, исключая их свободную замену, 4) морфологическую спаянность, 5) фонетическую целостность, проявляющуюся в общем ударении, 6) неразрывность, то есть невозможность введения дополнительных элементов внутрь сложного слова, 7) специфический характер семантических связей между составляющими: атрибутивные, предикативные, обстоятельственные или объектные отношения, 8) отнесение к определенной части речи, 9) образование в соответствии с заданными структурными моделями, 10) возможность служить базой для образования новых сложных слов [Садыкова 2002: 71–72].

В статье Н. А. Масловой «Процессуальные композиты-номинализации немецкого языка в сопоставительном аспекте» рассматривается явление номинализации в немецком языке, особое внимание уделяется процессуальным композитам, образованным путем сочетания глагольных и именных элементов. Автор исследует способы образования, семантические особенности и функциональную роль данных композитов в немецком языке. В работе подчеркивается, что номинализация, как способ словообразования, позволяет выразить действие или процесс в виде имени существительного, что способствует большей лаконичности и абстрактности выражения. Процессуальные композиты, являясь сложными образованиями, объединяют в себе признаки как глагола, так и имени существительного, что позволяет им передавать динамику действия, одновременно представляя его как статичный объект [Маслова 2015: 66–70].

Данное исследование сосредоточено на изучении немецких сложных девербативов, используемых с предлогами (временными и невременными), которые функционируют как актуализаторы таксиса. В составе высказываний с предложно-именными конструкциями эти девербативы выражают различные таксисные значения, включая одновременность, предшествование и следование. Предлог, будь то временной или невременной, выполняет две ключевые роли: он формирует таксисное значение и служит маркером для его идентификации. Цель работы – описать сложные девербативы в качестве актуализаторов таксисных категориальных значений, которые проявляются в высказываниях, содержащих предложно-именные сочетания. Объектом исследования являются немецкие сложные девербативы, представленные шестью различными структурными типами. Предметом исследования служит описание сложных девербативов с точки зрения функциональной семантики, а также анализ их роли как таксисных актуализаторов в высказываниях, включающих предложные конструкции.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью немецких сложных девербативов в рамках функционально-семантического подхода. Этот подход предполагает анализ сложных девербативов, обладающих акциональной (процессуальной или статальной) семантикой, в составе предложно-именных конструкций, где они выступают как актуализаторы таксисных категориальных значений, отражающих одновременность или разновременность (следование, предшествование). Эмпирический материал был собран с использованием метода целевой выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC). В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный и индуктивный методы, описательный метод, а также метод интерпретации и обобщения языковых фактов.

Основная часть

Немецкие сложные девербативы (композиты), входящие в состав предложно-именных структур с временными и невременными предлогами, выражают таксисные категориальные значения, такие как одновременность и разновременность.

Композит – это сложное структурное и полифункциональное образование, используемое для прямой или косвенной номинации, разновидность деривата, сформированная по стандартной модели или путем преобразования синтаксического словосочетания. Именные композиты обладают свойствами как лексической, так и синтаксической единицы. С точки зрения лексикологии, они рассматриваются как лексико-семантическое явление, а с позиции синтаксиса – как результат трансформации синтаксических конструкций [Садыкова 2002: 17].

В настоящей работе анализируются именные сложные слова, в которых вторым (основным) элементом являются девербативы на –en.

Среди исследованных детерминативных сложных девербативов следует выделить имена (акциональные, процессуальные, статальные), представленные следующими структурными типами:

1) существительное + девербатив на –en, например: *das Vaterwerden, das Mutterwerden, das Feuermachen, das Zeitunglesen, das Kaffeetrinken, das Briefeschreiben, das Klavierspielen*;

2) прилагательное + девербатив на –en, например: *das Dunkelwerden, das Hellwerden, das Kaltwerden, das Schwangerwerden, das Schwangersein, das Kaltbleiben*;

3) наречие + девербатив на –en, например: *das Linksabbiegen, das Rechtsabbiegen, das Vorwärtslaufen, das Vorwärtsfahren, das Vorwärtsreiten, das Vorwärtsgehen, das Rückwärtslaufen, das Rückwärtsgehen, das Spätaufstehen*;

4) причастие II + девербатив на –en, например: *das Getrenntsein, das Getrenntwerden, das Gefangenbleiben, das Verrücktwerden*;

5) существительное с предлогом + девербатив на –en, например: *das Nachhausegehen, das Nachhausefahren, das Zubettgehen, das Zuhausebleiben*;

6) частица *nicht* + девербатив на –en, например: *das Nichtbeachten*.

К сложным девербативам первого типа относятся акциональные имена, употребляемые как с темпоральными, так и с нетемпоральными предлогами (*das Fragenstellen, das Mutterwerden, das Vaterwerden, das Zähneputzen, das Feuermachen, das Zeitunglesen, das Bücherlesen, das Teetrinken, das Briefeschreiben, das Antwortgeben, das Klavierspielen, das Brotschneiden, das Haareschneiden* и др.). Например:

1. **Mit dem Mutterwerden** veränderte sich ihr Leben grundlegend (LC).
2. Alles Wesentliche im Religionsunterricht beginne **mit dem Fragenstellen** (LC).
3. **Beim Zähneputzen** achtete er auf eine gründliche Reinigung (LC).
4. **Beim Feuermachen** ist Vorsicht geboten (LC).
5. **Beim Zeitunglesen** entdeckte er einen interessanten Artikel (LC).
6. Aus dem Format, bei dem man den Influencern stundenlang **beim Feuermachen** zuschaut, scheint tatsächlich die Luft draußen zu sein (LC).
7. Er beobachtete diesen **beim Haareschneiden** und half beim Putzen (LC).
8. Auf mit der Nachricht geteilten Fotos sind Freiwillige **beim Briefeschreiben** zu sehen (LC).
9. Und sie hat auch wirklich Spaß dabei, wenn man sie **beim Klavierspielen** beobachtet und fragt (LC).
10. Dann schlossen sich die Türen, Scholz und Xi zogen sich **zum Teetrinken** zurück (LC).
11. Er benutzte ihn wohl **zum Feuermachen** (LC).
12. Über das Werkzeug hat der Mann erklärt, er habe es **zum Brotschneiden** bei sich geführt (LC).
13. «Dass junge Menschen heute später **zum Bücherlesen** finden, zeigt, dass wir starke Angebote der Leseförderung sowohl außerhalb des Elternhauses als auch für das Elternhaus benötigen.» (LC).
14. Der Landkreis ruft **zum Briefeschreiben** auf, um Senioren eine Freude zu machen (LC).
15. **Durch das Vaterwerden** lernte er Verantwortung (LC).

В приведенных выше примерах с предлогами *mit* и *bei* в темпоральном значении сложные девербативы первого типа выступают в качестве актуализаторов таксисных значений одновременности (см. высказывания 1–9). В высказываниях (10–14) сложные девербативы употребляются с финальным предлогом *zu*, маркирующим финально-таксисные значения одновременности. В высказывании (15) сложный девербатив *das Vaterwerden* в сочетании с предлогом *durch* в модальном значении участвует в актуализации таксисных значений с семантикой образа действия.

К сложным девербативам второго типа относятся такие процессуальные и статальные композиты как *das Dunkelwerden*, *das Dunkelsein*, *das Hellwerden*, *das Kaltwerden*, *das Schwangerwerden*, *das Kaltbleiben* и др. Например:

16. **Noch vor dem Dunkelwerden** trat die Gilde zur Ehrung der Preisträger und zur Proklamation des neuen Prinzen und des neuen Königs an (LC).

17. **Rechtzeitig vor dem Dunkelwerden** wurde das traditionelle Gruppenfoto aufgenommen (LC).

18. **Bis zum Dunkelwerden** und dem Auftritt der Glühwürmchen erfahren die Teilnehmer Wissenswertes über die Leuchtkäfer und die Natur der Dämmerung (LC).

19. Auch Schäden an Gebäuden oder Einrichtungen lassen sich erst **nach dem Hellwerden** lokalisieren (LC).

20. **Nach dem Schwangerwerden** änderte sich ihr Leben grundlegend (LC).

21. Dann ist die Dämmerung einigermaßen fortgeschritten, und **mit dem Dunkelwerden** erkennt man den «Schweifstern» mühelos von blossem Auge, wenn man in Richtung Westen blickt. Mit dem Dunkelwerden des Abends zog sich die Menge langsam zurück (LC).

22. **Mit dem Hellwerden des Morgens** begann die Arbeit (LC).

23. **Mit dem Kaltwerden der Tage** verkürzten sich die Spaziergänge (LC).

24. **Beim Kaltbleiben der Füße** hilft Bewegung (LC).

25. **Trotz des Dunkelseins** fühlte er sich sicher (LC).

26. **Trotz des Kaltbleibens des Wetters** blieben die Touristen (LC).

В высказываниях с темпоральными предлогами *vor*, *bis zu*, *nach*, *mit*, *bei* сложные девербативы *das Dunkelwerden*, *das Hellwerden*, *das Schwangerwerden*, *das Kaltwerden*, *das Kaltbleiben* участвуют в реализации таксисных значений, предшествования, следования и одновременности (см. примеры 16–24). В примерах (25–26) сложные девербативы *das Dunkelsein* и *das Kaltbleiben* с concessивным предлогом *trotz* являются соактуализаторами concessивно-таксисных значений одновременности.

К сложным девербативам третьего типа относятся акциональные композиты, детерминативным компонентом которых является наречие (*Linksabbiegen*, *Rechtsabbiegen*, *Seitwärtsgehen*, *Vorwärtslaufen*, *Vorwärtsfahren*, *Vorwärtsreiten*, *Vorwärtsgehen*, *Rückwärtslaufen*, *Rückwärtsgehen* и др.). Например:

27. Nach ersten Erkenntnissen der Polizei brach **beim Linksabbiegen** das Heck des Fahrzeuges aus (LC).

28. **Beim Linksabbiegen** kollidierte er mit einem anderen Velofahrer, der in Richtung Thun fuhr (LC).

29. **Beim Rückwärtsfahren** erfasste er die Fußgängerin und fuhr dann einfach weiter (LC).

30. **Beim Rückwärtsgehen** werden andere Muskeln beansprucht als beim Vorwärtsgehen (LC).

31. Eine Autofahrerin hatte die 24-Jährige **beim Rechtsabbiegen** offenbar übersehen (LC).

32. Mittlerweile finden sich solche Grünpfeile **zum Rechtsabbiegen** bei Rot für Radfahrer in zahlreichen Städten in Österreich (LC).

В приведенных примерах (27–31) сложные девербативы *das Linksabbiegen*, *das Rückwärtsfahren*, *das Rückwärtsgehen*, *das Rechtsabbiegen* с темпоральным предлогом *bei* выступают в роли актуализаторов таксисных значений одновременности. В высказывании (32) с финальным предлогом *zu* девербатив *das Rechtsabbiegen* участвует в реализации финально-таксисных значений одновременности.

К сложным девербативам четвертого типа относятся процессуальные и статальные детерминативные композиты, определительным компонентом которых причастие (*das Festgenommensein, das Verlorengehen, das Vergessensein, das Gehasstwerden, das Getrenntwerden, das Gefangenbleiben, das Verrücktwerden* и др.). Например:

33. *Rod Roddenberry war beim Verlorengehen des Modells noch ein kleiner Junge, er hat nach eigenen Angaben nur sporadische Erinnerungen an die Miniatur (LC).*

В высказывании (33) сложный девербатив *das Verlorengehen* с предлогом *bei* в темпоральном значении участвует в актуализации таксисных значений одновременности.

К сложным девербативам пятого типа относятся процессуальные и статальные детерминативные композиты, определительным компонентом которых является имя существительное с предлогом (*das Nachhausegehen, das Nachhausefahren, das Zu-Bett-gehen, das Zuhausebleiben, das In-den-Urlaub-Fahren, das Aus-dem-Haus-Gehen, das Auf-die-Bäume-Klettern, das Über-die-Straße-Gehen, das Durch-den-Wald-Spazieren* и др.). Например:

34. *Trainer Tschik Cajkovski hatte die Mannschaft vor dem Zu-Bett-gehen noch einmal richtig heiß gemacht (LC).*

35. *Der Supermarkt hatte zu diesem Zeitpunkt jedoch schon geschlossen, beim Nachhausefahren hielt ihn eine Polizeistreife auf (LC).*

В высказываниях (34–35) сложные девербативы *das Zu-Bett-gehen* и *das Nachhausefahren* с темпоральными предлогами *vor* и *bei* принимают участие в реализации таксисных значений предшествования и одновременности.

К сложным девербативам пятого типа относятся процессуальные и статальные детерминативные композиты, определительным компонентом которых является имя существительное с частицей *nicht*. Ср.:

36. *Geldstrafen gibt es nur bei Nichtbeachten des Rotlichts (LC).*

В высказывании (36) посредством сложного девербатива *das Nichtbeachten* в сочетании с предлогом *bei* в кондициональном значении и кондициональным актуализатором *nur* реализовано кондиционально-таксисное значение одновременности.

Заключение

Немецкие сложные девербативы, входящие в состав предложно-именных структур, играют важную роль в выражении таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. Эти композиты, образованные по различным структурным моделям, обладают свойствами как лексических, так и синтаксических единиц. Анализ различных типов сложных девербативов показывает их функциональную значимость в актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности.

Сложные девербативы первого типа, включающие сочетания существительных и девербативов на *-en*, широко используются в контекстах с темпоральными и нетемпоральными предлогами. Примеры, такие как *das Mutterwerden, das Feuermachen, das Zeitunglesen*, демонстрируют их способность актуализировать значения одновременности при употреблении с предлогами *mit* и *bei*. Кроме того, они могут выражать финально-таксисные значения одновременности с предлогом *zu*, а также участвовать в актуализации значений образа действия с предлогом *durch*. Второй тип сложных девербативов, состоящий из прилагательных и девербативов на *-en* (*das Dunkelwerden, das Hellwerden, das Kaltwerden*), активно используется для выражения таксисных значений предшествования, следования и одновременности при сочетании с темпоральными предлогами *vor, bis zu, nach, mit, bei*. В контекстах с concessивным предлогом *trotz* они выступают соактуализаторами concessивно-таксисных значений одновременности, что подчеркивает их способность передавать сложные семантические отношения. Сложные девербативы третьего типа, в которых детерминативным компонентом является наречие (*Linksabbiegen, Rechtsabbiegen, Rückwärtsgehen*), чаще всего актуализируют таксисные значения одновременности при употреблении с темпоральным предлогом *bei*. Также они могут участвовать в реализации

финально-таксисных значений одновременности с финальным предлогом zu. Четвертый тип, с определительным компонентом в виде причастия (das Verlorengehen), также демонстрирует способность к актуализации таксисных значений одновременности с предлогом bei. Сложные девербативы пятого типа, включающие существительные с предлогом или частицу nicht (das Zu-Bett-gehen, das Nachhausefahren, das Nichtbeachten), также активно используются для выражения различных таксисных значений. Они могут участвовать в реализации значений предшествования и одновременности с темпоральными предлогами, а также кондиционально-таксисных значений одновременности при сочетании с предлогом bei в кондициональном значении. И наконец, композиты, определительным компонентом которых является имя существительное с частицей nicht, также участвуют в реализации кондиционально-таксисных значений. Все приведенные в работе примеры свидетельствуют о значимости немецких сложных девербативов в актуализации различных таксисных значений в высказываниях с предложно-именными структурами.

Список литературы

1. Аликаева Л. С., Ткаченко С. А. Словосложение в немецком языке: понятие, основные формы и принципы образования сложных слов // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 1. С. 84–89.
2. Архипова И. В. Трансформационный потенциал таксисных девербативов (на материале немецких высказываний с предложными конструкциями) // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 48–54.
3. Вашунин В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. М. : Высшая школа, 1990. 158 с.
4. Залова И. М., Залевская Т. Е. Особенности образования и функционирования сложных слов немецкого языка // Современный ученый. 2025. № 4. С. 136–140.
5. Колпакова Г. В. Типы семантических структур немецких композитов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-2 (35). С. 110–113.
6. Крупнова Н. А. Композиты немецкого языка: общая характеристика // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11-2. С. 54–57.
7. Кукушкина Е. А., Самосудова Л. В., Вечканова М. И. Экономические номинативные композиты в английском и немецком языках // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 4 (32). С. 143–148.
8. Павлов В. М. Понятие словообразовательной структуры слова и его место в системе морфологического анализа // Морфологическая структура слова. М. : Наука, 1970. С. 47–78.
9. Левковская К. Н. Теория слова. Принципы ее построения и общие вопросы методики исследования. М. : Высшая школа, 1962. 296 с.
10. Макарова Е. А., Сальникова А. М. Сложные существительные в немецком языке: лингвистический и методический аспект // Учёные записки Щадринского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (2). С. 225–232.
11. Маслова Н. А. Процессуальные композиты-номинализации немецкого языка в сопоставительном аспекте // Иностранные языки в современном мире: состояние и тенденции развития системы оценивания в образовании : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2015. С. 66–73.
12. Муратова С. В. Композиты с реляционной семантикой в современном немецком языке // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. № 12. С. 78–85.
13. Мурясов Р. З., Искандарова Г. Р. Исследование именных композитов в текстах новостных рассылок // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 3. С. 308–312.
14. Носачева М. И. Изучение композитарного словообразования в русском и немецком словообразовании // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 1. С. 26–29.
15. Рябченко Н. В. Композиты с дефисом как способ оформления немецкой субстантивной группы // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3 (28). С. 357–359.
16. Садыкова А. Г. Система субстантивного словосложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте : дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2002. 492 с.

17. Садыкова А. Г. Теоретические системы словосложения в тюркских и германских языках // Филология и культура. 2010. № 2 (20). С. 104–107.
18. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1962. 376 с.
19. Чучва Л. М. Характеристика субстантивных композитов в немецком языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 3(41). С. 69–76.
20. Яковлюк А. Н. Анализ отечественных и зарубежных лингвистических исследований функций субстантивных сложных слов в современном немецком языке // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015. XVII Всероссийская научная конференция: сборник научных трудов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; Высшая школа печати и медиатехнологий. 2016. С. 182–186.
21. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / Wolfgang Fleischer/ Irmhild Barz; unter Mitarbeit von Marianne Schröder. 3., unveränd. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2007. 382 s.
22. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 20.07.2025).
23. DWDS – Электронный словарь немецкого языка. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 21.06.2025).

References

1. Alikaeva L. S., Tkachenko S. A. Slovoslozhenie v nemetskom yazyke: ponyatie, osnovnye formy i printsipy obrazovaniya slozhnykh slov [Word composition in German: concept, basic forms and principles of compound word formation]. *Vestnik filologicheskikh nauk*. 2024, vol. 4, no. 1, pp. 84-89. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Transformatsionnyy potentsial taksisnykh deverbativov (na materiale nemetskikh vyskazyvaniy s predlozhnyimi konstruktsiyami) [The transformational potential of taxis deverbatives (based on German utterances with prepositional constructions)]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2023, no. 2, pp. 48-54. (In Russ.).
3. Vashunin V. S. Substantivnye slozhnye slova v nemetskom yazyke [Substantive compounds in German]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 158 p. (In Russ.).
4. Zalova I. Moscow, Zalevskaya T. E. Osobennosti obrazovaniya i funktsionirovaniya slozhnykh slov nemetskogo yazyka [Peculiarities of the formation and functioning of compound words in the German language]. *Sovremennyy uchenyy*. 2025, no. 4, pp. 136-140. (In Russ.).
5. Kolpakova G. V. Tipy semanticheskikh struktur nemetskikh kompozitov [Types of semantic structures of German composites]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014, no. 5-2 (35), pp. 110-113. (In Russ.).
6. Krupnova N. A. Kompozity nemetskogo yazyka: obshchaya kharakteristika [Composites of the German language: general characteristics]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2013, no. 11-2, pp. 54-57. (In Russ.).
7. Kukushkina E. A., Samosudova L. V., Vechkanova M. I. Ekonomicheskie nominativnye kompozity v angliyskom i nemetskom yazykakh [Economic nominative compounds in English and German]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2017, no. 4 (32), pp. 143-148. (In Russ.).
8. Pavlov V. M. Ponyatie slovoobrazovatel'noy struktury slova i ego mesto v sisteme morfologicheskogo analiza [The concept of the word-formation structure of a word and its place in the system of morphological analysis]. *Morfologicheskaya struktura slova*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 47-78. (In Russ.).
9. Levkovskaya K. N. Teoriya slova. Printsipy ee postroeniya i obshchie voprosy metodiki issledovaniya [Principles of its construction and general issues of research methodology]. Moscow, Vysshaya shkola, 1962, 296 p. (In Russ.).
10. Makarova E. A., Sal'nikova A. M. Slozhnye sushchestvitel'nye v nemetskom yazyke: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekt [Compound nouns in German: linguistic and methodological aspects]. *Uchenye zapiski Shchadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023, no. 2 (2), pp. 225-232. (In Russ.).
11. Maslova N. A. Protsessual'nye kompozity-nominalizatsii nemetskogo yazyka v sopostavitel'nom aspekte [Procedural composites-nominalizations of the German language in a comparative aspect]. *Inostrannyye yazyki v sovremennom mire: sostoyanie i tendentsii razvitiya sistemy otsenivaniya v obrazovanii*. Kazan, Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 2015, pp. 66-73. (In Russ.).

12. Muratova S. V. Kompozity s relyatsionnoy semantikoy v sovremennom nemetskom yazyke [Composites with relational semantics in modern German]. *Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova*. 2010, no. 12, pp. 78-85. (In Russ.).
13. Muryasov R. Z., Iskandarova G. R. Issledovanie imennykh kompozitov v tekstakh novostnykh rassylok [A study of nominal compounds in newsletter texts]. *Doklady Bashkirskogo universiteta*. 2019, vol. 4, no. 3, pp. 308-312. (In Russ.).
14. Nosacheva M. I. Izuchenie kompozitarnogo slovoobrazovaniya v russkom i nemetskom slovoobrazovanii [Study of composite word formation in Russian and German word formation]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy*. 2015, vol. 5, no. 1, pp. 26-29. (In Russ.).
15. Ryabchenko N. V. Kompozity s defisom kak sposob oformleniya nemetskoy substantivnoy gruppy [Hyphenated compounds as a way of forming the German noun phrase]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2019, no. 3 (28), pp. 357-359. (In Russ.).
16. Sadykova A. G. Sistema substantivnogo slovoslozheniya v tyurkskikh i germanskikh yazykakh v sravnitel'no-tipologicheskom aspekte [The system of substantive word composition in the Turkic and Germanic languages in a comparative typological aspect]. Doctoral dissertation. Kazan, 2002, 492 p. (In Russ.).
17. Cadykova A. G. Teoreticheskie sistemy slovoslozheniya v tyurkskikh i germanskikh yazykakh [Theoretical systems of word composition in Turkic and Germanic languages]. *Filologiya i kul'tura*. 2010, no. 2 (20), pp. 104-107. (In Russ.).
18. Stepanova M. D., Chernysheva I. I. Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka [Lexicology of the modern German language]. Moscow, Vysshaya shkola, 1962, 376 p. (In Russ.).
19. Chuchva L. M. Kharakteristika substantivnykh kompozitov v nemetskom yazyke [Characteristics of substantive compounds in the German language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2022, no. 3(41), pp. 69-76. (In Russ.).
20. Yakovlyuk A. N. Analiz otechestvennykh i zarubezhnykh lingvisticheskikh issledovaniy funktsiy substantivnykh slozhnykh slov v sovremennom nemetskom yazyke [Analysis of domestic and foreign linguistic studies of the functions of substantive compound words in the modern German language]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya - 2015. XVII Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, Vysshaya shkola pechati i mediatekhnologiy, 2016, pp. 182-186. (In Russ.).
21. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / Wolfgang Fleischer/ Irmhild Barz ; unter Mitarbeit von Marianne Schröder. 3., unveränd. Aufl. Tübingen : Niemeyer, 2007. 382 p.
22. LC – Laboratorija korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 20.07.2025).
23. DWDS – Jelektronnyj slovar' nemeckogo jazyka [DWDS – Electronic Dictionary of the German Language]. (In Russ.). Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 21.06. 2025).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 66–70.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 66-70.

Научная статья

УДК 811.162.1'42

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-66-70

ПРИНЦИПЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «САГИ О ВЕДЬМАКЕ» АНДЖЕЯ САПКОВСКОГО)

Ирина Александровна Подавылова¹, Владимир Леонидович Попов²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
zhurnalpspu@mail.ru

Аннотация. Цель настоящей работы – проанализировать способы восприятия кинематографом литературного текста и трансформации смысла, появляющиеся в результате данного процесса. Материал исследования составляет «Сага о Ведьмаке» польского автора Анджея Сапковского, отличительная особенность которого – авантурный тип сюжета и фэнтезийный хронотоп. Кинематографическая версия Геральта из Ривии вполне соответствует авантурной сюжетной схеме: экранизация, в целом, передает приключенческую динамику книги, а герой всякий раз остается тождественным самому себе. Также важно, что фантастически мир фэнтези легко воспроизводится средствами кино, чему способствуют современные визуальные технологии. «Сага о Ведьмаке» Анджея Сапковского стала настолько продуктивной, что на ее основе появились видеоигры. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа соотносятся два типа текстов: словесный и визуальный, обладающих каждый своей системой конструирования художественного образа.

Ключевые слова: художественный образ, фэнтези, авантюра, визуализация, средства кино.

Для цитирования: Подавылова И. А., Попов В. Л. Принципы визуализации художественного текста (на материале «Саги о ведьмаке» Анджея Сапковского) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 66–70. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-66-70>

Original article

PRINCIPLES OF VISUALIZATION OF LITERARY TEXT (BASED ON ANDRZEJ SAPKOWSKI'S "THE WITCHER SAGA")

Irina A. Podavylova¹, Vladimir L. Popov²

^{1,2} Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia

Abstract. The purpose of this work is to analyze the ways cinema perceives literary texts and the transformations of meaning that appear as a result of this process. The research material consists of The Witcher Saga by Polish author Andrzej Sapkowski, whose distinctive feature is an adventurous type of plot and a fantasy chronotope. The cinematic version of Geralt of Rivia fully corresponds to the adventurous plot scheme: the film adaptation, in general, conveys the adventure dynamics of the book, and the hero remains identical to himself every time. It is also important that the fantastic fantasy world is easily reproduced by means of cinema, which is facilitated by modern visual technologies. Andrzej Sapkowski's "The Witcher Saga" has become so productive that video games have appeared based on it. With the help of comparative analysis, two types of texts are correlated: verbal and visual, each with its own system of constructing an artistic image.

Keywords: artistic image, fantasy, adventure, visualization, cinema tools.

For citation: Podavylova I. A., Popov V. L. Principles of visualization of literary text (based on andrzej sapkowski's "The Witcher Saga"). Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:66-70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-66-70>

Введение

«Сага о Ведьмаке» польского автора Анджея Сапковского с момента опубликования первой книги в 1986 г. стала прецедентным текстом. В нем, прежде всего, привлекают тщательная проработка персонажей, архетипы героя и колдуньи, приключенческий сюжет, дидактическое начало. Последнее сближает «Ведьмака» с мифами о культурных героях, а также с фольклорными жанрами сказки и притчи. Примечательно, что Анджей Сапковский является автором не только цикла книг о ведающем существе (не человеке и не монстре), но именно это произведение стало одним из самых популярных. Доказательством тому служит обращение к нему кинематографистов и создателей видеоигр.

Основная часть

Возникает вопрос, почему именно эти романы оказались столь востребованными другими произведениями искусства. Жанровую специфику саги определяет авантюрная сюжетная организация: «Отсутствие дистанции и зона контакта используются здесь по-иному: вместо нашей скучной жизни нам предлагают, правда, суррогат, но зато интересной и блестящей жизни. Эти авантюры можно сопереживать, с этими героями можно самоотжествляться; такие романы почти могут стать заменой собственной жизни. Настоящее в его незавершенности, как исходный пункт и центр художественно-идеологической ориентации, грандиозный переворот в творческом сознании человека» [Бахтин 1979: 418-419]. Подобная структура напоминает телесериал, в котором есть условные начало и конец, а приключения героя могут продолжаться сколько угодно долго. Притом, все события центрированы образом героя, обладающего сверхспособностями: колдовством, нечеловеческими физической силой и чутьем. Сам герой никогда не меняется под влиянием внешних условий.

Читатель может наблюдать за приключениями любимых персонажей, происходящих на фоне масштабных эпических событий, но эпическая – всеобщая – канва оказывается фоном для коллизий личного плана. Именно поэтому в центре настоящего исследования оказывается образная организация произведения.

Центральным персонажем саги Сапковского является Геральт из Ривии – ведьмак. Факты его биографии скрыты, что соответствует авантюрной структуре. Профессия – ведьмак – аналог женского ведовства и колдовства, на что указывает этимология слова. Он «ведает», то есть обладает тайным знанием. Обязанности Геральта – охранять людей от нечисти. За определенную плату он уничтожает таких монстров, как утопек, леший, кикимора, водяная баба и прочих. В действиях он руководствуется собственным кодексом чести и, парадоксально, является более нравственным, чем многие другие действующие лица. Заказчики услуг ведьмака его шельмуют, зовут монстром, люди чаще оказываются более жестокими, грубыми, безнравственными, чем черти, василиски и прочие монстры, которых истребляет ведьмак. Тем самым, границы авантюры расширяются до масштабов философской проблематики о природе инаковости.

Монструозным оказывается портрет Геральда, если понимать монструозность как непохожесть на других. Сапковский так описывает ведьмака: «Не был стар, но волосы у него были почти совершенно белыми. Под плащом он носил потёртую кожаную куртку, со шнуровкой у горла и на рукавах. Когда сбросил плащ, стало видно, что на ремне за спиной у него висит меч. Ничего странного в этом не было, в Выземе почти все ходили с оружием, правда, никто не носил меч на спине, словно лук или колчан» [Сапковский 2014: 10].

Приключения ведьмака происходят в фэнтезийном мире. «Фэнтези (англ. *fantasy*) – вид фантастической литературы (или литературы о необычайном), основанной на сюжетном допущении иррационального характера. Это допущение не имеет «логической» мотивации в тексте, предполагая существование фактов и явлений, не поддающихся, в отличие от научной фантастики, рациональному объяснению. Если в научной фантастике мы имеем дело с единой (центральной) научно обоснованной посылкой, то в фэнтези фантастических

допущений может быть сколько угодно: в этом особом мире все возможно – боги, демоны, добрые и злые волшебники, говорящие животные и предметы, мифологические и легендарные существа, таинственные двойники, привидения, вампиры, встреча человека с дьяволом» [Литературная энциклопедия 2003: 1162]. Очевидно, что такой мир оказывается продуктивным с точки зрения его репрезентации другими видами искусства, в частности, кинематографом.

По мысли Ю. М. Лотмана, отличительной особенностью искусства как моделирующей реальность системы, является его отграниченность от обычного, практического: «Оно дает прохождение непройденных дорог, то есть того, что не случилось.... А история неслучившегося – это великая и очень важная история. И искусство – всегда возможность пережить непережитое, вернуться назад, переиграть и переделать заново. Оно есть опыт того, что не случилось. Или того, что может случиться. Искусство стремится быть похожим на жизнь, но оно не есть жизнь. И мы никогда не путаем их» [Лотман 2000: 349].

Эта мера условности задает изначально присущую жанру фэнтези визуальность.

В отличие от словесного текста, где читателю необходимо воображать события либо персонажей, кинотекст предлагает зрителю готовые формы, которые уже обладают заранее заданным значением. Тем не менее, их семантика может удваиваться. Безусловно, искусство кино воспроизводит артефакты реальности, и между объектами, предметами и явлениями, демонстрируемыми на экране, устанавливаются значимые отношения в смысловом, сущностном плане. Но в кино также семантически насыщенными оказываются крупный и общий планы, свет, монтаж, скорость, ракурс. Все это в совокупности задает кинематографическим образом символическую, метафорическую, аллегорическую глубину. «В киноязыке присутствуют две тенденции. Одна, основываясь на повторяемости элементов, бытовом или художественном опыте зрителей, задает некоторую систему ожиданий; другая, нарушая в определенных пунктах (но не разрушая!) эту систему ожиданий, выделяет в тексте семантические узлы» [Лотман 1973: 26]. Следовательно, механизмами визуализации пользуются и литература, и кино. Но кино, основанное на словесном первоисточнике, добавляет свои, свойственные только этому виду искусства элементы.

Обратимся за примерами к самой популярной экранизации «Саги о Ведьмаке» (2019–2023). В ней, казалось бы, последовательно воспроизводится фабула книги (история о том, как ведьмак становится отцом для девочки, ставшей сиротой и помогает ей стать сильной и независимой личностью, попутно расправляясь с врагами), детали вещного мира (монстры, ведьмачество, колдуньи, политические интриги, жизнь обычных и слабых людей в жестоком мире, полном насилия), портреты персонажей. Однако образ центрального персонажа – Геральта из Ривии, все же немного отличается от оригинального источника.

Прежде всего, Геральт обращает на себя внимание своим уникальным внешним обликом. Он высок, строен, беловолос, его желтые глаза светятся в темноте. Такой причудливый облик – результат управляемой мутации, которую необходимо пережить каждому ребенку, становящемуся ведьмаком. Геральт носит изношенную одежду, а на спине у него висит серебристый меч, способный одержать победу над монстрами. Этот облик символизирует его непоколебимость и неуклонное стремление к защите мира от зла.

Но в фильме портрет ведьмака отличается «голливудским» лоском. Так, к примеру, после чудовищных увечий Геральт выглядит здоровым, сохраняя свою физическую привлекательность. Его костюм, хоть и создан по книжному образу, не имеет следов износа и не отражает последствий разъездной жизни. То есть сериальная версия саги снимает противоречие между внешним могуществом ведьмака и его внутренней опустошенностью, – того, на котором Сапковский постоянно делает акцент в словесном тексте. Как в книге, так и в сериале из-за цвета волос его называют «белым волком». Данное прозвище характеризует его не только внешне, Геральт – чужак, не монстр и не человек. Его не принимают люди, из-за того, что он не такой, как они. Ими движет природный страх. Ведьмак, способный одолеть любое чудовище, без труда может лишить жизни и обычного крестьянина, стоит ему только

захотеть. А вот эта мысль о природе зла заложенная Сапковским в книгу, убедительно визуализирована в фильме: в мире очень сильно развита предвзятость. Сущность, отличающаяся, не подлежащая подчинению, обречена на незамедлительное порицание, даже если она служит во благо: «Убирайся, выродок! Ведьмаков здесь никогда не обслуживали и не будут, здесь пьют только люди!» [1 сезон, 1 серия].

В книгах поношенная одежда и стройный, даже худощавый вид говорят о том, что ведьмачество – профессия недоходная. Хотя в тексте и говорится о том, что порой приходится всем поселением собирать плату для ведьмака – никогда не узнаешь, где тебя наймут и сколько придется сидеть без работы, разъезжая по большакам в поисках заказа. Могут так же попытаться обмануть, и не заплатить, из-за чего приходится брать деньги вперед.

В сериале от Netflix (2019–2023) Геральт (в исполнении Генри Кавела) предстает в дорогих на вид, сияющих доспехах, с медальоном школы волка и острым мечом, канонизируя книжный облик ведьмака. Геральт почти всегда идеально выбрит и чист. Единственное, что его выделяет, так это смердящий запах, на который указывают окружающие, – именно то, что невозможно передать средствами кино. Все это наводит на мысль: для создателей киноэпопеи большее значение имело показать героический образ борца со злом, как например, в рыцарских романах, нежели чужака, сражающегося за свое место под солнцем. Примечательно, что Генри Кавел упоминал, что специально набрал физическую массу для роли, его персонаж получился более крупным, нежели чем в книге. И это также не позволяет зрителю прочувствовать бедность, в которой существует главный герой.

Тем не менее, характер Геральта сохраняется. Он остер на язык, мрачен и прямолинеен. При этом мудр, достаточно сдержан и знает, когда надо промолчать, чтобы не попасть в неприятности, как например это часто происходит, когда он встречается с солдатами, которые не скрывают своего презрительного отношения к ведьмакам, и выслушивает оскорбления, чтобы не стать преступником.

Впрочем, иногда Геральт всё же совершает необдуманные и импульсивные поступки, впадает в гнев и поступает, как велит совесть, а не логика (как происходит в 3 серии 1 сезона, когда ведьмак встал на защиту драконов, расправившись с охотниками за сокровищами), что позволяет читателю чувствовать с ним связь, ставить себя на его место, радоваться его саркастичным, порой неуместным, шуткам и вместе с ним рассуждать о природе вещей: «Зло – это зло, меньшее, большее, среднее – все едино, пропорции условны, а границы размыты» [Сапковский 2014: 225].

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Экранизация определяет и трансформирует восприятие центрального персонажа «Саги о Ведьмаке». Создатели, в погоне за визуально эффектными кадрами, похоже, не задавались целью передать повседневный образ ведьмаческой жизни, изобразив больше идейную составляющую персонажа. Выгодные ракурсы, чередование крупных и общих планов, чистые и красивые наряды, опрятный внешний вид героя демонстрируют зрителю в большей степени странствующего рыцаря, нежели чем презираемого всеми чистильщика.

Вместе с тем, кинематографическая версия Геральта из Ривии вполне соответствует авантурной сюжетной схеме: экранизация, в целом, передает приключенческую динамику книги, а герой всякий раз остается тождественным самому себе. Также важно, что фантастически мир фэнтези легко воспроизводится средствами кино, чему способствуют современные визуальные технологии. «Сага о Ведьмаке» Анджея Сапковского стала настолько продуктивной, что на ее основе появились видеоигры. Далее предполагается перспективными исследовать то, как и по каким причинам образ центрального персонажа книги польского автора интегрируется в виртуальный мир.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
2. Залевская А. А. Психолингвистические проблемы семиозиса // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 93–102.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2003. 1600 с.
4. Лотман Ю. М. О природе искусства. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 345–356.
5. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. М. : Искусство, 1973. 68 с.
6. Сапковский А. Сага о Ведьмаке. М. : АСТ, 2014. 864 с.

References

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, 423 p. (In Russ.).
2. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskie problemy semiozisa [Psycholinguistic problems of semiosis]. *Voprosy psikholingvistiki*. 2016, no. 3 (29), pp. 93-102. (In Russ.).
3. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvak, 2003, 1600 p. (In Russ.).
4. Lotman Yu. M. O prirode iskusstva. Semiosfera [On the Nature of Art. Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2000, pp. 345-356. (In Russ.).
5. Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Moscow, Iskusstvo, 1973, 68 p. (In Russ.).
6. Sapkovskiy A. Saga o Ved'make [The Witcher Saga]. Moscow, AST, 2014, 864 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Подавылова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
В. Л. Попов – студент, филологический факультет,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

I. A. Podavylova – Ph. D. (Philology), Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature, Perm State Humanitarian and Pedagogical University;
V. L. Popov – Student, Perm State Humanitarian and Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 71–85.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 71-85.

Научная статья

УДК 81:1

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-71-85

ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ЛИНГВИСТИКИ

Артём Михайлович Воловей

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
artyom.volovey@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние интернет-коммуникации на общество через призму лингвистики и социальной философии. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, трансформирующих языковые нормы, формы общения и социальные взаимодействия. Интернет-лингвистика как новое научное направление изучает эволюцию языка в цифровой среде, включая такие явления, как анонимность, новые жанры коммуникации и их роль в формировании социальной реальности. Цель работы – проанализировать лингвистические особенности интернет-коммуникации и их влияние на общественные процессы. В исследовании ставятся такие задачи как: выявление ключевых характеристик интернет-дискурса, определение роли интернета в социальных трансформациях, а также анализ последствий цифровой коммуникации для личностной идентичности и общественных структур. Теоретической основой исследования выступают концепции социальной философии, изучающей общество как систему в условиях цифровизации. Методологический подход включает лингвистический и социальный анализ, позволяющий оценить, как интернет коммуникация становится инструментом социального влияния. Результаты исследования демонстрируют, что интернет не только меняет языковые практики, но и активно воздействует на культурные нормы, общественные отношения и процессы самоидентификации. Подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода к изучению интернет коммуникации.

Ключевые слова: интернет коммуникация, социальная философия, интернет-лингвистика, интернет-дискурс, цифровая среда, социальное влияние.

Для цитирования: Воловей А. М. Интернет коммуникация как инструмент социального влияния в контексте философии лингвистики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 71–85. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-71-85>

Original article

INTERNET COMMUNICATION AS A TOOL OF SOCIAL INFLUENCE IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC PHILOSOPHY

Artyom M. Volovey

Perm State University, Perm, Russia, artyom.volovey@mail.ru

Abstract. The article examines the impact of internet communication on society through the lenses of linguistics and social philosophy. The relevance of the study is determined by the rapid development of digital technologies, which are transforming linguistic norms, communication forms, and social interactions. Internet linguistics, as a new scientific field, investigates the evolution of language in the digital environment, including phenomena such as anonymity, new communication genres, and their role in shaping social reality. The aim of the paper is to analyze the linguistic features of internet communication and their influence on

social processes. The study addresses tasks such as identifying key characteristics of internet discourse, determining the role of the internet in social transformations, and analyzing the consequences of digital communication for personal identity and social structures. The theoretical framework of the research is based on the concepts of social philosophy, which studies society as a system in the context of digitalization. The methodological approach includes both linguistic and social analysis, allowing for an assessment of how internet communication becomes a tool of social influence. The results of the study demonstrate that the internet not only changes language practices but also actively affects cultural norms, social relations, and processes of self-identification. The necessity of an interdisciplinary approach to studying internet communication is emphasized.

Keywords: internet communication, social philosophy, internet linguistics, internet discourse, digital environment, social influence

For citation: Volovey A. M. Internet communication as a tool of social influence in the context of linguistic philosophy. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;19:71-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-71-85>

Введение

С развитием информационных технологий интернет-коммуникация значительно изменяет ландшафт человеческого общения, становясь не только источником информации, но и новым пространством для формирования культуры и социальной реальности. Это обуславливает возникновение интернет-лингвистики как самостоятельного научного направления, изучающего изменения языковых норм в цифровой среде и их влияние на общественные процессы. Интернет-коммуникация, тесно связанная с социальной философией, оказывает воздействие на общественные структуры, нормы общения и личную идентичность. Для глубокого анализа этих изменений необходимо учитывать влияние цифровых технологий на эволюцию общества и взаимодействие его элементов.

Целью исследования является анализ лингвистических особенностей интернет-коммуникации и выявление ключевых характеристик ее влияния на общество. Задачи работы включают изучение способов воздействия интернет-коммуникации на общественные процессы и анализ ее лингвистических аспектов. Методологический подход включает лингвистический и социальный анализ, направленный на понимание влияния интернет-коммуникации на социальные трансформации и личность.

Основная часть

Этапы формирования социальной философии

В данном разделе мы рассмотрим этапы формирования, через которые прошла социальная философия вплоть до современности. Но перед анализом этапов необходимо, сначала необходимо определить, что именно мы понимаем под социальной философией. Так, российский и советский философ В. В. Миронов писал: «социальная философия – дисциплина, связанная с выяснением вопросов о том, что такое общество, что можно отнести к общественным явлениям, как реализуют себя в общем бытии социальные закономерности» [Миронов 2005: 20]. Также В. В. Миронов упоминает, что философия истории является одним из разделов социальной философии, роль которой заключается в исследовании сущности и хода истории общества и человека. В качестве примера такой философии автор приводит философию Маркса, которая, как пишет В. В. Миронов, ориентирована на «освобождение человека» и рассматривает его как практически действующее существо [Миронов 2005: 172].

Советский философ В. П. Андрущенко выделял отдельно социальную философию в широком и узком смысле, так в первом случае автор описывает её как: «отрасль знаний философии, включающая рассмотрение качественного своеобразия общества, его целей, происхождения и развития социальной истории, судеб и перспектив», а во втором случае как о разделе «общей социологии, содержащий исследование проблем развития общества с помощью категорий теоретической социологии и смежных с ней отраслей знаний –

политической экономии, антропологии, психологии, культурологии и т. д.» [Андрущенко 2002: 5]. В. П. Андрущенко также отмечает, что социальная философия появилась и эволюционировала одновременно с философией. Автор отмечает основную особенность социальной философии в её подходе к изучению общества как целостной развивающейся системы [Андрущенко 2002: 10]. Советский и российский философ-марксист В. В. Орлов и советский философ Т. С. Васильева, описывая социальную философию, писали: «Социальная философия – это наиболее общая философская наука об обществе, «социальной материи». В отличие от общей философии она имеет дело не со всеобщим, а с особенным в его наиболее сложной форме – человеком, человеческим обществом, или организованным коллективом индивидов» [Васильева, Орлов 2007: 4]. Авторы также отмечали, что социальная философия, как и общая, направлена на решение вопросов человеческого познания. Неомарксисты Т. Адорно и М. Хоркхаймер дали социальной философии такое определение, что она «понимается как отражение общественной теории собственной социальной обусловленности, что и делает теорию истинно критической» [Андрущенко 2002: 6]. Социальная философия изучает общество как систему, его развитие, закономерности и роль человека в нём. Она исследует сущность общества, его историю и будущее, используя философские и междисциплинарные методы.

Далее перейдём непосредственно к этапам развития социальной философии, которые выделяют различные исследователи, так В. П. Андрущенко, рассуждая о становлении социальной философии, начинает с древних цивилизаций, таких как Китай, Индия, Египет, где первые философские школы изучали вопросы о мире, человеке, свободе и социальной организации. Эти учения, отходя от мифологии, стремились к реалистическому познанию общества. Античные мыслители (Платон, Аристотель), теологи Средневековья (Августин Блаженный, Фома Аквинский) и философы Нового времени (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Жан-Жак Руссо) заложили основы социально-философских теорий, исследующих природу общества, государства и человека. Их идеи, включая концепции естественного права и общественного договора, оказали значительное влияние на развитие общественной мысли [Андрущенко 2005: 14].

Т. С. Васильева и В. В. Орлов считали, что социальная философия отражает реальную жизнь людей, их способы производства и определяется общественно-экономическими формациями (рабовладельческой, феодальной, капиталистической, социалистической). Она развивается в классовом обществе, отражая борьбу классов, и тесно связана с материальной и духовной культурой. Важнейшей закономерностью её развития является движение от мифов и иллюзий к научному пониманию общества, достигнутому в XIX в. с появлением материалистического понимания истории [Васильева, Орлов 2007: 18]. В качестве первого этапа они выделяют социально-философскую мысль в античную эпоху. Т. С. Васильева и В. В. Орлов пишут, что основной этап развития социальной философии пришёлся на классический период Древней Греции, так Гераклит акцентировал роль разума и познания всеобщего логоса, утверждая, что свобода заключается в осознании необходимости. Демокрит связывал прогресс общества с естественными потребностями и опытом, подчёркивая, что развитие цивилизации – результат практического освоения мира [Васильева, Орлов 2007: 21].

Ещё одним важным деятелем социально-философской мысли в античности был Платон, который разработал два проекта идеального государства «положив в основу второго идеи коллективизма и потребительского равенства. В зависимости от величины имущества, полученного по жребию, все граждане делятся на четыре класса и обеспечиваются достаточным числом рабов, не являющихся гражданами полиса. Рабы занимаются земледелием, ремеслом, торговлей, а граждане – поддержанием и соблюдением норм государственного устройства. Однако распределение произведённого рабами продукта должно быть равным для всех жителей полиса как в количественном, так и в качественном отношении» [Васильева, Орлов 2007: 25], так как он считал, что в идеальном государстве должны сочетаться элементы монархии и демократии.

Ещё одним философом, который рассуждал на темы, связанные с социальной философией, был Аристотель, который рассматривал человека как социальное существо, обладающее душой, осознанной волей и склонностью к искусству. Он считал, что человек по своей природе стремится к жизни в обществе, и только в рамках полиса может реализовать свои потенциальные возможности и достичь счастья. Душа, по Аристотелю, является «энтелехией» тела, то есть его формой и сущностью, которая определяет его деятельность. В своём проекте «идеального полиса» Аристотель отдавал предпочтение правлению на основе закона и политики, где правит и преобладает «средний класс». Конечная цель у индивида и полиса, по его мнению, одна и та же – достичь прекрасной и счастливой жизни, заключающейся в том, насколько беспрепятственно индивиды могут реализовать свои возможности в той или иной деятельности [Васильева, Орлов 2007: 28]. Однако после Аристотеля социальная философия утратила творческий импульс, сосредоточившись на этике и комментировании старых текстов.

Далее идёт средневековая социальная философия, в которой доминировала теоцентрическая картина мира, где религия определяла понимание бытия, истории и человека. Схоластика систематизировала христианское вероучение, обосновывая догматы о существовании Бога, сотворении мира, бессмертии души и др. В отличие от античного оптимизма, утверждавшего гармонию мира и человека, средневековая мысль акцентировала греховность человеческой природы, призывая к аскетизму и отречению от земных благ ради загробного спасения [Васильева, Орлов 2007: 30].

Августин Блаженный, синтезировавший платонизм и христианство, рассматривал человека как соединение двух субстанций: телесной (низшей) и духовной (высшей). Душа, будучи нематериальной, управляет телом, но не смешивается с ним. Этот дуализм проецировался на общество, разделяя его на «град светский» (государство, основанное на грехе) и «град Божий» (церковь, стремящуюся к спасению) [Васильева, Орлов 2007: 31]. Августин утверждал, что человеческая воля свободна в выборе, но её решения предопределены Божьим промыслом. Грехопадение Адама сделало людей несвободными, а спасение возможно лишь через божественную благодать. Таким образом, свобода воли оказывалась иллюзорной, подчинённой высшей воле.

Ещё одним значимым деятелем философии Средних веков был Фома Аквинский, который рационализировал схоластику, интегрировав аристотелизм в христианство. Он рассматривал человека как единство души и тела, признавая разум инструментом веры. Общество, по его мнению, иерархично, а монархия – лучшая форма правления, отражающая божественный порядок [Васильева, Орлов 2007: 35]. Средневековая философия, несмотря на её теоцентризм, заложила основы для последующего развития мысли. Её ключевые противоречия – между свободой и предопределением, разумом и верой – были переосмыслены в эпохи Возрождения и Нового времени, что способствовало секуляризации мировоззрения. Философия Нового времени ознаменовала собой радикальный разрыв со средневековой схоластической традицией, провозгласив разум основным инструментом познания и преобразования мира. Этот интеллектуальный переворот нашел свое выражение в работах Френсиса Бэкона и Рене Декарта, которые разработали методологические основы научного познания. Бэкон в своей утопии «Новая Атлантида» представил науку как движущую силу социального прогресса, способную изменить материальные условия человеческого существования. Декарт же, акцентируя роль рационального мышления, заложил основы современного научного метода [Васильева, Орлов 2007: 38].

Французские материалисты XVIII в. – Гельвеций, Ламетри, Гольбах – предприняли попытку создать целостную концепцию человека и общества, основанную на принципах естествознания. Они рассматривали человека как продукт природы, подчиненный ее законам, при этом Гельвеций приблизился к пониманию роли труда в антропогенезе, связывая развитие человеческой руки с изготовлением орудий. Однако их подход страдал существенным ограничением – сведением социальной сущности человека к его

биологическим свойствам [Васильева, Орлов 2007: 40]. Философская мысль Нового времени, несмотря на свои достижения, имела существенные ограничения. Натуралистический подход приводил к сведению социальных закономерностей к природным, а акцент на роли разума в истории – к недооценке материальных факторов общественного развития. Эти методологические недостатки были преодолены лишь в XIX в. с возникновением диалектического материализма, который предложил принципиально новое понимание исторического процесса и места человека в нем.

Следующим этапом стала немецкая классическая философия, она стала вершиной развития буржуазной социальной философии, начатой Бэконом и Декартом. В отличие от английских и французских просветителей, которые шли от практических потребностей освобождения от феодальных пут, немецкие мыслители развивали идеи свободы в абстрактно-теоретической форме, что было обусловлено отсталостью социально-экономического развития Германии. Тем не менее их учения стали теоретическим осмыслением идей Великой французской революции. Кант, разрабатывая философию в предреволюционный период, обосновал идеи свободы, равенства и человеческого достоинства. Его учение о двойственной природе человека – как эмпирического существа, подчиненного необходимости, и разумного существа, следующего нравственному закону, – стало важным шагом в понимании активной роли человека в истории. Категорический императив Канта, требующий относиться к человечеству как к цели, а не как к средству, выражал гуманистический пафос эпохи [Васильева, Орлов 2007: 51]. Фихте развил кантовские идеи, создав учение, в центре которого стояла проблема свободы как самостоятельности человека. Он связал свободу с практической деятельностью по преобразованию природы и общества, выдвинув проект справедливого общественного устройства, основанного на праве каждого на труд и собственность. Однако его субъективный идеализм приводил к «растворению» действительности в деятельности субъекта [Васильева, Орлов 2007: 56].

Шеллинг, стремясь преодолеть субъективизм Фихте, разработал концепцию тождества природы и духа, рассматривая историю как постепенную реализацию правового закона. Он выдвинул важную идею о том, что свободные действия индивидов приводят к результатам, которые они не замыслили, подчиняясь некой высшей закономерности [Васильева, Орлов 2007: 58]. Гегель создал наиболее разработанную концепцию истории как процесса развития свободы. Его диалектический метод позволил представить историю как закономерный процесс, в котором «хитрость мирового разума» использует страсти и интересы людей для достижения всеобщих целей. Хотя Гегель мистифицировал историю, представив ее как самопознание абсолютного духа, он вплотную подошел к пониманию роли труда в развитии человека и общества [Васильева, Орлов 2007: 61]. Л. Фейербах предпринял попытку преодолеть идеализм своих предшественников, рассматривая человека как чувственное природное существо. Однако его антропологический подход не позволил понять историю как продукт практической деятельности людей. Тем не менее его критика религии и идея о том, что «человек человеку – бог», стали важным шагом к материалистическому пониманию общества [Васильева, Орлов 2007: 69]. Немецкая классическая философия, несмотря на свои идеалистические ограничения, разработала диалектический метод и поставила важнейшие проблемы свободы, деятельности и исторической закономерности, создав теоретическую основу для последующего развития социально-философской мысли.

В. П. Андрущенко отдельно выделяет социальную философию в XIX–XX вв. так как именно в это время социальная философия превратилась в самостоятельную отрасль знания, опирающуюся на теоретические достижения и реалии современного мира. Немецкий классицизм (И. Кант, Г. Гегель, Л. Фейербах) предложил новые идеи о государстве, обществе и человеке, подчёркивая закономерности истории и роль человеческой свободы. В это же время возникли позитивизм (Огюст Конт) и исторический материализм (К. Маркс, Ф. Энгельс), которые критиковали метафизические подходы и изучали общество через призму

законов развития и классовой борьбы. В XX в. социальная философия столкнулась с кризисом марксизма, развитием гуманистической антропологии и неомарксизма (Франкфуртская школа). Глобальные вызовы – мировые войны, экологический кризис, отчуждение личности – стали центральными темами. Современная философия исследует процессы глобализации, национализма, технологического прогресса и их влияние на человека и общество, стремясь осмыслить пути сохранения человеческой личности в условиях растущей сложности мира [Андрущенко 2005: 20].

Во второй половине XIX в. в западной философской мысли произошел значительный пересмотр классических подходов к пониманию общества и человека. Этот период характеризуется отходом от рационалистических схем Просвещения и гегельянства, обращением к иррациональным аспектам человеческого существования, а также попытками создания новых методологий социального познания.

Ключевой особенностью данного периода стало разделение философской мысли на несколько конкурирующих направлений. Иррационализм, представленный трудами Шопенгауэра, Ницше и Кьеркегора, поставил под сомнение способность разума адекватно объяснять социальные процессы. Эти мыслители акцентировали внимание на волевых и бессознательных факторах человеческого поведения, рассматривая историю как арену столкновения иррациональных сил. Ницше, в частности, развил концепцию «воли к власти» как движущей силы социальных изменений, а его идея «сверхчеловека» стала своеобразным ответом на кризис традиционных ценностей [Васильева, Орлов 2007: 98].

Параллельно с иррационалистическими течениями развивался позитивизм, стремившийся придать социальному знанию строго научный характер. Неопозитивисты XX века сосредоточились на анализе языка науки и разработке эмпирических методов исследования. Особое значение приобрели работы Т. Парсонса, создавшего системную теорию общества, в которой социальные институты рассматривались как элементы единого организма, выполняющие специфические функции. Однако этот подход критиковался за формализм и недооценку конфликтной природы социальных процессов [Васильева, Орлов 2007: 101]. Экзистенциализм стал наиболее ярким выражением кризиса традиционных представлений о человеке и обществе. Сартр, Хайдеггер, Камю и Ясперс сосредоточились на проблеме индивидуального существования в условиях «абсурдного» мира. Их работы раскрывали трагизм человеческой свободы, необходимость личного выбора и ответственности в ситуации утраты абсолютных ориентиров [Васильева, Орлов 2007: 111].

Развитие социальной философии в этот период отразило глубинные изменения в западном обществе – кризис традиционных ценностей, рост отчуждения, технологизацию жизни. Поиски новых оснований социального бытия привели к переосмыслению таких ключевых категорий, как свобода, ответственность, смысл истории. Несмотря на различия подходов, общим для многих направлений стало внимание к конкретному человеческому существованию, попытка преодолеть абстрактность классических социальных теорий.

Интернет коммуникация как инструмент социального влияния на общество

Конец XX в. ознаменовался глубокими трансформациями в технологической, экономической и социальной сферах. Информационная революция коренным образом изменила материальную основу общества, создав новую технологическую парадигму. Глобализация экономики привела к беспрецедентной взаимозависимости национальных хозяйств, формируя сложную систему транснациональных экономических связей. Эти процессы сопровождались кардинальными геополитическими изменениями – распадом СССР, завершением холодной войны и фундаментальной перестройкой капиталистической системы.

Капитализм подвергся глубокой реструктуризации, характеризующейся несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, произошёл переход к более гибким формам управления с акцентом на децентрализацию и сетевые структуры. Во-вторых, значительно усилились позиции капитала по отношению к труду, что сопровождалось ослаблением

рабочего движения. В-третьих, наблюдалась массовая интеграция женщин в рынок труда, хотя часто в условиях дискриминации. Эти изменения привели к созданию глобально взаимосвязанной экономической системы, функционирующей в режиме реального времени [Кастельс 2000: 15–22].

Современное общество всё более структурируется вокруг биполярной оппозиции между глобальной Сетью и индивидуальным «Я». Это противоречие проявляется в различных сферах – от экономики до культуры. Технологические изменения, безусловно, играют ключевую роль в этих процессах, но не определяют их однозначно. Как показывает исторический опыт (на примере Китая, СССР и Японии), способность общества управлять технологическим развитием, используя институты государства, во многом определяет его место в глобальной системе [Кастельс 2000: 28].

Современная эпоха характеризуется сложным взаимодействием нескольких трендов. Глобальные сети создают новые формы экономической и социальной интеграции, в то время как поиск идентичности ведёт к фрагментации и локализации. Этот диалектический процесс формирует новую социальную реальность, в которой технологический прогресс, экономические изменения и культурные трансформации тесно переплетены. Понимание этой динамики имеет ключевое значение для анализа современных социальных процессов и прогнозирования будущего развития.

Большинство пользователей используют интернет инструментально – для работы, семьи и повседневной жизни. Более 85 % активности приходится на электронную почту, связанную с реальными задачами и контактами. Ролевые игры и конструирование идентичности занимают небольшую часть онлайн-взаимодействий и чаще встречаются среди подростков, исследующих свою личность.

Исследования показывают, что интернет не заменяет оффлайн-общение, а дополняет его. Например, пользователи Сети чаще поддерживают контакты с друзьями и родственниками на расстоянии. Однако есть и противоположные данные: некоторые исследования указывают на снижение социальной активности у активных пользователей. Возможно, это связано с адаптацией к новым технологиям, так как со временем негативные эффекты уменьшаются [Кастельс 2004: 145].

Понятие «виртуальных сообществ» привлекло внимание к новым формам социальности, но также вызвало путаницу, смешивая разные типы взаимодействий. Традиционные локальные сообщества, основанные на территориальной близости, утрачивают значение, уступая место сетевым структурам. Современная социальность строится вокруг индивидуализированных сетей, где люди выстраивают связи на основе интересов, а не географической близости. Интернет поддерживает слабые связи, которые иначе могли бы быть утеряны, и помогает создавать новые формы взаимодействия, например, специализированные сообщества по интересам [Кастельс 2004: 151].

В современном мире цифровизация и технологические инновации оказывают значительное влияние на социальное устройство и индивидуальные ценности. Развитие инфраструктуры, улучшение качества интернета и повышение вовлеченности людей в цифровую среду порождают как положительные, так и отрицательные последствия. Одним из ярких примеров таких изменений является банковская сфера, особенно в контексте внедрения интернет-банкинга. Внедрение онлайн-услуг изменяет не только способы взаимодействия пользователей с банками, но и привычки людей в отношении финансовых операций. В то же время повышение доступности таких услуг создает новые угрозы безопасности и порождает психологические барьеры у клиентов, связанные с рисками киберпреступности [Иоселиани 2023: 21].

Кроме того, с развитием цифровых технологий происходят глубокие изменения в социальной жизни и культурных ориентирах. Новые формы коммуникации, виртуальная реальность и компьютерные игры значительно меняют способы социализации и самоидентификации человека. Эти изменения нередко приводят к утрате традиционных

форм общения и создания сообщества. Быстрое развитие технологий также вызывает опасения по поводу дегуманизации общества, так как с каждым днем усиливается влияние техники на эмоциональную и психическую составляющие личности [Иоселиани 2023: 24].

Необходимо упомянуть также и ключевые аспекты коммуникации среди молодежи в социальных сетях, с акцентом на особенности социальной динамики этой группы. Актуальность данной темы обусловлена тем, что социальные сети оказывают значительное влияние на современное общество, особенно на молодежь. Интернет оказывает самое различное влияние на молодёжь, так некоторые авторы утверждают, что Социальные сети способствуют увеличению коммуникации. Несмотря на мнение о замещении реального общения виртуальным, исследования показывают, что социальные сети не уменьшают количество взаимодействий, а скорее увеличивают их, позволяя оставаться на связи после встреч в реальной жизни, и поддерживать контакты на расстоянии [Брезгунова 2024: 57]. Однако есть исследователи, которые отмечают и негативное влияние социальных сетей на представителей молодёжи, например, из-за переизбытка информации и коммуникаций. Развитие мобильных технологий и доступность социальных сетей создают ситуацию переизбытка информации и общения, что может приводить к перегрузке пользователей и необходимости выбирать, с кем и как общаться [Гришаева, Ключаев 2019: 7].

Следует также отметить роль интернета как помощника в образовании, так исследование российских специалистов, основанное на опросах людей, связанных с дошкольным образованием, показало, что 87 % опрошенных будущих педагогов активно используют информационные технологии в своей преподавательской практике, что свидетельствует о растущем внедрении цифровых технологий в дошкольное образование. Опрос также выявил две категории информационных технологий: технологические (более сложные инструменты) и прикладные (практичные инструменты). 65 % респондентов предпочитают технологические средства, в то время как 35 % склоняются к прикладным ИТ. Это показывает различные уровни комфорта и навыков участников с каждым типом технологий [Batrakova, Ushakov, Ioseliani 2024: 685].

Современная виртуальная коммуникация – это не просто новый канал связи, но и особая социокультурная среда, влияющая на все аспекты общения в сети. В статье рассматривается новая «устно-письменная» форма речи, возникающая благодаря интернету, анализируются её статус и ключевые особенности. Интернет-коммуникация создаёт уникальную гибридную форму речи, сочетающую черты устного и письменного общения. Эта новая система меняет языковые нормы, упрощает коммуникацию и формирует собственные правила, что делает её интересным объектом для лингвистических исследований [Лутовинова 2008: 62–64].

В условиях информационной эпохи традиционные СМИ теряют влияние, уступая место интернет-СМИ и персонифицированному контенту. Формирование медиапространства требует постоянного анализа его структуры и динамики. Медиапространство выполняет социальные, геополитические и коммуникативные функции, формируя взаимодействие общества, власти и различных сообществ [Пань 2022: 155]. В качестве примера автор приводит «сетевое сопровождение избирательной кампании Д. Трампа, характерной чертой которого была постоянная прямая связь с избирателями посредством Сети» [Пань 2022: 155].

Таким образом, медиапространство XXI века представляет собой сложную, динамичную систему, влияющую на социальную реальность, изменяя модели взаимодействия между властью и обществом. В будущем потребуются развитие новых инструментов интернет-коммуникаций и профессиональной подготовки специалистов в области политического маркетинга.

А. В. Назарчук в своей работе «Теория коммуникации в современной философии» исходил из интернет-коммуникации как инструмент социального влияния, так как современные цифровые технологии трансформируют традиционные формы взаимодействия, формируя новые коммуникативные практики, которые становятся основой для переосмысления социальных структур [Назарчук 2009: 277].

Интернет-коммуникация выступает не только как инструмент передачи информации, но и как механизм конструирования социальной реальности. Ее влияние проявляется в трансформации публичной сферы, изменении идентичности и возникновении новых форм коллективного действия. Дальнейшее исследование требует междисциплинарного подхода, объединяющего философию, социологию и теорию медиа. Глобализация информационного пространства способствует формированию универсальной модели поведения и мышления. Информационная глобализация проявляется в объединении экономик, знания и технологий, а также в создании межнациональной социальной среды. Развитие виртуальной культуры сопровождается появлением новых типов социальной идентичности [Голубинская 2015: 101]. Процессы унификации культур включают ассимиляцию через гомогенизацию и креолизацию. Примеры включают широкое использование английского языка в упрощенных формах (Simple English) и глобализацию потребительских стандартов. В то же время нарастает тенденция к диверсификации: формируются этнические киберпространства (например, «рунета»), развивается локализованный контент, усиливаются виртуальные сообщества, поддерживающие культурную идентичность. Таким образом, современное веб-пространство представляет собой арену сосуществования процессов культурной унификации и диверсификации, что отражает сложность глобальных культурных трансформаций [Голубинская 2015: 104].

Информационная социализация личности – это сложный процесс передачи и усвоения социального опыта в условиях компьютеризированной реальности. Личность формируется через идентификацию, индивидуализацию и персонализацию, где важнейшими факторами становятся образование, обучение и воспитание. Компьютерные технологии радикально меняют формы социализации, влияя на психику и структуру личности [Грязнова 2010: 18]. Индивидуализация в виртуальной среде затрудняется: ребёнок взаимодействует с квазисубъектами вместо реальных людей, что ведет к социальной отчуждённости и потере уникальности. Образование становится эффективным и доступным, но рискует заменить живое общение стандартизированными схемами. Воспитание через киберпространство изменяет мотивацию детей и подростков, создавая риск ухода в асоциальные модели поведения и фиктивные личности. Особую тревогу вызывает воздействие на одарённых детей, которые чаще замыкаются в виртуальной реальности.

На этапе персонализации человек реализует усвоенные знания и навыки, но в условиях доминирования виртуальной среды возникает деформация личностных качеств: рациональность без чувств, нетерпимость, дефицит творчества. Семейные отношения, перенесённые в киберпространство, теряют свою воспитательную функцию [Грязнова 2010: 22]. Из чего можно сделать вывод, что погружение в виртуально-информационную реальность ведет к массовому изменению социальной природы человека. Таким образом, виртуальная реальность уплотняет социальное время и ускоряет адаптацию к изменениям, но одновременно разрушает традиционные формы общения и социализации.

Формирование глобального информационного общества и внедрение интернета в повседневную жизнь привели к глубоким изменениям в бытии человека и его самосознании. Интернет и технологии радикально изменили формы межличностной коммуникации и социальной адаптации. Анализ этих изменений позволяет осознать новые культурные традиции, инновации и материально-духовные реалии, а также выявить специфику эволюции общества и человека в нём [Иоселиани 2020: 28].

Человек в информационном обществе переосмысливает цели, способы и смысл своей деятельности, интегрируя традиционные средства коммуникации с цифровыми. Это формирует нового субъекта, действующего в глобальной коммуникативной среде. Классическая структура деятельности (потребности – мотивы – цели – условия) в цифровую эпоху приобретает новые значения. Коммуникация становится ключевой потребностью, удовлетворяемой на беспрецедентном уровне благодаря интернету. Выделяют несколько типов коммуникации: фатический – поддержание диалога; информационный – обмен данными (например, на

форумах); дискуссионный – столкновение мнений; исповедальный – доверительное общение [Иоселиани 2020: 28]. Таким образом, интернет создаёт «виртуальную реальность», где человек конструирует альтернативный мир. Интернет-коммуникация – это особая форма взаимодействия, создающая новую повседневность. Она сочетает традиционные и инновационные средства общения, формируя «медийный тип общества».

Необходимо также рассмотреть интернет как уникальный ресурс для распространения «фейковых новостей». Ученые исследуют проблемы «фейковых новостей» в информационной среде и их влияние на общественное мнение и гражданскую позицию, в результате чего ученые приходят к выводу, что «фейковые новости» являются мощным инструментом манипуляции сознанием, который использует эмоционально насыщенные, сенсационные заголовки, вызывая страх и любопытство, тем самым напрямую влияя на общество [Иоселиани, Соколов 2023а: 132].

Отмечаются потенциальные риски «фейковых новостей»: они несут риски не только для отдельных людей, но и для целых государств. Например, ложные сообщения о здоровье, которые могут привести к опасным последствиям. Примером таких новостей может стать пропаганда курения сигарет и других продуктов с содержанием табака, которые изначально рекламировались как лекарство от многих болезней [Иоселиани, Бунина 2023: 130].

Стоит отметить, что ложные новости появились задолго до появления интернета, но проблема фейковых новостей обострилась с развитием интернета и социальных сетей, где фальшивые сообщения могут выглядеть как реальные новости, так как с развитием интернета и социальных сетей информация стала доступной в огромных объемах, что сделало её потребление постоянным и почти неограниченным [Иоселиани, Соколов 2023: 112].

Таким образом, интернет-коммуникация оказывает глубокое и многогранное влияние на общество, трансформируя традиционные формы взаимодействия, социальные структуры и идентичность. С одной стороны, она способствует глобализации, создавая новые сетевые формы экономической и культурной интеграции, а с другой – усиливает индивидуализацию и фрагментацию социальных связей. Интернет не заменяет оффлайн-общение, но переопределяет его, формируя гибридные коммуникативные практики, которые могут как обогащать социальный опыт, так и провоцировать отчуждение, особенно среди молодёжи. В результате современное общество становится ареной противоречивых процессов: унификации и диверсификации культур, усиления глобальных сетей и поиска локальной идентичности, расширения возможностей социализации и рисков деформации личности. Эти изменения требуют междисциплинарного осмысления, чтобы максимально использовать потенциал цифровых технологий, минимизируя их негативные последствия.

Интернет коммуникация: лингвистический аспект

В последние десятилетия стремительное развитие информационных технологий способствовало формированию интернет-лингвистики – нового междисциплинарного направления на стыке лингвистики, информатики и социологии. Предпосылками стали ускорение научного прогресса и рост интереса к исследованию языка как универсального средства коммуникации в новой цифровой среде.

Интернет-лингвистика возникла на базе таких дисциплин, как медиалингвистика, когнитивная лингвистика, социалингвистика и психолингвистика. Важную роль сыграли изменения в понимании парадигм научного знания и признание языка интернета как самостоятельного исследовательского объекта [Ахренова 2025: 41]. Сам термин «интернет-лингвистика» предложен для обозначения исследований естественного языка в электронной среде (интернет-коммуникации), где язык рассматривается в устной и письменной формах, а не в широком семиотическом смысле. Наряду с ним существовали альтернативные обозначения вроде «cyberlinguistics», «Netspeak», «e-language» [Ахренова 2025: 27]. Термин «интернет-лингвистика» обозначает изучение функционирования естественного языка в интернете, в отличие от более широких понятий «электронная коммуникация» или

«цифровая коммуникация» [Ахренова 2025: 44]. Он акцентирует внимание именно на языковых аспектах сетевого общения. Интернет-лингвистика развивается стремительно: выделяются её собственные области, такие как интернет-семантика, интернет-синтаксис, интернет-дискурс [там же: 46]. Исследования фокусируются на изменениях в языке под влиянием интернет-коммуникации и проблемах фиксации интернет-лексики.

Ключевой характеристикой языка интернета становится его мультимодальность – сочетание текстовых, графических и аудиовизуальных компонентов. Тексты, создаваемые в сети, отличаются высокой степенью креолизации и концептуальной насыщенностью. Интернет-лингвистика также изучает динамические процессы: самоорганизацию интернет-дискурса, влияние анонимности на стиль общения, развитие новых жанров и форм коммуникации [там же: 52]. Таким образом, интернет-лингвистика фиксирует изменения естественного языка в цифровой среде и раскрывает специфику речевого поведения в интернете, интегрируя гуманитарные и технические подходы [там же: 62].

Современные компьютерные технологии открывают новые возможности также и для лингвистической типологии, позволяя систематизировать и анализировать данные о грамматических структурах языков мира. Ключевым инструментом выступают электронные базы данных, такие как «Языки мира» и World Atlas of Language Structures (WALS), которые обеспечивают автоматизированный поиск, количественный анализ и выявление типологических закономерностей. Эти ресурсы дают возможность вычислять степень сходства между языками, оценивать устойчивость грамматических признаков и моделировать их историческое развитие [Соловьев, Кибрик 2015: 34].

Можно выделить несколько ключевых лингвистических особенностей интернет-коммуникации. Виртуальные жанры, такие как чаты, форумы и блоги, требуют специфического использования языка, включая нестандартную орфографию, синтаксис и пунктуацию. Важно также применение паралингвистических средств, таких как смайлики и междометия, для передачи эмоций и интонации. Интернет-общение часто сопровождается сокращениями и аббревиатурами, что способствует ускорению коммуникации и экономии времени [Якоба 2012: 366].

Кроме того, интернет-коммуникация характеризуется использованием различных графических систем и метатекста, что помогает передать контекст или дополнительные пояснения. Виртуальное общение также активно использует смайлики и другие символы для выражения эмоций, компенсируя отсутствие невербальных сигналов. Эти особенности создают уникальные нормы общения в сети, которые сильно отличаются от традиционного живого общения и активно развиваются среди молодых пользователей [Якоба 2012: 369].

Также нельзя забывать о важности интернет-пространства для формирования медиаобраза. С развитием интернета и социальных сетей, медиаобраз больше не создается только профессиональными журналистами, но и активно формируется пользователями через блоги, форумы и комментарии. Это открывает новые возможности для анализа медиаобразов, основанных на мнениях реципиентов, что позволяет получать более объективные и достоверные результаты. Исследователи акцентируют внимание на важности изучения медиаобраза как феномена массовой коммуникации, который влияет на общественное сознание. В статье выделены три ключевые тенденции в исследовании медиаобраза: первая связана с анализом медиатекстов, созданных профессиональными журналистами; вторая включает работу с множеством источников информации, таких как мнения реципиентов медиатекстов через фокус-группы и анкетирования; третья же сосредоточена на анализе образов, формируемых через комментарии и обсуждения в социальных медиа. Автор утверждает, что реконструкция медиаобразов с помощью анализа мнений интернет-пользователей является наиболее перспективным направлением, так как это позволяет преодолеть ограничения традиционных методов и достичь более объективных результатов [Галинская 2013: 92–94].

Нельзя не отметить влияние, которое интернет оказал на формирование языковой личности, для этого обратимся к работе В. И. Карасика. Ученый рассматривает понятие

сетевой языковой личности как нового типа коммуникативной личности, формирующегося в условиях интенсивной интернет-коммуникации. Автор анализирует характерные особенности общения пользователей социальных сетей, таких как позитивная самопрезентация, искренность, выраженная эмоциональность и акцент на индивидуальной позиции. Виртуальные собеседники стремятся конструировать свой образ как открытых и доброжелательных личностей, используя мультимодальные средства, включая текст, фотографии и видео [Карасик 2013: 37]. Особое внимание уделено жанрам сетевого дискурса, таким как автопрезентации, репортажи, шутки, а также жанрам агитации и инструктивным сообщениям. Важно, что сетевая личность активно взаимодействует с другими пользователями, создавая и обмениваясь контентом, который часто носит не только информационный, но и развлекательный характер. В заключение автор подчеркивает, что сетевая языковая личность способствует формированию новой ценностной картины мира и новым формам социального взаимодействия, где традиционные границы частного и публичного стираются [там же: 43].

Одним из частых способов общения в интернете оказывается общение на форумах. Форумы позволяют пользователям обсуждать различные темы, объединяя их по интересам. Коммуникация на форумах отличается письменной формой и использованием специфической лексики, понятной только определенному кругу людей. Интернет-форумы представляют собой важный объект для лингвистического анализа, так как их язык и структура предлагают уникальные возможности для исследования особенностей современного языка в контексте онлайн-коммуникации. Форумы являются мощным инструментом для обсуждения общественно значимых проблем и создания разнообразных сообществ, что делает их важными для лингвистического исследования [Грушецкая 2023: 32].

Интернет-лингвистика представляет собой новое направление в лингвистике, которое изучает особенности функционирования языка в интернет-пространстве. С развитием интернет-коммуникации язык в сети стал подвергаться значительным изменениям, требующим новых методов анализа. Это направление не ограничивается лишь текстами, создаваемыми в интернете, но также охватывает различные аспекты взаимодействия пользователей через цифровые устройства. Одной из центральных задач интернет-лингвистики является исследование особенностей языка, который используется в различных видах интернет-дискурса, таких как форумы, блоги и чаты. Важным аспектом является анализ анонимности в интернете, поскольку в виртуальной среде пользователь часто не ограничен личными контактами, что изменяет его поведение и выбор языковых средств. Это также требует учета социальных, возрастных и этнических факторов, которые могут влиять на стиль общения.

Кроме того, интернет-лингвистика тесно связана с другими науками, такими как социология, психология и информатика. Интернет становится не только средством общения, но и новым пространством для создания и распространения языка, что обуславливает необходимость разработки новых теорий и подходов для его изучения. Важным компонентом интернет лингвистики является терминология, включающая такие понятия, как «интернет-дискурс», «виртуальная личность» и «гипертекст». Эти термины помогают лучше понять, как функционирует язык в цифровой среде, и дают возможность исследовать его развитие в условиях постоянно меняющейся коммуникационной среды [Ахренова 2016: 12].

Интернет-лингвистика, как новое междисциплинарное направление, активно развивается на стыке лингвистики, социологии и информатики, изучая изменения языка в цифровой среде. Это направление охватывает широкий спектр аспектов, от анализа интернет-дискурса и особенностей виртуальной личности до влияния анонимности на стиль общения в сети. Важным элементом является изучение новых жанров интернет коммуникации, таких как форумы и блоги, которые представляют собой уникальные объекты для лингвистического анализа. Интернет-лингвистика также включает разработку новых терминов и методов, что позволяет исследовать язык в условиях постоянно меняющихся коммуникационных технологий и культурных норм.

Заключение

Интернет-лингвистика, являясь междисциплинарным направлением на стыке лингвистики, социологии и информатики, исследует влияние интернет коммуникации на язык в цифровой среде. Это направление охватывает изменения в интернет-дискурсе, влияние анонимности на стиль общения и особенности появления и функционирования новых жанров, таких как форумы и блоги, а также уникальную лексику, возникающую в сетевой активности пользователей.

Тесная связь интернет-лингвистики с социальной философией проявляется в анализе изменений в социальных структурах и процессах взаимодействия в цифровом пространстве. Интернет-коммуникация не только меняет язык, но и оказывает влияние на общество, создавая новые формы социальной интеграции и взаимодействия. Виртуальная реальность становится важным элементом формирования личностной и коллективной идентичности, что требует внимательного анализа с точки зрения социальной философии.

Таким образом, интернет-лингвистика, исследуя изменения языка в цифровом пространстве, служит важным инструментом для понимания более широких процессов трансформации социальной структуры и культуры, связанных с развитием интернет-коммуникации. Современная интернет-среда становится не только объектом лингвистического анализа, но и важным аспектом исследования социальных изменений и новых форм социализации.

Список литературы

1. Андрущенко В. П. Социальная философия : учебник. Киев, Харьков : Издательский центр «Единорог», 2002. 736 с.
2. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 8–14.
3. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: доминантный подход : монография. М. : РУСАИНС, 2025. 178 с.
4. Брезгунова П. А. Особенности коммуникации среди молодёжи в социальных сетях // Историко-философское измерение современного мира : сборник студенческих научных статей, Москва, 30 ноября – 01 2023 года. М. : Финансовый Университет при Правительстве РФ, 2024. С. 52–59.
5. Васильева Т. С., Орлов В. В. Социальная философия : учебное пособие. Пермь : Пермский государственный университет 2007. 736 с.
6. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11(160). С. 91–94.
7. Голубинская А. В. Диверсификация и унификация культур в глобальном веб-пространстве // Век глобализации. 2017. № 1(21). С. 98–105
8. Гришаева С. А., Клюваев К. В. Коммуникативные практики молодежи в социальных сетях // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 3. С. 4–9.
9. Грушецкая Е. Н. Интернет-форум как вид коммуникации: лингвистический аспект // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – III : Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической интернет-конференции, Могилев, 12–16 декабря 2022 года / под ред. А. К. Шевцовой. Могилев : Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2023. С. 31–33.
10. Грязнова Е. В. Информационная социализация личности // Социология власти. 2010. № 1. С. 18–25.
11. Иоселиани А. Д. Новая повседневность цифрового общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12, № 11–1. С. 18–27.
12. Иоселиани А. Д. Социальные и психологические особенности интернет коммуникации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 27–35.
13. Иоселиани А. Д., Бунина М. А. Фейк и фейк-ньюс как инструменты влияния на формирование общественного мнения // Век глобализации. 2023. № 2(46). С. 125–135.

14. Иоселиани А. Д., Соколов А. В. Причины и последствия распространения «фейковых новостей» в глобальном техногенном мире: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания. 2023а. № 11. С. 130–133.
15. Иоселиани А. Д., Соколов А. В. Концептуальные предпосылки формирования направления медиа-философии: аспекты защиты общества от влияния фейковых новостей // Социально-гуманитарные знания. 2023б. № 12. С. 111–114.
16. Карасик В. И. Сетевая языковая личность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6(848). С. 33–45.
17. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург : У-Фактория. 2004. 246 с.
18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
19. Лутовинова О. В. Интернет как новая "устно-письменная" система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
20. Миронов В. В. Философия : Учебник для вузов. М. : Норма, 2005. 928 с.
21. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
22. Пань В. Медиапространство в XXI веке: основные тенденции // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 4А. С. 154–161.
23. Соловьев В. Д., Кибрик А. А. Чем компьютерные технологии могут помочь лингвистической типологии? // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85, № 1. С. 32–38.
24. Якоба И. А. Особенности интернет-коммуникации (социологический, лингвистический, гендерный аспекты) // Вестник Иркутский государственный технический университет, 2012. № 3 (62). С. 365–371.
25. Batrakova I., Ushanov A., Ioseliani A. Information technology and online resources in the professional activities of preschool teachers // Journal of Applied Research in Higher Education. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 675-689.

References

1. Andrushchenko V. P. Sotsial'naya filosofiya [Social philosophy]. Kiev, Khar'kov, Izdatel'skiy tsentr «Edinorog», 2002, 736 p. (In Russ.).
2. Akhrenova N. A. Internet-lingvistika: novaya paradigma v opisanii yazyka interneta [Internet Linguistics: A New Paradigm for Describing the Language of the Internet]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2016, no. 3, pp. 8-14. (In Russ.).
3. Akhrenova N. A. Internet-lingvistika: dominantnyy podkhod [Internet linguistics: a dominant approach]. Moscow, RUSAINS, 2025, 178 p. (In Russ.).
4. Brezgunova P. A. Osobennosti kommunikatsii sredi molodezhi v sotsial'nykh setyakh [Peculiarities of communication among young people on social networks]. *Istoriko-filosofskoe izmerenie sovremennogo mira : sbornik studencheskikh nauchnykh statey*. 2023, Moscow, Finansovyy Universitet pri Pravitel'stve RF, 2024, pp. 52-59. (In Russ.).
5. Vasil'eva T. S., Orlov V. V. Sotsial'naya filosofiya [Social philosophy]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy universitet, 2007, 736 p. (In Russ.).
6. Galinskaya T. N. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike [The concept of media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013, no. 11(160), pp. 91-94. (In Russ.).
7. Golubinskaya A. V. Diversifikatsiya i unifikatsiya kul'tur v global'nom veb-prostranstve [Diversification and unification of cultures in the global web space]. *Vek globalizatsii*. 2017, no. 1(21), pp. 98-105. (In Russ.).
8. Grishaeva S. A., Klyuvaev K. V. Kommunikativnye praktiki molodezhi v sotsial'nykh setyakh [Communicative practices of young people on social networks]. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 2019, vol. 2, no. 3, pp. 4-9. (In Russ.).
9. Grushetskaya E. N. Internet-forum kak vid kommunikatsii: lingvisticheskiy aspekt [Internet forum as a form of communication: linguistic aspect]. *Na perekrestke kul'tur: edinstvo yazyka, literatury i obrazovaniya – III*. Mogilev, Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. A. Kuleshova, 2023, pp. 31-33. (In Russ.).

10. Gryaznova E. V. Informatsionnaya sotsializatsiya lichnosti [Informational socialization of the individual]. *Sotsiologiya vlasti*. 2010, no. 1, pp. 18-25. (In Russ.).
11. Ioseliani A. D. Novaya povsednevnost' tsifrovogo obshchestva [The New Everyday Life of the Digital Society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2023, vol. 12, no. 11-1, pp. 18-27. (In Russ.).
12. Ioseliani A. D. Sotsial'nye i psikhologicheskie osobennosti internet kommunikatsii [Social and psychological characteristics of Internet communication]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti*. 2020, no. 1, pp. 27-35. (In Russ.).
13. Ioseliani A. D., Bunina M. A. Feyk i feyk-n'yus kak instrumenty vliyaniya na formirovanie obshchestvennogo mneniya [Fake news and fake news as tools for influencing public opinion]. *Vek globalizatsii*. 2023, no. 2(46), pp. 125-135. (In Russ.).
14. Ioseliani A. D., Sokolov A. V. Prichiny i posledstviya rasprostraneniya «feykovykh novostey» v global'nom tekhnogennom mire: sotsial'no-filosofskiy analiz [The Causes and Consequences of the Spread of "Fake News" in the Global Technological World: A Socio-Philosophical Analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2023a, no. 11, pp. 130-133. (In Russ.).
15. Ioseliani A. D., Sokolov A. V. Kontseptual'nye predposylki formirovaniya napravleniya media-filosofii: aspekty zashchity obshchestva ot vliyaniya feykovykh novostey [Conceptual prerequisites for the formation of the direction of media philosophy: aspects of protecting society from the influence of fake news]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2023b, no. 12, pp. 111-114. (In Russ.).
16. Karasik V. I. Setevaya yazykovaya lichnost' [Networked linguistic personality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2021, no. 6(848), pp. 33-45. (In Russ.).
17. Kastel's M. Galaktika Internet [Galaxy Internet]. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2004, 246 p. (In Russ.).
18. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society, and Culture]. Moscow, GU VShE, 2000, 608 p. (In Russ.).
19. Lutovinova O. V. Internet kak novaya "ustno-pis'mennaya" sistema kommunikatsii [The Internet as a new "oral-written" communication system]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2008, no. 71, pp. 58-65. (In Russ.).
20. Mironov V. V. Filosofiya [Philosophy]. Moscow, Norma, 2005, 928 p. (In Russ.).
21. Nazarchuk A. V. Teoriya kommunikatsii v sovremennoy filosofii [Communication theory in modern philosophy]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2009, 320 p. (In Russ.).
22. Pan' V. Mediaprostranstvo v KhKhI veke: osnovnye tendentsii [Media space in the 21st century: main trends]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2022, vol. 11, no. 4A, pp. 154-161. (In Russ.).
23. Solov'ev V. D., Kibrik A. A. Chem komp'yuternye tekhnologii mogut pomoch' lingvisticheskoy tipologii? [How can computer technology help linguistic typology?]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2015, vol. 85, no. 1, pp. 32-38. (In Russ.).
24. Yakoba I. A. Osobennosti internet-kommunikatsii (sotsiologicheskii, lingvisticheskii, gendernyy aspekty) [Features of Internet communication (sociological, linguistic, gender aspects)]. *Vestnik Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet*. 2012, no. 3 (62), pp. 365-371. (In Russ.).
25. Batrakova I., Ushanov A., Ioseliani A. Information technology and online resources in the professional activities of preschool teachers // *Journal of Applied Research in Higher Education*. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 675-689.

Информация об авторе

А. М. Воловей – аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

A. M. Volovey – Postgraduate Student,

Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 86–91.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 86-91.

Научная статья

УДК 81'373.4

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-86-91

КАТЕГОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сергей Александрович Рябкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
riabkins8@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается лингвистический аспект категории инструментальности. Автор статьи анализирует данную категорию как отражение связи между действием, субъектом, объектом и средством его выполнения в языковых системах. В исследовании прослеживается эволюция изучения этой категории, начиная с анализа падежных систем в работах Чарльза Филлмора, Романа Jakobson и Анны Вежбицкой, где инструментальность связывалась с творительным падежом как маркером орудия действия, и заканчивая современными подходами в рамках функциональной грамматики, представленными в работах А. В. Бондарко. Особое внимание уделено в статье историческому и теоретическому контексту: от формального описания падежных форм в индоевропейских языках (например, социативно-инструментальное значение, отмеченное Антуаном Мейе) до изучения семантических функций и функционально-семантических полей (ФСП). В работе показано, как категория инструментальности, пройдя путь от морфологического анализа к исследованию смыслов, заняла место среди ключевых лингвистических категорий. В центре анализа – категориальная ситуация инструментальности, включающая субъект, целенаправленное действие и средство, с выделением трёх фаз деятельностного акта: регулятивной, исполнительской и результативной. ФСП инструментальности описывается как полицентрическое поле, объединяющее средства-предметы (физические орудия) и средства-непредметы (абстрактные способы). Статья подчёркивает роль языка в структурировании отношений между действием и инструментом, выявляя универсальные черты (например, наличие инструментального значения в разных языках) и специфические особенности. Такой подход обогащает понимание человеческой деятельности, демонстрируя, как язык отражает взаимодействие человека на протяжении своего исторического развития с окружающим его миром через категорию инструментальности.

Ключевые слова: категория инструментальности, субъект, объект, инструмент, творительный падеж, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация.

Для цитирования: Рябкин С. А. Категория инструментальности: лингвистический аспект // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 86–91.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-86-91>

Original article

THE CATEGORY OF INSTRUMENTALITY: A LINGUISTIC PERSPECTIVE

Sergei A. Riabkin

Perm State University, Perm, Russia, riabkins8@gmail.com

Abstract. The proposed article is devoted to the linguistic aspect of the category of instrumentality, analysing it as a display of the relationship between the action, the subject, the object and the means of its performance in linguistic systems. The study traces the evolution of the study of this category, starting from

the analysis of case systems in the works of Charles Fillmore, Roman Jakobson and Anne Wierzbicka, where instrumentality was associated with the instrumental case as a marker of the instrument of action, and ending with modern approaches within the framework of functional grammar, presented by A. B. Bondarko. Particular attention is paid to the historical and theoretical context: from the formal description of case forms in Indo-European languages (e.g. the social-instrumental meaning noted by Antoine Meillet) to the study of semantic functions and functional-semantic fields (FSPs). The paper shows how the category of instrumentality, having travelled from morphological analysis to the study of meanings, has taken its place among the key linguistic categories. The analysis is centred on the categorical situation of instrumentality, including the subject, intentional action and means, with the identification of three phases of the activity act: regulative, executive and resultant. The FSP of instrumentality is described as a polycentric field uniting means-objects (physical instruments) and means-non-objects (abstract methods). The article emphasises the role of a language in structuring the relationship between an action and an instrument, revealing universal features (e.g., the presence of instrumental meaning in different languages) and specific features. This approach enriches the understanding of human activity by demonstrating how language reflects human interaction with the world around us through the category of instrumentality.

Keywords: the category of instrumentality, subject, object, instrument, instrumental case, functional-semantic field

For citation: Riabkin S. A. The category of instrumentality: a linguistic perspective. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:86-91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-86-91>

Введение

Лингвисты различных школ и направлений уже давно занимаются изучением категории инструментальности. Данная категория находит отражение в структурах различных языков мира, поскольку люди в ходе своей жизнедеятельности, изменяя и адаптируя окружающий мир под свои нужды, использовали разнообразные инструменты. Важность инструментов в жизни людей доказывается присутствием различного рода средств, которые специализируются на передаче инструментального смысла.

Основная часть

Первоначально исследования категории инструментальности проводились в контексте изучения становления и развития падежных систем. Чарльз Филлмор (1929–2014) в своей работе «Дело о падеже» (1968) предлагает рассматривать падеж как набор семантических отношений между именем и остальной частью предложения [Филлмор 1968: 24]. В своём труде лингвист выделяет такой падеж, как «инструменталис (I) – падеж неодушевленной силы или предмета, который включен в действие или состояние, называемое глаголом, в качестве его причины» [там же: 44]. В русском языке в этом случае используется творительный падеж. В дальнейшем, с развитием общества, культуры и совершенствованием языка, использование в быту «инструментов» неуклонно увеличивалось, что в конечном счёте привело к тому, что в современном языке это значение стало основным для творительного падежа.

Значительный вклад в классификацию падежной системы русского языка внес Р. О. Якобсон (1896–1982). В своей работе «К общему учению о падеже» (1985) языковед, отталкиваясь не от морфологической, как это было принято ранее, а от синтаксической природы падежа, выделяет общее и частные падежные значения. При этом исследователь подчеркивает, что «творительный особенно резко противопоставлен другим падежам» именно «в своем орудийном значении» [Якобсон 1985: 160].

Следующий этап исследования инструментального значения характеризуется его более широким толкованием. А. Вежбицкая (1938 – н. в.) в своей работе «Дело о поверхностном падеже» (1985) отмечала, что большинство ситуаций, описываемых в русском языке, например, при помощи существительных в творительном падеже, воспринимаются как ситуации, в которых используется инструмент: «Главная функция творительного падежа в русском языке – это, конечно, указание на орудие действия («инструмент»). Мы говорим, что эта функция главная, поскольку так предположительно

следует из самого названия падежа: творительный, или инструментальный, падеж идентифицируется в любом языке как падеж, имеющий среди своих функций функцию обозначения «инструмента» [Вежбицкая 1985: 312].

Историческую перспективу изучения этого вопроса дополняют труды других ученых. В. А. Богородицкий (1857–1941), в частности, отмечает, что творительный падеж «может служить также для обозначения орудия, которым совершается действие» [Богородицкий 1935: 226]. Поль-Жюль-Антуан Мейе (1866–1936) в своём труде по сравнительно-историческому языкознанию отмечает, что исторически концепция классического индоевропейского языкознания в качестве изначального значения индоевропейского творительного падежа рассматривает социативно-инструментальное значение: «Творительный указывает, с кем или с чем действие совершается (откуда значение: кем, чем)» [Мейе 2002: 353]. Творительный инструментальный (орудийный) указывает на орудие, посредством которого совершается действие» [Розенталь, Теленкова 1985: 317]. «Творительный прилагольный обозначает: 1) орудие действия (творительный инструментальный); 2) деятеля, а также действующий предмет (в страдательных оборотах); 3) объект действия; 4) пространственные и временные отношения; 5) способ и образ действия; 6) сравнение» [Тихонов, Хашимов, Журавлева 2014: 756]. «Орудийный объект – косвенный объект, называющий орудие действия – выражается существительным в творительном падеже: *ударить палкой; открыть ключом*» [там же: 229]. Творительный падеж действительно противопоставлен другим падежам из-за наличия орудия (инструмента) или способа.

И. И. Мещанинов (1883–1967), развивая идеи О. Есперсена (1860–1943), отмечает, что некоторые смысловые компоненты общего характера «не описываются при помощи языка, а выявляются в нём самом, в его лексике и грамматическом строе»; этими категориями «передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде» [Мещанинов 1945: 195]. С одной стороны, понятийные категории не существуют вне языка и обязаны иметь какое-то языковое выражение; с другой стороны, это выражение может быть самым разнообразным и не только грамматическим, но и лексическим [там же]. В. В. Виноградов (1895–1969) выявил систему форм и способов выражения категории модальности в русском языке на синтаксическом, морфологическом и лексическом уровнях. Лексические элементы, выполняющие, по выражению Л. В. Щербы (1880–1944) «строевую роль», также вошли в эту систему.

Новый виток в исследовании инструментальности стал возможен благодаря А. В. Бондарко (1930–2016). В своих трудах по функциональной грамматике, он использовал функциональный подход к языку, предметом анализа которого выступают функционально-семантическими полями (ФСП). Понятие поля в грамматике разрабатывается в отечественном языкознании с 1960–1970-х гг. (М. М. Гухман (1904–1989), В. Г. Адмони (1909–1993), Е. И. Шендельс (1916–1995), Е. В. Гулыга (1921–1996), Г. С. Щур (1929–1981), и др.). Эта концепция опирается на теорию понятийных категорий И. И. Мещанинова (1883–1967) и на учение В. В. Виноградова (1894–1969) о модальности как семантической категории смешанного лексико-грамматического характера.

ФСП определяется как система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, фразеологических, лексико-синтаксических и т. д.), основывающихся на общности их функций. Сами же функции базируются на определённой семантической категории. Структура этих ФСП может быть различной: строго центрированной, с чётко определяемым ядром и периферией или слабо центрированной, полицентричной, опирающейся на некоторую совокупность языковых средств, которые не образуют единой системы форм [Шулежкова 2004: 385].

ФСП являются билатеральными единствами, характеризующимися наличием: (1) плана содержания, который включает семантические категории (СК). СК трактуются как «основные инвариантные категориальные признаки (семантические константы),

проявляющиеся в языковых значениях и функциях»; (2) плана выражения, представленного элементами различных уровней языковой системы [Бондарко 2001: 27]. В основе каждого ФСП лежит определённая семантическая категория – тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие.

Функциональный подход позволяет глубже исследовать не только формальные проявления инструментальности, но и её функционально-семантическое содержание, связанное с конкретными ситуациями, где действие, субъект и средство сплетаются в единое целое. Категориальная ситуация инструментальности представляет собой лингвистическую конструкцию, в которой акцентируется внимание на отношениях между действующим субъектом, целенаправленным действием и средством (инструментом), с помощью которого это действие осуществляется. Основные аспекты и характеристики этой ситуации можно выделить следующим образом.

1. Характеристика инструментальной ситуации

Инструментальная ситуация характеризуется наличием нескольких ключевых компонентов.

- **Целенаправленное действие** агентивного субъекта подразумевает его стремление к достижению конкретного результата, который представляет собой предполагаемый конечный пункт этой деятельности; однако реальный конечный результат не всегда совпадает с целью [Арутюнова 1992: 14].

- **Субъектом** целенаправленной деятельности может быть как отдельный человек, так и группа людей (семья, школьный класс, страна и другие). Эти субъекты выражают волю и/или прилагают усилия для достижения своей цели, что делает их агентивными субъектами. Такие группы не просто представляют собой скопление людей; у них есть конкретные цели и формальная структура – набор правил, связывающих участников. Эти правила определяют, в частности, способы передачи сообщений (приказов, инструкций и т. д.) и взаимодействие между участниками [Холле 2000: 16].

- **Объекты** – это то, что подвергается воздействию, познанию или оценке со стороны агентивного субъекта или со стороны, с которой он вступает в общение. Объекты могут быть как материальными (предметы, люди, в том числе и сам субъект, если он направляет свои действия на себя, общество в целом), так и идеальными (социально-общественные отношения, информация и т. п.). Следовательно, одна и та же вещь может выступать в качестве субъекта и в качестве объекта целенаправленной деятельности [там же: 20].

- **Средство** (инструмент) выступает связующим звеном между целью и результатом действия или посредником влияния субъекта на объект. Это включает в себя всё, что человек использует для реализации своих намерений. В такое определение входят не только материальные средства (орудия, инструменты, вещества), но и действия человека, его свойства, отношения и т. д. [там же: 20].

2. Фазы деятельностного акта

Инструментальная ситуация может быть представлена как одна из трёх возможных фаз любого деятельностного акта:

- **Регулятивная фаза:** средство, которое помогает реализовать цель.
- **Исполнительская фаза:** средство, используемое для выполнения действия.
- **Результативная фаза:** средство, которое способствует достижению результата [Там же: 23].

3. Функционально-семантическое поле

Полицентрическое поле: функционально-семантическое поле инструментальности включает два центра.

- 1. Средство-предмет (орудие):** физические объекты, используемые для выполнения действий.

2. Средство-непредмет (способ): абстрактные методы или подходы к выполнению действий [Ямшанова 1991: 68–80].

Категориальная ситуация инструментальности является важным аспектом лингвистического анализа, позволяющим глубже понять, как язык отражает и структурирует отношения между действиями и средствами их выполнения. Это помогает выявить универсальные и специфические черты языковых систем в контексте коммуникации и культурных особенностей.

Заключение

Таким образом, мы смогли пронаблюдать, как категория инструментальности отражает эволюцию лингвистической мысли – от анализа падежных форм к исследованию их семантических функций и далее к комплексному изучению категориальных ситуаций в рамках функционально-семантических полей. Начиная с работ Ч. Филлмора, Р. О. Якобсона, А. Вежбицкой и А. В. Бондарко, она прошла путь от формального описания к глубокому осмыслению её роли в языке и культуре. Категориальная ситуация инструментальности, в свою очередь, позволяет увидеть, как язык структурирует отношения между действием, субъектом и средством, выявляя универсальные и специфические черты языковых систем. Этот подход не только обогащает теорию, но и помогает понять, как язык отражает человеческую деятельность и взаимодействие с миром.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М. : Наука, 1992. С. 14–23.
2. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М. : Соцэкгиз, 1935. 356 с.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
4. Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 15. С. 303–341.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. : УРСС, 2002. 510 с.
6. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Тр. Воен. ин-та ин. языков. М. : МВИИЯ, 1945. № 1. С. 5–15.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
8. Тихонов А. Н., Хашимов Р. И., Журавлева Г. С. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 1. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 840 с.
9. Тихонов А. Н., Хашимов Р. И., Журавлева Г. С. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 2. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 814 с.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже (1968) // Новое в зарубежной лингвистике. 1999. С. 11–22.
11. Холле М. В. Инструментальные придаточные предложения и местоименные наречия как формы выражения категории инструментальности в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 194 с.
12. Шулежкова С. Г. История лингвистических учений. М. : Флинта: Наука, 2004. 400 с.
13. Электронная версия Большой российской энциклопедии. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (дата обращения: март 2025).
14. Якобсон Р. О. К общему учению о падеже: общее значение русского падежа // Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 135–175.
15. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт, 1991. 150 с.

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk tseli [Language of purpose]. *Logicheskiy analiz yazyka. Modeli deystviya*. Moscow, Nauka, 1992, pp. 14-23. (In Russ.).
2. Bogoroditskiy V. A. Obshchiy kurs russkoy grammatiki [General course of Russian grammar]. Moscow, Sotsekgiz, 1935, 356 p. (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. 2th ed. Moscow, Editorial URSS, 2001, 208 p. (In Russ.).
4. Vezhbitskaya A. Delo o poverkhnostnom padezhe [The Case of the Superficial Case]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moscow, Progress, 1985, iss. 15, pp. 303-341. (In Russ.).
5. Meye A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeyskikh yazykov [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow, URSS, 2002, 510 p. (In Russ.).
6. Meshchaninov I. I. Ponyatiynye kategorii v yazyke [Conceptual categories in language]. *Trudy Voennogo instituta inostrannykh yazykov*. Moscow, MVIIYa, 1945, no. 1, pp. 5-15. (In Russ.).
7. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary and reference book of linguistic terms]. 3th ed., Moscow, Prosveshchenie, 1985, 399 p. (In Russ.).
8. Tikhonov A. N., Khashimov R. I., Zhuravleva G. S. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy. Russkiy yazyk [Encyclopedic Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms and Concepts. Russian Language]. 2th ed., Moscow, FLINTA, 2014, 840 p. (In Russ.).
9. Tikhonov A. N., Khashimov R. I., Zhuravleva G. S. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy. Russkiy yazyk [Encyclopedic Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms and Concepts. Russian Language]. 2th ed., Moscow, FLINTA, 2014, 814 p. (In Russ.).
10. Fillmor Ch. Delo o padezhe (1968) [The Case of the Fall (1968)]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 1999, pp. 11-22. (In Russ.).
11. Kholle M. V. Instrumental'nye pridatochnye predlozheniya i mestoimennye narechiya kak formy vyrazheniya kategorii instrumental'nosti v sovremennom nemetskom yazyke [Instrumental clauses and pronominal adverbs as forms of expression of the category of instrumentality in modern German]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2000, 194 p. (In Russ.).
12. Shulezhkova S. G. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy [History of linguistic teachings]. Moscow, Flinta, Nauka, 2004, 400 p. (In Russ.).
13. Elektronnaya versiya Bol'shoy rossiyskoy entsiklopedii [Electronic version of the Great Russian Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (accessed: mart 2025).
14. Yakobson P. O. K obshchemu ucheniyu o padezhe: obshchee znachenie russkogo padezha [On the general teaching of case: the general meaning of the Russian case]. *Izbrannye raboty*. Moscow, Progress, 1985, pp. 135-175. (In Russ.).
15. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskiy finansovo-ekonomicheskii institut, 1991, 150 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. А. Рябкин – аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

S. A. Riabkin – Postgraduate Student,

Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 28.07.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 28.07.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 92–101.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 19. P. 92-101.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.24412/2713-0231-2025-19-92-101

«МАНИФЕСТАРНОСТЬ» МАНИФЕСТА: РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО ОТКЛИКА СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Ольга Игоревна Графова¹, Кирилл Андреевич Рязанцев²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ grafova.olly@gmail.com

² RyazantcevKA@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена реализация категории «манифестарности» в манифестах различных видов. Жанр имеет долгую историю, начиная свой отчет с 1509 г. В разные промежутки истории он был по-разному востребован, наибольшую популярность жанр получил в начале XX в., когда на смену классицизма пришла эпоха модерна и были необходимы новые теории об устройстве большого числа общественных сфер. На протяжении всей истории в жанре фигурировало наличие критики – манифестарности. Клод Абастан выделил это свойство как одно из пяти ключевых в своём научном анализе. Манифестарность отвечает за наличие критики в произведении. Этим свойством могут наделяться произведения, никак не относящиеся к жанру. Также имеет место быть нахождение этой особенности в произведении спустя определенный промежуток времени. Реализация манифестарности неразрывно связана со структурой трёхречевого акта, мнение читателей о произведении играет решающую в успешности передачи интенции. Помимо этого, из манифестарности проистекает перформативность – возможность менять действительность при помощи слов. Манифест существует как критика проблемы, то есть манифестарность является основой жанра. Для анализа этой черты было разобрано четыре манифеста, каждый из которых фокусировался на разных темах: устройство страны, деэскалация ядерного конфликта, недостатки текущей культурной парадигмы, неэффективность современных экологических практик. Несмотря на разницу в сферах дискурса, все работы объединяет наличие критики и ее перетекание в перформативность. Помимо этого, была затронута причина неактуальности жанра. В рамках постмодерна уже не нужно такое большое количество критических теорий. Делается вывод об адаптации жанра под новые культурные реалии и необходимости анализа отдельных произведений для более корректного восприятия жанра целиком.

Ключевые слова: манифест, манифестарность, критика, черты манифеста, перформативность, дискурс.

Для цитирования: Графова О. И., Рязанцев К. А. «Манифестарность» манифеста: развитие критического отклика сквозь время // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 92–101. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-92-101>

Original article

“MANIFESTNESS” OF THE MANIFESTO: DEVELOPING A CRITICAL RESPONSE THROUGH TIME

Olga I. Grafova¹, Kirill A. Ryazantsev²

^{1,2} Perm State National Research University, Perm, Russia

¹ grafova.olly@gmail.com

² RyazantcevKA@yandex.ru

Abstract. The article considers the realization of the «manifestness» category in manifestos of various kinds. The genre has a long history, starting its origins from 1509. In certain time periods genre was in high demand, the genre was most popular in the early twentieth century, when classicism was replaced by the modernism and new theories came to live. Throughout history, the presence of criticism – manifestness – persist in genre. Claude Abastado identified this property as one of five key properties in his analysis. Manifestness is responsible for the presence of criticism in a work. Works that do not belong to a genre in any way can be endowed with this feature. This feature can be granted after some amount of time after careful examination. The essence of manifestness is chained to the structure of the three-speech act, the readers' opinion about the work plays a decisive role in the success of the transmission of the intention. In addition, performativity – the ability to change reality through words – derives from manifestness. The manifesto exists as a critique of a problem, it means – manifestness is the basis of the genre. To analyze this trait, four manifestos were analyzed. Each of the four manifestos focused on different topics: the structure of the country, de-escalation of the nuclear conflict, the negative traits of the current cultural paradigm, and the ineffectiveness of current environmental practices. Despite the difference in the themes, all the works are united by the presence of criticism and its transformation into performativity. In addition, we touched upon the reasons of genre's decrease. Within postmodern there is no longer a need for such a large number of critical theories. The conclusion is made about the adaptation of the genre to new cultural realities and the need to analyze individual works for a more correct perception of the genre as a whole.

Key words: manifesto, manifestation, criticism, manifest features, performativity, discourse.

For citation: Grafova O. I., Ryazantcev K. A. "Manifestness" of the manifesto: developing a critical response through time. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;19:92-101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-92-101>

Введение

Жанр «манифест» представляет собой синтез ряда особенностей, которые делают его нетривиальным для изучения с научной точки зрения. Одной из ключевых черт является обязательное наличие критики, или по-другому, манифестарности в нем. Для более корректного дальнейшего анализа необходимо понять, что представляет собой жанр. В качестве определения будет использоваться дефиниция американского ученого Стивенса Рассела (Stevens Russell Amidon), автора комплексной научной работы по анализу всего жанра: «Манифесты представляют собой текстовые наработки политических или эстетических убеждений, которые бросают вызов уже существующим нормам. Своей целью они ставят попытку создать новые религиозные, политические или художественные институты и движения» (дан наш перевод) [Stevens: эл. ресурс].

Манифест всегда является комментарием на какую-либо проблему общественного, политического, социального или другого характера. Само ядро произведения базируется на критике какого-либо устоявшегося явления и попытке изменить его на более правильный, с точки зрения автора текста, вариант. В подавляющем большинстве случаев, авторская позиция выражена в тексте эксплицитно. Это необходимо для донесения идеи до наибольшего числа читателей, однако, жанр все равно представляет ряд трудностей для полного понимания интенции автора. Например, не всегда произведения, которые содержат критику, первоначально задумывались как манифесты, некоторые из текстов получили эту характеристику спустя какой-то промежуток времени [Berg 1998: 194]. Проявление критики в тексте (или любом другом объекте медиа) называется манифестарностью.

Основная часть

Перед тем как рассмотреть проявление свойства манифестарности, необходимо затронуть историю жанра. Первым манифестом принято считать работу Мартина Лютера (Martin Luther 1483 – 1546) «95 тезисов» [Лютер 1994]. В ней критикуется практика продажи церковных индульгенций, губительные папские указы и общий уход от христианских канонов. Как было отмечено выше, манифест ставит перед собой задачу анализа определенной проблемы, в данном случае объектом для критики стала закостенелость церкви.

В 1857 г. Фридрих Энгельс (Friedrich Engels 1820 – 1895) и Карл Маркс (Karl Marx 1818 – 1883) публикуют книгу «Манифест Коммунистической Партии» [Маркс, Энгельс 1985]. Именно в ней проявились ключевые для жанра особенности: риторический стиль, обилие различных лингвистических оборотов, предложение ряда способов для изменения экономической ситуации, критика устоявшейся по всему миру системы капитала [Puchner 2006: 33].

На примере двух основополагающих работ, критика является неотъемлемой частью жанра. Это утверждение коррелирует с историей жанра. Наибольшее число манифестов было выпущено в первые пятнадцать лет XX в. Мэри Энн Коус (Mary Ann Caws) называет этот период как «Manifesto Moment» [Caws: эл. источник]. На стыке XIX в. и XX в. философская матрица модерна обрела наибольшую распространенность во всех сферах человеческой деятельности, требовался качественный пересмотр значительной части общественных явлений: начиная с канонов литературы, заканчивая политическим устройством целых стран. В тот исторический период вышло большое количество манифестов с критикой различных аспектов, не соответствующих духу модернизма. В 1909 г. итальянец Томас Маринетти (Filippo Tommaso Marinetti 1876 – 1944) выпускает «Манифест футуризма», работа становится символом эпохи, поскольку выражает собой кардинальный отказ от устоев в литературной сфере и объявляет новую эпоху «искренности» [Маринетти 1914]. Вновь можно наблюдать наличие критического свойства манифеста, то есть – манифестарности.

После событий Первой мировой войны жанр потерял свою актуальность в глазах публики, манифест не может существовать без оценки социума. Следующий подъем жанра можно наблюдать в 1960 г. В США остро встаёт проблема социального неравенства, эмансипации женщин – это порождает необходимость критического осмысления действительности того временного периода.

Теперь, когда на примере истории жанра была продемонстрирована актуализация одного из ключевых свойств манифестов, перейдем к основополагающему анализу жанра и более детальному рассмотрению «манифестарности». Первую попытку осмыслить жанр с академической точки зрения предпринял француз Клод Абастадо (Claude Abastado) в статье «Introduction à l'Analyse des Manifestes», в ней Абастадо выделил пять ключевых для жанра особенностей [Abastado 1980: 3]. Основополагающими чертами жанра являются:

- Разнообразие форм выражения – манифесты могут существовать в виде книг, памфлетов, брошюр и других видах текстов.

- Существование трёх видов манифестов по направленности: политический, литературный и эстетический. Они зависят от проблемы, критикуемой в манифесте. Важно отметить, что политический манифест включает в себя социальную сферу общественной жизни, поэтому в аналитических работах не делается разграничение [Burger 2002].

- Перформативность. Способность текста актуализировать призывы к изменению действительности. Под этим свойством имеется в виду не только одноименная категория, а, скорее, любая лексика, которая способна побудить к преобразованию реальности через текст.

- Стилистические особенности. Для создания яркого и живого языка авторы манифестов прибегают к лингвистическим тропам: метафорам, сравнениям, эпитетам и ряду других. Обилие языковых средств служит средством привлечения и удержания внимания читателя. В фундаментальном исследовании жанра, Г. Яношевская отмечает высокую риторичность и манипулятивность языка манифеста [Yanoshevsky 2009: 266].

- Манифестарность. Свойство манифестарности отвечает за выражение критики в произведении.

Из совокупности пяти ключевых черт состоит уникальность жанра. Наиболее важным в рамках этого исследования выступит манифестарность, поэтому перед непосредственным анализом свойства в контексте необходимо затронуть особенности проявления этой характеристики в целом. Понятие «манифестарность» вывел Клод Абастадо в вышеобозначенной статье ««Introduction à l'Analyse des Manifestes». Под ним понимается

оперирование не всем перечнем свойств жанра, а только ограниченным рядом, чаще всего с критическим осмыслением той или иной проблемы. В качестве хрестоматийного примера актуализации свойства в контексте Абастадо приводит фильм «Гражданин Кейн» (Citizen Kane) за авторством Орсона Уэллса (George Orson Welles 1915 – 1985). Кинолента критикует общественные тенденции в Америке 1930 г., несмотря на отсутствие у автора интенции создания манифеста, из-за наличия критики многие зрители причислили его к этому жанру [Abastado 1980: 5]. Манифестарность отвечает за выражение критики и характерна не только для манифестов. Еще одним примером этого свойства вне рамок литературы выступит экспозиция Марселя Дюшана (Marcel Duchamp 1887 – 1968) «Фонтан». Вместо обозначенного предмета, на выставке в 1917 г. фигурировал обычный писсуар. Его манифестарность заключалась в критике изысканных показов того времени, то есть свойство «манифестарности» появилось из контекста критики определенной художественной сферы и соответствующей реакции критиков [Ansorge, Pelowski, Quigley: 2022].

Важно подчеркнуть факт влияния перцепции аудитории для полноценной актуализации манифестарности. Наиболее полно это можно проследить с помощью концепции трёхуровневого речевого акта Джона Остина Лэнгшоу (John Langshaw Austin 1911 – 1960). На первом (локутивном) уровне автор пишет свой текст, на втором (иллокутивном) уровне закладывается интенция, то есть вербализируется критика, на третьем (перлокутивном) уровне происходит считывание смысла читателем [Остин 1999]. Для манифеста важна успешность этого процесса, иначе изначальная интенция может быть по-другому интерпретирована читателем и текст приобретёт отличный от изначального смысл.

Например, сборник эссе Натали Саррот (Nathalie Sarraute 1900 – 1999) «L'ère du soupçon» [Саррот 2000] изначально не расценивался общественностью как манифест, но спустя несколько лет критики более внимательно изучили стиль и посыл сборника. Эта книга представляла собой не столько сборник эссе, сколько критику литературы. Свойством манифестарности может наделяться объект, который ранее не рассматривался с такой точки зрения. Этот факт еще раз показывает значимость социальной оценки жанра.

Перейдем к более конкретному анализу реализации этого свойства на примере четырёх манифестов из разных промежутков истории.

Первым примером выступит важный исторический документ – «United States Declaration of Independence» в переводе Олега Андреевича Жидкова [Жидков 1993]. В рамках статьи будет затронуто только свойство манифестарности, тем не менее, для работы с этим свойством нужно представлять исторический контекст, предшествующий составлению документа. На протяжении 169 лет США были колонией Англии, к 1763 г. крупный список противоречий вкупе с введённым налогом за нахождение под протекторатом империи породил сильные сепаратистские настроения на всей территории Америки. К 1766 г. груз противоречий между метрополией и колоний достиг максимума, жестокая налоговая политика усугубилась принижением американцев и множественными вооружёнными противостояниями. 4 июля был составлен «United States Declaration of Independence».

Манифестарность текста выражается в критике британского короля Георга III и Британии в целом. Текст декларации можно поделить на пять частей: вступление, преамбула, обвинение Георга III, обличение британского народа и заключение.

Вступление не содержит как таковой критики. В преамбуле, в свою очередь, уже можно найти открытое недовольство монархом. «История правления ныне царствующего короля Великобритании – это набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма.» В этом предложении присутствует семантика ярко выраженного недовольства королём, через лексемы *несправедливостей*, *насилий*, *деспотизм* выражается весь спектр негативных чувств по отношению к монарху. Его поступки, с точки зрения жителей США, представляют собой незаконные акты деспотизма.

Третья часть, обвинение Георга III, развивает мысль о плохом отношении короля к колонии. Весь тематический блок состоит из многочисленных различных обвинений: «Он отказывался давать свое согласие на принятие законов, в высшей степени полезных и необходимых для общего блага», «Он неоднократно распускал палаты представителей, мужественно и твердо противостоявшие его посягательствам на права народа», «Он создавал препятствия для осуществления правосудия, отказываясь давать согласие на принятие законов об организации судебной власти». Каждый из примеров содержит местоимение «он» и глагол в прошедшем времени, суммарно, в третьей части присутствует двадцать один пример жестокости короля. В приведенных выше отрывках можно наблюдать критику законодательных решений и действий, другие обвинения связаны с введением войск на территорию колонии и игнорирование нужд колонистов. Манифестарность этого отрывка заключается в критике короля и его действий.

Четвёртая часть, обличение британского народа, меньше по объёму, однако тоже содержит ряд претензий и критических замечаний уже по отношению к жителям метрополии. «Они также оставались глухими к голосу справедливости и общей крови. Поэтому мы вынуждены признать неотвратимость нашего разделения и рассматривать их, как мы рассматриваем и остальную часть человечества, в качестве врагов во время войны, друзей в мирное время». Интенция составителей документа состоит в критике безразличности британцев к бедственному положению дел в колонии. Это даёт дополнительный повод к сепарации. Манифестарность отрывка сосредоточена в подчеркивании противоречий между колонией и метрополией. В конечном итоге, вся высказанная в тексте критика, подталкивает авторов к объявлению независимости США с помощью другого свойства – перформативности.

По сути, в каждом тексте манифестарность является подготовкой к высказыванию предложений об изменении критикуемого аспекта. Необходимо сначала показать читателям ошибочность той или иной вещи, только затем предлагать шаги к изменению неправильного положения дел. В случае с «United States Declaration of Independence» составители документа критикуют короля Англии (то есть персонализацию власти) и жителей Англии в целом для создания причин отделения в самостоятельную страну. Они объединяют народ вокруг документа, тем самым создавая основу для новой нации.

Второй пример – «Russel-Einstein Manifesto», за основу взят перевод издания Родина [Эйнштейн, Рассел 2022]. Перед анализом проявления манифестарности необходимо затронуть исторический контекст. Текст манифеста был опубликован в 1955 г. и неразрывно связан с проблемой эскалации ядерного конфликта в ходе Холодной войны. За написанием текста стояли крупнейшие физики своего времени, которые представляли всю опасность оружия массового поражения. Перед составителями текста стояла задача развеять старую точку зрения о неопасности ядерного конфликта и высказать критику в отношении непродуктивных дипломатических действий СССР и США.

Важной особенностью актуализации свойства манифестарности в тексте является обращенность ко всему человечеству, пример: «В данном случае мы выступаем не как представители того или иного народа, континента или вероучения, а как люди, как представители человеческого рода». Перед высказыванием заявлений критического характера составители текста указывают на глобальность проблемы, вопрос стоит перед всем человечеством целиком. Второй пример: «Мы должны попытаться сказать об этом так, чтобы ни один из лагерей не смог обвинить нас в пристрастности. Всем, без исключения, грозит опасность...». Для выстраивания грамотной коммуникации авторы предельно чётко выражают нейтральность своей позиции, такая коммуникативная стратегия выбрана для привлечения максимального внимания со стороны читателей.

После обозначения нейтральности позиции ученые переходят к критике, то есть к проявлению свойства манифестарности. «Общественность и даже многие государственные деятели не понимают, что будет поставлено на карту в ядерной войне», в этом предложении

можно проследить критику устаревшей позиции о разрушительности конфликта с применением ядерного оружия. За десять лет до написания манифеста США сбросило ядерные боеголовки на два японских города, поэтому многие люди до сих пор были уверены в небольшой площади поражения и незначительных последствиях детонации ядерной боеголовки. В действительности, за десять лет наука шагнула далеко вперед и на вооружении появилось оружие массового поражения с большим радиусом и летальностью.

Эти мысли эксплицитно выражаются в следующем отрывке: «Общественность все еще рассматривает ее как средство уничтожения городов». Вновь высказывается критика уже неактуального взгляда на разрушительность оружия массового поражения.

«Люди едва ли представляют себе, что опасности подвергаются они сами, их дети и внуки, а не только абстрактно воспринимаемое понятие “человечество”. Они не могут заставить себя осознать то, что им самим и их близким грозит неминуемая опасность погибнуть мучительной смертью.» Коммуникативная сила критики в этом абзаце проистекает из ряда факторов: структура пункта строится на придании понятию «человечество» большей эмоциональной значимости. Как было отмечено выше, авторы текста, в качестве коммуникативной стратегии, избрали обращение ко всему человечеству. Для усиления этой стратегии, достаточно общему понятию придается подтекст близких людей, это позволяет сделать текст более убедительным и обратить внимание тех, кто не думал о возможной угрозе с такой точки зрения. Во втором предложении вновь идет критика недостаточного внимания к возможному ядерному кризису.

В дальнейшем манифестарность приводит к озвучиванию возможных путей деэскалации конфликта. Вновь может выделить как манифестарность (критика) создает основу для озвучивания предложений, именно поэтому манифестам важно правильно донести свои мысли до читателей в рамках речевого акта. В контексте «Russel-Einstein Manifesto» манифестарность проявляется в попытке обратить внимание людей вне зависимости от расы, пола, вероисповедания на угрозу ядерного конфликта и всеобъемлемость проблемы.

Третьим примером реализации свойства будет эстетический манифест «Metamodernist Manifesto» Люка Тёрнера в переводе Артемия Гусева [Гусев: эл. ресурс]. Этот текст важен для анализа свойства с нескольких точек зрения: новизна манифеста (2011 г.), эстетическая направленность критики. В первых двух примерах критика затрагивала политическое или социальное устройство общества, однако, как было отмечено в чертах жанра, манифест ещё может быть литературным или эстетическим. Последний, эстетический тип, относится к культуре в целом. В «Metamodernist Manifesto» критикуется восприятие мира через матрицу модерна и постмодерна. Внимание автора обращено на недостатки абстрактных вещей, а не объективных (притеснения колонии, угроза ядерного конфликта).

Структурно текст состоит из восьми пунктов, которые содержат манифестарность и перформативность одновременно. Первый пример: «Мы должны освободиться от инертности, вызванной веком идеологической наивности модернизма и циничного лицемерия его антонимичного внебрачного ребенка». В отрывке критикуется ушедшая эпоха модерна и актуальная постмодерна. Модерн характеризуется словом «наивный», в истории жанра начало XX в. характеризуется появлением большого количества новых идей об изменении различных сфер общества. С помощью вышеобозначенной лексики подчеркивается необоснованный оптимизм людей той эпохи, который мешал оценивать вещи объективно. Постмодерн является противоположностью, человечество не стремится к переменам и скептически относится к чему-то новому. Эти две крайности не устраивают автора, через свою критику он пытается найти середину – метамодерн.

Второй пример: «Движение должно осуществляться посредством колебания между позициями с диаметрально противоположными идеями, подобно пульсирующим полярностям огромной электрической машины, приводя мир в действие». Критика в данном примере выражена в тексте имплицитно. Люк Тёрнер говорит о необходимости колебаний

между двумя разными идеями, под этими «идеями» подразумевается искренность и открытость, присущая эпохе модерна, с одной стороны, и сомнение, аналитический характер постмодерна с другой стороны. В призме постмодерна не существует подобных колебаний, поэтому необходимо синтезировать в новой культурной парадигме, метамодерне, положительные стороны предшествующих парадигм.

В «Metamodernist Manifesto» критика нацелена на недостатки модерна и метамодерна. Через выявление негативных сторон автор делает эмфазу на сильных аспектах этих культурных матриц и как их можно использовать для создания новой концепции – метамодерна. Манифестарность, в случае этого текста, неразрывно связана с высказыванием предложений о преобразовании культурной действительности.

Последний манифест – «Stop saving the planet!: An Environmentalist Manifesto» за авторством Дженни Прайс [Price 2021]. Он является уникальным в рамках жанра по многим причинам: формат книги – обычно манифесты достаточно небольшие по объему, этот манифест состоит из 144 страниц. В условиях такого объема от автора требуется пересмотр стратегии написания, иначе существует вероятность потерять внимание читателя из-за большого для жанра объема. Во-вторых, текст является новым (выпущен в 2022 г.) и критика направлена на американский экологический дискурс. У книги нет официального перевода, поэтому будут даны наши варианты перевода.

Пример: «*You can genuinely care about our urgent environmental crises—but also fail to seriously challenge the uber-toxic industrial and economic practices that create and perpetuate them*», перевод: «Вы можете искренне беспокоиться о наших острых экологических кризисах – но при этом не бросать серьезный вызов свертотоксичным промышленным и экономическим методам, которые их создают и закрепляют». Одной из ключевых точек критики выступает отказ американских эоактивистов решать причины проблем. Дженни Прайс ставит под сомнение полезность незначительных вещей (сортировка мусора в масштабе отдельного человека) перед существующими проблемами в лице масштабных экологически-вредных производств. Ставится под сомнение эффективность подобного поверхностного подхода

Пример: «*Green Virtue—I recycle, I’m an amazing person! – is the greener-than-thou-ness that has always plagued environmentalism.*» Перевод: «Зеленая добродетель – Я перерабатываю, я замечательный человек!» – это мировоззрение «зеленее, чем ты», всегда отравляло движение эоактивизма». В отрывке критикуется элитизм эоактивистов, который отпугивает простых людей. Концепция «зеленой добродетели» легитимизирует незначительные действия, давая многим людям повод для мнимого чувства превосходства. Это значение придается за счет оборота «greener-than-thou-ness», по форме оно подражает фразе «holier-than-thou». Так называют людей, который ставят себе выше других с моральной точки зрения. Дженни Прайс критикует неправильный подход эоактивистов, который потенциально отпугивает большое количество обычных людей.

Последний пример: «*Greenwashing is the deployment of small acts of Green Virtue—which allows a company to continue to change environments mostly badly and inequitably to maximize growth and profits*». Перевод: «Гринвошинг – это небольшие проявления «зеленой добродетели», которые позволяют компании продолжать изменять окружающую среду, чаще всего в худшую сторону и несправедливо, чтобы максимизировать рост и прибыль». Для анализа отрывка необходимо понять значение термина «Greenwashing», это явление, когда компании на показ совершают малоэффективные экологичные поступки и продолжают применять экологически-вредные методики производства. Дженни Прайс снова критикует заикленность на маленьких действиях и игнорирование большей картины экологический ситуации в США. Корпорации прибегают к маленьким и незначительным действиям вместо осуществления крупных решений по улучшению экологии, поскольку это экономически убыточно в долгосрочной перспективе.

Манифестарность в данной книге показывает неэффективность маленьких действий и необходимость более масштабных изменений. Критике подвергается элитарный подход к экоактивизму, который отталкивает простых американцев.

Как было продемонстрировано, в каждом манифесте присутствует черта манифестарности. Жанр существует как критика определенной проблемы и реализуется через высказывание о ней, это может быть проблема социального, политического, культурного плана. Из-за многогранности жанр способен охватывать разные дискурсивные поля, поэтому анализ отдельных манифестов позволяет более четко выделить границы самого жанра.

Заключение

В завершении отметим, что, отчасти, из-за ориентированности жанра на критику он стал менее популярным в постмодерне. Юрген Хабермас (Jurgen Habermas) в книге «Modernity: an unfinished project» объяснил большое количество критических теорий (в том числе манифестов) необходимостью прихода новых устоев модерна на смену классицизма [Habermas 2015]. Из большого количества теорий появилось небольшое количество жизнеспособных. После окончания модерна такая необходимость отпала, поэтому критика перестала быть так нужна. По концепции «Ризомы» Жюль Делёза (Gilles Deleuze 1925 – 1995) и Феликса-Пьера Гваттари (Pierre-Felix Guattari 1930–1992) теория в постмодерне становится все сложнее. Уже не получится создать яркий и броский критический текст, авторам придется оперировать высоконаучным философским языком [Deleuze, Guattari 2004]. Тем не менее, жанр адаптируется к современным рамкам постмодерна и даёт возможность критиковать устаревшие теории, не уходя полностью в сухой научный язык.

Список литературы

1. Гусев А. Метамодернист Манифест. URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 01.02.25).
2. Жидков О. А. Соединённые Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / пер. с англ. М. : Прогресс; Универс-Москва, 1993. 768 с.
3. Лютер М. Избранные произведения. СПб. : Андреев и Соглае, 1994. 430 с.
4. Маринетти Ф. Т. Футуризм / пер. с итал. Н. Н. Михайлова. СПб. : Прометей, 1914. 241 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1985. 63 с.
6. Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж.Л. Избранное. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.
7. Саррот Н. Тропизмы: эра подозрения / пер. с фр. М. : Полиформ-Талбури, 2000. 293 с.
8. Эйнштейн А., Рассел Б. Победа разума над оружием. Манифесты будущего. М. : Родина, 2022. С. 1–8.
9. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes / Littérature. Paris. No. 39, 1980. P. 3–11.
10. Ansorge U., Pelowski M., Quigley C., Peschl M., Lede H. Art and Perception: Using Empirical Aesthetics in Research on Consciousness, 2022. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.895985/full> (дата обращения: 01.02.25) DOI: 10.3389/fpsyg.2022.895985 EDN: YMMZVL
11. Berg H. The Manifesto – a Genre? On the Historiographical Problem of a Descriptive Auxiliary Construction // Manifesto: Intentionality. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1998. P. 193–225.
12. Burger M. Les Manifestes: Paroles de Combat; De Marx à Breton. Lonay, Switzerland: Delachaux and Niestle, 2002. P. 123-126.
13. Caws, M. Manifesto: A Century of Isms, 2001. URL: <https://www.professores.uff.br/ricardobasbaum/wpcontent/uploads/sites/164/2017/11/mary-ann-caws-manifesto-a-century-of-isms-1.pdf> (дата обращения 01.02.25)
14. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus / trans. B. Massumi. New York : Bloomsbury Academic, 2004. 723 p.
15. Habermas J. Modernity: An Unfinished Project [1980] // Calhoun C. J. (ed.). Contemporary Sociological Theory. Malden, MA: Blackwell, 2007. P. 2–363.

16. Price J. Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto. W. W. Norton & Company, 2021. 144 p.
17. Puchner M. Manifesto = Theatre // Theatre Journal. Baltimore, 2002. Vol. 54. No. 3. P. 449-465.
18. Puchner M. Poetry of the Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 336 p.
19. Stevens R. Manifestoes: A Study in Genre, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 01.02.25)
20. Yanoshevsky G. Three Decades of Writing on Manifesto: The Making of a Genre // Poetics Today. Durham, 2009. Vol. 30. No. 2. P. 257–286.

References

1. Gusev A. Metamodernist Manifest [Metamodernist Manifesto]. (In Russ.). Available at: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (accessed: 01.02.25).
2. Zhidkov O. A. Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye [United States of America: Constitution and Legislation]. Moscow, Progress, Univers-Moskva, 1993, 768 p. (In Russ.).
3. Lyuter M. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Saint Petersburg, Andreev i Soglasie, 1994, 430 p. (In Russ.).
4. Marinetti F. T. Futurizm [Futurism]. Saint Petersburg, Prometey, 1914, 241 p. (In Russ.).
5. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto]. Moscow, Politizdat, 1985, 63 p. (In Russ.).
6. Ostin Dzh. L. Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov? [How to take action with words?]. *Ostin Dzh. L. Izbrannoe*. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, 1999, pp. 13-138. (In Russ.).
7. Sarrot N. Tropizmy: era podozreniya [Tropisms: The Age of Suspicion]. Moscow, Polinform-Talburi, 2000, 293 p. (In Russ.).
8. Eynshteyn A., Rassel B. Pobeda razuma nad oruzhiem. Manifesty budushchego [The Victory of Reason over Weapons: Manifestos of the Future]. Moscow, Rodina, 2022, pp. 1-8. (In Russ.).
9. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes / Littérature. Paris. No. 39, 1980. P. 3–11.
10. Ansorge U., Pelowski M., Quigley C., Peschl M., Lede H. Art and Perception: Using Empirical Aesthetics in Research on Consciousness, 2022. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.895985/full> (дата обращения: 01.02.25) DOI: 10.3389/fpsyg.2022.895985 EDN: YMMZVL
11. Berg H. The Manifesto – a Genre? On the Historiographical Problem of a Descriptive Auxiliary Construction // Manifesto: Intentionality. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1998. P. 193–225.
12. Burger M. Les Manifestes: Paroles de Combat; De Marx à Breton. Lonay, Switzerland: Delachaux and Niestle, 2002. P. 123-126.
13. Caws, M. Manifesto: A Century of Isms, 2001. URL: <https://www.professores.uff.br/ricardobasbaum/wpcontent/uploads/sites/164/2017/11/mary-ann-caws-manifesto-a-century-of-isms-1.pdf> (дата обращения 01.02.25)
14. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus / trans. B. Massumi. New York : Bloomsbury Academic, 2004. 723 p.
15. Habermas J. Modernity: An Unfinished Project [1980] // Calhoun C. J. (ed.). Contemporary Sociological Theory. Malden, MA: Blackwell, 2007. P. 2–363.
16. Price J. Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto. W. W. Norton & Company, 2021. 144 p.
17. Puchner M. Manifesto = Theatre // Theatre Journal. Baltimore, 2002. Vol. 54. No. 3. P. 449-465.
18. Puchner M. Poetry of the Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 336 p.
19. Stevens R. Manifestoes: A Study in Genre, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 01.02.25)
20. Yanoshevsky G. Three Decades of Writing on Manifesto: The Making of a Genre // Poetics Today. Durham, 2009. Vol. 30. No. 2. P. 257–286.

Информация об авторах

О. И. Графова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

К. А. Рязанцев – аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about authors

O. I. Grafova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

K. A. Ryazantcev – Postgraduate Student,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 28.06.2025.

The article was submitted 20.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 28.06.2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Н. Л. Габриель ПЕРМСКАЯ ПОТРЕБКООПЕРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	7
С. Н. Штейников ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В КРЫМСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В 1920–1929 ГГ.	15
Н. С. Смертина КОМПЛЕКС БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНУШКА	21
В. С. Ковин ГДЕ ИСКАТЬ ИСХОДНУЮ ТОЧКУ?: К ИСТОРИЧЕСКИМ ПРЕДПОСЫЛКАМ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ЛИКВИДАЦИИ «СУВЕРЕНИТЕТА» КАРАКАЛПАКСТАНА ЛЕТОМ 2022 Г. И ПРИЧЕМ ЗДЕСЬ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ	28
А. В. Шишигин ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»	40
ФИЛОЛОГИЯ	49
А. М. Подгаец ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕАЕНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ АНГЛО-САКСОНСКОГО МИРА	49
И. В. Архипова СЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ТАКСИСНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ	57
И. А. Подавылова, В. Л. Попов ПРИНЦИПЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «САГИ О ВЕДЬМАКЕ» АНДЖЕЯ САПКОВСКОГО)	66
А. М. Воловей ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ЛИНГВИСТИКИ	71
С. А. Рябкин КАТЕГОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	86
О. И. Графова, К. А. Рязанцев «МАНИФЕСТАРНОСТЬ» МАНИФЕСТА: РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО ОТКЛИКА СКВОЗЬ ВРЕМЯ	92

CONTENT

HISTORY	7
N. L. Gabriel PERM CONSUMER COOPERATION AS AN OBJECT OF CLOSE ATTENTION OF STATE AND POLITICAL FORCES AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY	7
S. N. Shteinikov ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE CRIMEAN CADET CORPS IN 1920-1929	15
N. S. Smertima BRONZE AGE COMPLEX OF THE SETTLEMENT OF CHERNUSHKA.....	21
V. S. Kovin WHERE TO LOOK FOR THE STARTING POINT?: THE HISTORICAL BACKGROUNDS OF THE PROTEST AGAINST THE LIQUIDATION OF THE "SOVEREIGNTY" OF KARAKALPAKSTAN IN THE SUMMER OF 2022 AND WHAT DO HISTORY TEXTBOOKS HAVE TO DO WITH IT.....	28
A. V. Shishigin CIVILIZATIONAL APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR TEACHING THE DISCIPLINE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»	40
PHILOLOGY	49
A. M. Podgaets WRITING MONUMENTS OF THE OLD ENGLISH PERIOD AS A REFLECTION OF THE ANGLO-SAXON WORLD	49
I. V. Arkhipova COMPLEX DEVERBATIVES OF THE GERMAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF TAXIS ACTUALIZATION.....	57
I. A. Podavylova, V. L. Popov PRINCIPLES OF VISUALIZATION OF LITERARY TEXT (BASED ON ANDRZEJ SAPKOWSKI'S "THE WITCHER SAGA")	66
A. M. Volovey INTERNET COMMUNICATION AS A TOOL OF SOCIAL INFLUENCE IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC PHILOSOPHY	71
S. A. Riabkin THE CATEGORY OF INSTRUMENTALITY: A LINGUISTIC PERSPECTIVE	86
O. I. Grafova, K. A. Ryazantcev "MANIFESTNESS" OF THE MANIFESTO: DEVELOPING A CRITICAL RESPONSE THROUGH TIME.....	92

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2025. № 19

Ответственный редактор выпуска
Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

*Издается в авторской редакции.
Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 07.10.2025.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru